
ОГОНЁК
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

На Ново-Краматорском заводе имени Сталина. Сборка лебедки шагающего экскаватора.

Фото Н. Козловского

На первой странице обложки: Утренний туалет. Врач Насыма Токтарова со своим сыном Исакбеком. Город Пржевальск, Киргизской ССР.

Фото И. Тункеля

ОГОНЁК № 39 (1320) 21 СЕНТЯБРЯ 1952

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В честь исторического съезда!

В эти дни, когда советский народ готовит достойную встречу XIX съезду партии, с особой силой проявляются кровные связи всех трудящихся нашей страны со своим боевым авангардом — Коммунистической партией. Растет и ширится социалистическое соревнование в честь предстоящего съезда.

Рабочие, колхозники, интеллигенция восприняли проект директив съезда по пятому пятилетнему плану как программу действий. Каждый сознает, что пятая пятилетка определяет новый мощный подъем нашего социалистического хозяйства, обеспечивает дальнейший рост материального благосостояния и культурного уровня народа. И каждый стремится своим трудом внести вклад в общенародное дело, еще больше укрепить могущество нашей Родины, уверенно идущей по пути к коммунизму.

Что ни день, приходят новые вести о трудовых подвигах на заводах, фабриках, шахтах, об огромных успехах тружеников колхозного села. «В честь исторического съезда!» — этими знаменательными словами начинаются социалистические обязательства коллективов и отдельных трудящихся, ставших на предсъездовскую стахановскую вахту.

Производственный подъем царит и на московском машиностроительном заводе «Борец». Шлифовщик инструментального цеха Яков Степанович Сошников, избранный делегатом на X московскую областную конференцию ВКП(б), обязался в эти дни выполнять ежедневно не менее трех норм.

На снимке — Я. С. Сошников.

Фото Дм. Бальтерманца

Ведущая сила

А. СТАРКОВ

В этот вечер Александру Михайловичу Анфимову предстояло заняться несколько необычным для него делом: он должен был дать рецензию на рассказ. Написал рассказ Миша Егоров, помощник машиниста с «Уральца».

Миша пришел к Анфимову попрощаться. Он, собственно, никуда не уезжал, а поступил в техникум, который находится в десяти километрах от Комсомольска, в Ставрополе; туда каждые полчаса отправляется автобус. И хотя Егоров снимается с партийного учета, он, как пропагандист, будет по договоренности с политотделом вести на участке тот же кружок, что и прошлый год. Все же перемена в жизни наступила большая: помощник машиниста собирался стать техником-строителем — и поэтому пришел за напутствием.

К концу разговора выяснилось, что мишин приход имел и вторую цель. Егоров держал в руках свернутые в длинную трубку бумаги. То был написанный им рассказ. Автор требовал «самого строгого, без скидок, критического разбора».

Вот какое обстоятельство заставило секретаря партийного бюро заняться литературной критикой.

Рассказ назывался «Коммунисты». Читая его, Анфимов узнавал людей, с которыми видится ежедневно, которые стали ему родными за проведенные на стройке полтора года.

Бригадир Василий Дементьев... Ну, конечно же, это Василий Михайлович Клементьев! Он сразу угадывается в высоком, грузном, внешне не очень складном человеке, который не знает, куда девать свои большие, сильные, с узловатыми кулаками руки, когда они свободны, и который мгновенно преображается, как только поднимается в кабину экскаватора и охватывает ладонями рычаги. Вся его фигура становится легкой, собранной, даже изящной; все движения рук, ног, туловища словно подчинены какому-то внутреннему ритму.

В описании бригадира Александр Михайлович почувствовал явное пристрастие автора к своему герою. Егоров любуется работой экскаваторщика, будто оглядывает со всех сторон и говорит: хорош!

Анфимов несколько раз с удовольствием перечитал про «чайную ложечку». Все рассказано так, как было у Клементьева. А было это в начальный период строительства, когда на левом берегу не появлялись еще мощные электрические экскаваторы — «уральцы». Прибыли пока только «ковровцы» да три машины старой конструкции с крошечным, в четверть кубометра, ковшом. Чтобы наполнить самосвал таким «ковшиком», надо по меньшей мере раз восемь его поднять и опустить. Шоферы шутили: «Покамест загрузят, можно капитально отремонтироваться». Честно говоря, среди экскаваторщиков было мало охотников работать этакой «чайной ложечкой». От нее отказывались под различными предлогами, зная, что вот-вот должны подойти «уральцы».

Предложили коммунисту Клементьеву. Он сел к рычагам и повёл машину в забой, поставил ее рядышком с «ковровцем», которым управлял Аким Дергунов, один из тех, кто весьма пренебрежительно отзывался о «чайной ложечке».

Аким соболезнующе посматривал на Клементьева из окна своей кабины. Но пока он посматривал, «чайная ложечка» быстренько клевала да поклевывала грунт, и самосвалы не очень что-то задерживались около нее. Никому из шоферов не удавалось «капитально отремонтироваться». В первый день свои восемь ковшей Василий выгружал за то же примерно время, что Аким — два своих. К концу смены общие итоги у них сравнялись, а за неделю Дергунов безнадежно отстал. В свою-то норму он укладывался, да вот Клементьев давал не одну норму, а пять с лишним. Получалось пятьсот кубов, и даже такие молодцы-экскаваторщики, как Оленин и Чекашев, еле поспевали за Василием на своих «ковровцах»...

Нет, про «чайную ложечку» получилось у Миши Егорова просто замечательно!

И биография Дементьева в мишином рассказе — это биография Клементьева. Ему сорок лет. Родился он в нескольких километрах от того места, где развернулась сейчас стройка. Отец был пильщиком на маховой пиле и умер во время работы от разрыва сердца. Васе шел в ту пору седьмой год, но он запомнил, как батька лежал грудью на козлах, широко разбросав ноги, не выпуская из рук пилы. И потом, когда мальчик подрос, всякий раз, увидев человека, занятого тяжелым физическим трудом: лесоруба ли, косаря, шпалотеса,— он вспоминал отца, и ему хотелось сделать что-нибудь такое, чтобы людям стало легче трудиться, чтобы они не умирали от непосильного труда.

Он тянулся к машинам, к технике и был первым трактористом в округе, а в самом начале тридцатых годов уехал с артелью земляков в Нижний Новгород, на строительство автомобильного завода.

Старшим в артели был Илларион Егоров, человек семейный; он привез на стройку жену и годовалого сына Мишку... Жили артельно, в бараке, но работали на разных участках. Василия, как тракториста, определили в экскаваторщики. Подучился, конечно, на курсах, пробыл с полгода в помощниках и получил в самостоятельное управление машину, с которой не расставался до самой Отечественной войны.

На войне Клементьев был шофером. В дни Сталинградской битвы вступил в партию. Демобилизовавшись, поехал в Ульяновскую область, куда эвакуировалась жена с детьми. Он хотел забрать их — и в Горький! Но его вызвали в райком. Секретарь просил помочь: в МТС не хватает трактористов, не согласится ли товарищ Клементьев временно возглавить бригаду? Только на год, пока других подучим... Василий прожил год, остался на второй, на третий, привык к людям, к работе и, наверно бы, вовсе не уехал, если б не постановление о строительстве Куйбышевской гидростанции. Клементьев прочитал это постановление, сверился с картой, увидел, что гидроузел будут строить по соседству с родным Сенгилеевым, и его неудержимо потянуло туда.

Как раз в то время, когда Клементьев удивлял всех своей «чайной ложечкой», на участке появился новый учетчик, пожилой прихрамывающий человек. Он подошел к клементьевскому экскаватору, посмотрел на сосредоточенного, ничего не замечающего, кроме ковша и самосвала, машиниста, поднялся к нему в кабину и мягко обнял за плечи. Это был Илларион Егоров. Приехал, оказывается, на стройку вместе с сыном.

— С Мишкой? — спросил Клементьев, продолжая быстро переставлять рычаги.

— С ним, с Михаилом. Ты, брат, его не узнаешь. В армии успел отслужить. Партийный...

— Да ну!.. Сколько же ему лет? — удивился Василий Михайлович, забывая, что сынишка Егорова лет на восемь старше его Генки, а Генка семилетку заканчивает.

— Слушай,— сказал Илларион.— Тебе, кажется, помощник нужен. Возьми моего. Огорчений не принесет. Дизеля знает неплохо: механиком-водителем был на танке.

На другой день Миша Егоров стоял в кабине экскаватора. С этого момента он всегда был около Клементьева, помогал ему, учился у него: и на монтаже «уральца» и в ту минуту, когда бригадир повел эту могучую машину в район будущего нижнего шлюза. Там начинали отсыпку перемычки. Клементьев, как лучший экскаваторщик, заслужил право поднять первый ковш с грунтом...

О нем, о своем бригадире, учителе, Миша Егоров и решил написать так, чтобы все видели: вот настоящий человек!

Остальные действующие лица рассказа тоже легко узнаются, хотя фамилии их изменены. Анфимов видит сменщика Клементьева — угловатого, медлительного уральца Степана Медведева, которого кто-то назвал однажды Калинычем, потому что он в самом деле напоминает некоторыми чертами тургеневского Калиныча: такой же ясный, доверчивый, чуточку наивный. Видит Анфимов третьего машиниста с клементьевского экскаватора, ершистого, самолюбивого Василия Згуру; еще одного Василия, электрика Скотникова, который славится как самый боевой, вдохновенный агитатор на участке; братьев Нечипуренко, Ивана и Федора, которые вместе с Митей Звездиным и помощниками составляют наиболее «опасный» для клементьевцев экипаж, идущий в соревновании буквально по пятам у них и грозящий вот-вот «обогнать на вираже».

Словом, люди выписаны в рассказе так, что их сразу можно узнать не только по слегка измененным фамилиям, но и по характерам, по поступкам. Это очень хорошо! Только вот секретаря партийного бюро не следовало наделять в рассказе фамилией Алферов, похожей на фамилию Анфимов. И какая была необходимость пользоваться фактами именно его, Анфимова, биографии? Студент Института механизации сельского хозяйства... Главный механик старейшей в стране Кузнецкой МТС... Парторг ЦК ВКП(б) на строительстве газопровода... Руководитель партийной организации заволжского степного района, земли которого, изголодавшиеся по влаге, будут обильно орошаться, как только построят Куйбышевскую гидростанцию... По этим сведениям всякий догадается, кого имел в виду автор. И уж вовсе не нужно было писать, что секретарю партбюро сорок семь лет, а он уже дедушка: три внучки у него и внук... Что питает секретарь особое пристрастие к художественной самодеятельности, ибо сам когда-то певал на клубной сцене партию Хозе... Что часто покашливает секретарь, а лечиться не едет... Ни к чему все это.

Центральный эпизод рассказа относится к той горячей поре, которую переживали строители в канун минувшей весны.

Известно, что гигантский Куйбышевский гидроузел будет состоять из электростанции, земляной и железобетонной плотин, двух судоходных шлюзов: нижнего и верхнего. Здание ГЭС и земляную плотину должен воздвигнуть коллектив правобережного района стройки; железобетонную водосливную плотину и шлюзы — люди левобережного, Комсомольского.

На левом берегу начали с нижнего шлюза. Прежде чем строить шлюз, нужно вырыть в русле реки котлован для него. А прежде чем вырыть котлован, нужно оградить намеченный участок перемычкой. Этим и занимались всю осень и зиму. Экскаваторы, самосвалы, скреперы, бульдозеры, тракторы копали, возили, сбрасывали, утрамбовывали и укатывали грунт.

Темп нарастал, большинство людей трудилось прекрасно, но график выемки и укладки грунта полз вверх медленнее, чем это требовалось. Общий трудовой подъем был велик, но где-то, в каких-то звеньях огромного организма, который представляет собой строительный район, не все было, видимо, как следует притерто и прилажено. Нужно было найти эти звенья, вытянуть, и их искала партийная организация, искал Анфимов, как секретарь партийного бюро. Кое-что становилось ему уже ясным, но цельной картины пока не вырисовывалось, и он снова и снова шел к людям.

Вот так он оказался в кабине клементьевского экскаватора как раз в трудную для бригадира минуту. Под гусеницами внезапно проступила вода, и «уралец» начал оседать. Судя по всему, попался глинистый слой. Ну да, глина встретилась, не пропускает воду, и вода скапливается. Сейчас машина будет вязнуть и вязнуть, станет беспомощной, неуклюжей, и потребуется не меньше часа, чтобы вывести ее из опасной зоны. Не повезло Клементьеву. Но что бригадир делает? Почему не велит подсоб-

никам тащить доски, а вгоняет зубья ковша в подошву забоя? Ах вон оно что! Он хочет прорезать слой глины. Правильно! Вода сама начнет уходить в песок, не надо ее откачивать. Вот она уже уходит, и машинист забрасывает образовавшуюся яму твердыми комьями. Машина снова на прочном основании. Вот это мастер! Надо собрать всех экскаваторщиков, пусть Василий Михайлович расскажет им о своем способе водоотлива...

Клементьев отпустил рычаги, обернулся к Анфимову и сказал:

— Ты сегодня, Александр Михайлович, будешь у себя часов в восемь? Хотим зайти с ребятами. Надо посоветоваться...

И они пришли вечером: Клементьев, Згура, Скотников, Егоров, Игнатьев, Камалеев — шесть коммунистов. Первым вошел в комнату Клементьев. Он заговорил первым.

— Мы вот о чем, товарищ Анфимов... непорядков много. Действуем не кулаком, а растопыренной пятерней. По воздуху часто бьем.

— Вот уж ты загадками... — улыбнулся Анфимов.

— Будет разгадка. Не торопи, Александр Михайлович. У меня разговор такой... Про кулак и пятерню я не зря. Сегодня свободно могли дать в перемычку две тысячи кубов, а дали полторы с трудом. Почему? С утра самосвалы шли на третьей скорости, потом потихонечку, полегонечку.

— Чего ж им, шоферам, спешить после обеда? — зло сказал Згура.— У них норма — 27 рейсов. Сделал еще три — прогрессивка идет...

— Норма неправильная,— продолжал Клементьев,— не согласованная с возможностями экскаватора. Мы еще только во вкус входим, а они уже, глядишь, дневное задание выполнили. И можно не спешить. Прогулочка... Верно говорю, Георгий?

— Верно-то верно,— отозвался шофер Игнатьев,— да не про всех.

— А я тебя, да Задворнецкого, да других передовиков не касаюсь. Если бы все так ездили — по 50 рейсов,— то и разговора бы этого не было. Я — в целом...

— В целом — верно. Норма у нас заниженная. Но дело не только в ней, в норме-то. На сознательность надо бить, на дружбу.

— Вот именно, на дружбу... Я нынче и фамилий шоферов не могу запомнить: все время меняются. То к одному экскаватору пошлют, то к другому. Содружество нужно между машинистом и шофером. Чтобы друг друга без слов понимали.

— Так мы ж с тобой договорились сегодня... Создаем комплексную бригаду с постоянным составом. Экскаваторщики, шоферы — вместе. Одна забота — одна ответственность... Больше грунта в перемычку — вот теперь наша норма. Мы на это всех шоферов поднимем!

— Договорились!

— В гараже много хороших ребят, я там часто бываю, вижу их,— вставил реплику Миша Егоров и вдруг покраснел, поняв, что выдал себя, хотя и без того всем известно, почему Миша частенько наведывается в гараж как раз в те часы, когда там в диспетчерской дежурит Валя Новикова...

— Камалеева не забыли, когда договаривались о бригаде? — спросил Анфимов.

— Камалеева Акмала нельзя забыть,— сказал бульдозерист Акмал Камалеев.— В бригаде будет Акмал. Дороги обеспечит. Отвал обеспечит. Порядок полный будет у Акмала...

— Большое дело начинаем, Александр Михайлович! — встал во весь рост Клементьев.— Хотим давать за смену 2 500 кубометров... Комплексная бригада всю цепочку за собой потащит. Вот тут Камалеев говорил о дороге, об отвале. Мастер он, ничего не скажешь, хороший. Да одному-то не справиться. Дороги у нас скверные. Надо, чтобы начальство серьезно заботилось о дорогах. И на отвале, на перемычке, далеко до полного порядка. Мы спешим, стараемся быстрее грузить самосвалы, а там они в очереди стоят. И про учет скажу. На перемычке грунт замеряют точно, а в забое — на глазок. Четкая система должна быть на всех участках. Большое дело затеваем! Не сорваться бы... Нужна партийная поддержка.

— Будет поддержка! — сказал Анфимов и тоже встал. — Мы еще продолжим этот разговор, товарищи.

Разговор был продолжен на партийном бюро, на партийном собрании. Он был продолжен в делах коммунистов и всех, кто поднялся за ними. Тысячи кубометров песка, уложенные досрочно в перемычку, и сама перемычка, вовремя возведенная и прочно оградившая будущий котлован, были продолжением этого разговора.

Беседа в комнате у Анфимова точно передана Мишей Егоровым в его рассказе: он был при этом. Но вот откуда он узнал о разговоре Анфимова со Згурой? Только от самого Згуры. А разговор был такой, что не с каждым поделишься о нем. Значит, дружат они...

Згура пришел как-то с обидой. В чем-то его ущемляют, не дают хода, а в чем именно, не совсем понятно.

— Ты с Клементьевым советовался, с бригадиром?— спросил Анфимов.

— Клементьев, Клементьев! — вскипел вдруг Згура.— Везде и всюду Клементьев...

— Все ясно,— сказал спокойно Анфимов.— Душу Василия Згуры терзает черная зависть. Чем он, Згура, хуже Клементьева! В работе как будто не отстает, машину знает... Но я тебе скажу, Вася, чем ты сегодня хуже Клементьева. Скажу прямо, ты можешь обижаться, но выслушать придется. Во-первых, он скромнее тебя. Василий Михайлович всегда говорит: «Мы сделаем, мы подумаем». Идея комплексной бригады кому принадлежала? Клементьеву. А он сделал так, что эта идея, эта мысль стала коллективной. У тебя же, Вася, последняя буква алфавита все остальные оттерла. Во-вторых, он смелее. Не смотри на меня такими страшными глазами. Знаю, что воевал, знаю, что орден... И все-таки говорю: он смелее. С ковшом-то Коваленко как у вас получилось?

А получилось так.

Экскаваторщик Борис Коваленко, работающий в Правобережном районе стройки, предложил для «уральца» конструкцию нового ковша, захватывающего не два с половиной кубометра грунта, а четыре. Завод сделал по чертежам Коваленко два таких ковша и прислал для испытания на стройку. Один взял сам конструктор, другой вытребовал для себя Клементьев. Начали испытывать. Ковш больше прежнего, но легче: за счет тонких стенок. Днище открывается стремительно, резко, и нужно действовать с особой осторожностью. Згура разок слегка стукнул днищем о кузов самосвала, стукнул еще раз и заявил, что работать с этим ковшом невозможно. У Клементьева тоже не все шло гладко: ковш действительно требовал очень деликатного с собой обращения. Клементьев терпеливо экспериментировал, Згура ворчал, сердился и в опытах участвовал неохотно, считая дело безнадежным.

— Кто же из вас смелее? — продолжал Анфимов. — Ты сразу вышел из боя, поднял руки.

— Я убежден, что ковш не годится.

— А Клементьев говорит: хорош. Надо только к нему примениться. И мы, говорит, применимся. Шутка сказать, лишних полтора кубометра! Тут стоит поразмыслить, попотеть... Вот как считает Клементьев! И я полагаю, что он, Василий-то Михайлович, добьется своего.

В конце недели, в субботу, Анфимов и Клементьев встретились на заседании партийного бюро.

— Ну, как с ковшом? — спросил Анфимов.

— Можно считать, освоили,— сказал бригадир.— Згура у нас молодец!.. Ох, во-время получили этот ковш! Завтра перегоняем машину к верхней перемычке. Там раб-о-оты!

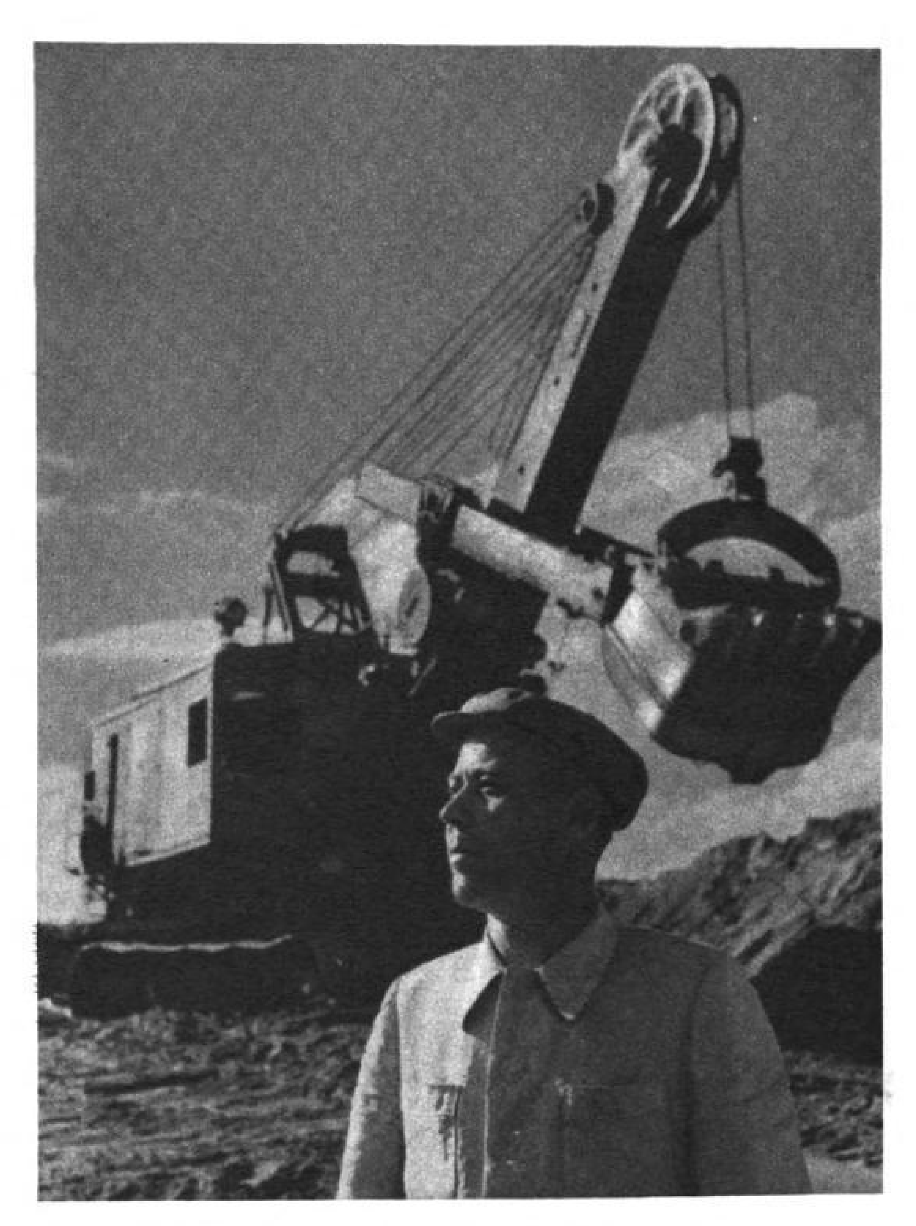
...Рассказ «Коммунисты» заканчивается беседой агитатора о Девятнадцатом съезде партии.

Это было третьего дня.

В перерыв между сменами люди собрались в забое около клементьевской машины. Вася Скотников стоял на площадке экскаватора и держал в руке «Правду». Анфимов присел на гусеницу, и ему были видны отсюда все, кроме Клементьева, находящегося в кабине; сейчас начнется его смена, и он уже поднял в воздух наполненный песком ковш. Только что Василий Михайлович был в партийном бюро, показывал Анфимову листок с обязательством комплексной бригады: «В сентябре, к съезду— 150 тысяч кубометров...» Сидит в своей кабине и шофер Игнатьев, он положил ладони на баранку, готовый включить скорость... Анфимов всматривается в лица людей. Вот Степан Медведев, лицо у него спокойное, улыбчивое, а, поди, устал за ночную смену: три с половиной тысячи поднял, никто еще не давал такой выработки... Вот Вася Згура, горячий, порывистый, ершистый, но в общем-то хороший, славный парень, нетрудно догадаться, на чем он сейчас весь сосредоточен: перекрыть рекорд Степана!.. Вот Акмал Камалеев, братья Нечипуренки, Витя Задворнецкий. Слушают агитатора...

Хорошо описал это Миша Егоров.

Александру Михайловичу нравится рассказ. И название хорошее: «Коммунисты».

Александр Михайлович Анфимов. Фото Б. Кузьмина

БИТВА ЗА ПЛОДОРОДИЕ

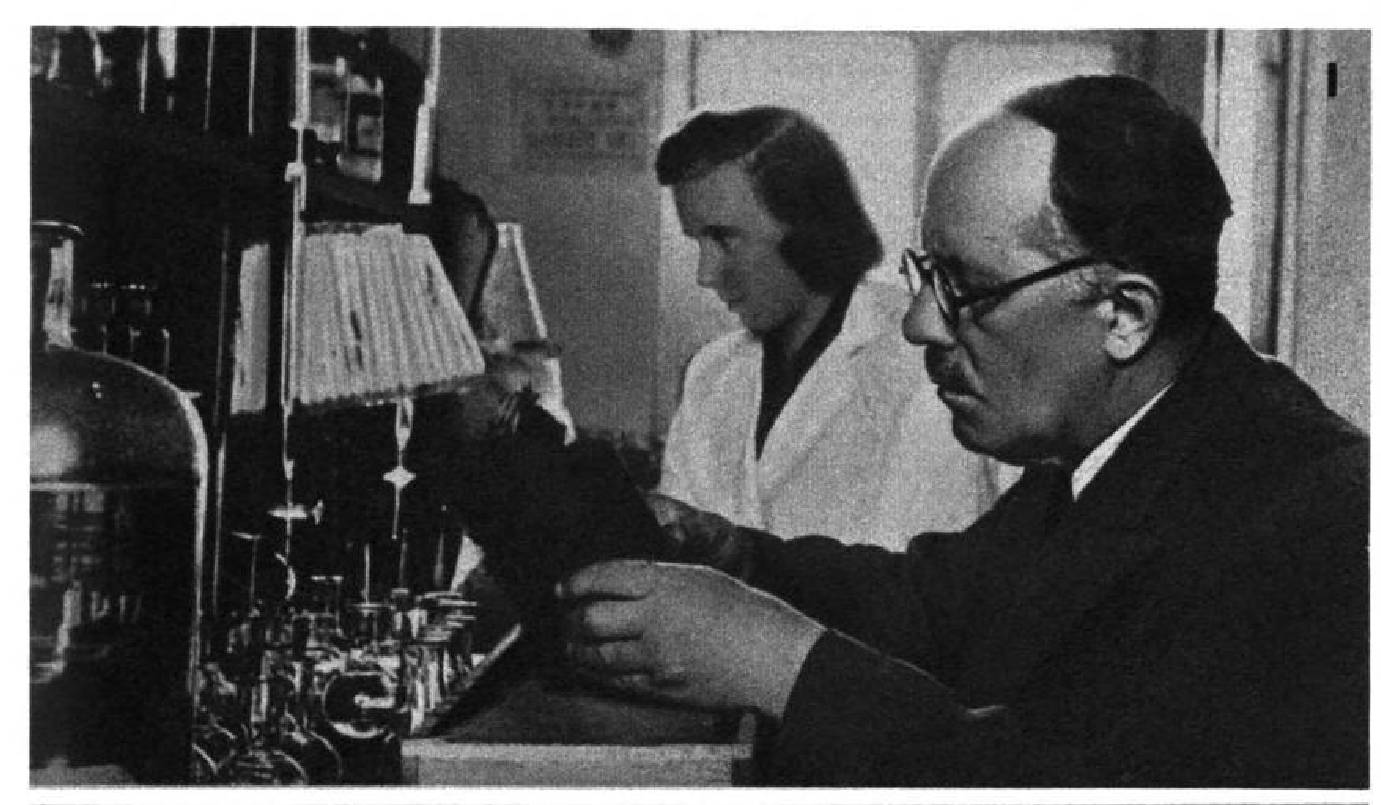

Фото П. БЕЗЗУБЕНКО

«Обеспечить высокопроизводительное использование всех орошаемых и осушенных земель».

(Из проекта ЦК ВКП(б) «Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы»).

1

Тихо в лаборатории. Лишь изредка зазвенят стеклянные пробирки в руках старшей лаборантки Виэно Андреевны Ахвонен. Затем снова воцаряется тишина, так необходимая для труда ученого.

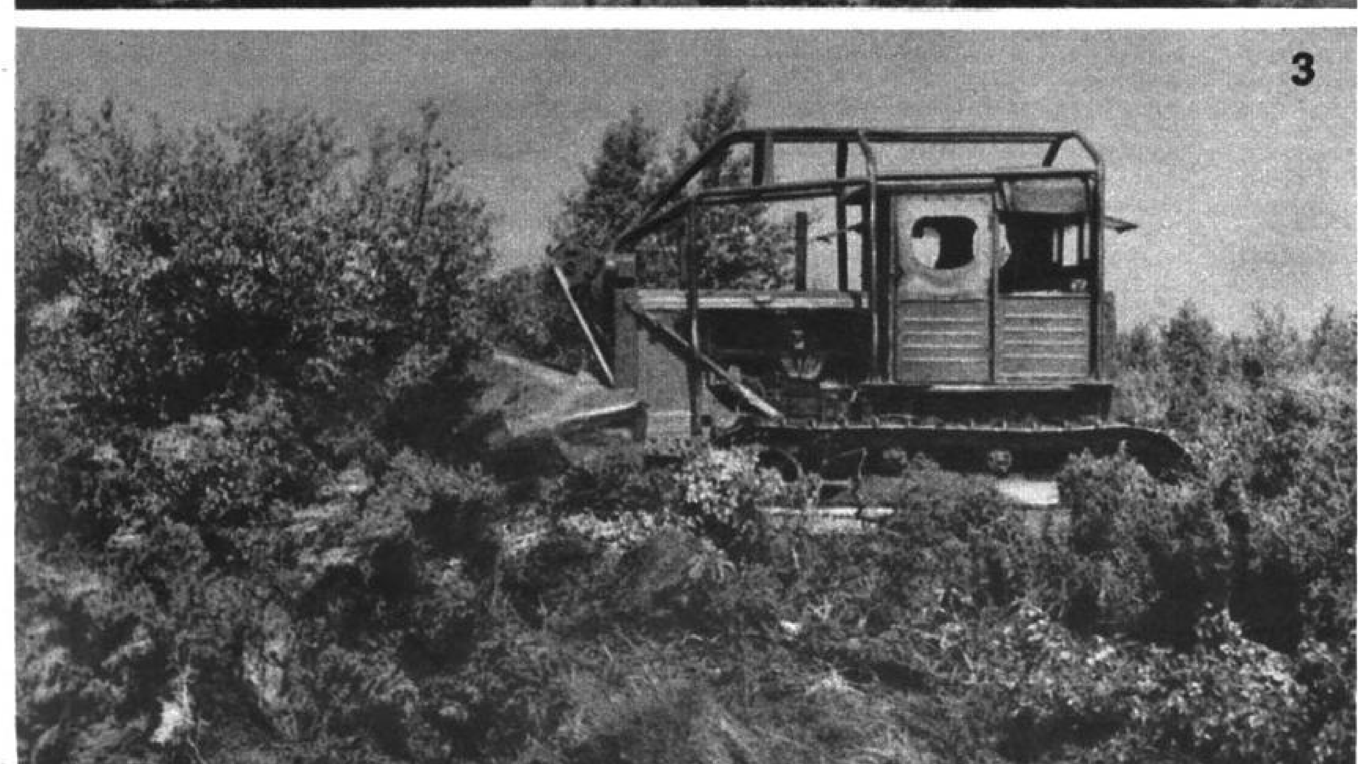
Леон Яковлевич Лепин, кандидат геолого-минералогических наук, сосредоточенно разглядывает темнокоричневую массу земли. Это образец почвы, монолит, привезенный из колхоза имени И. В. Сталина, Олонецкого района. Отдел болотоведения и мелиорации Карело-Финского филиала Академии наук СССР призван определить пригодность почвы для земледелия.

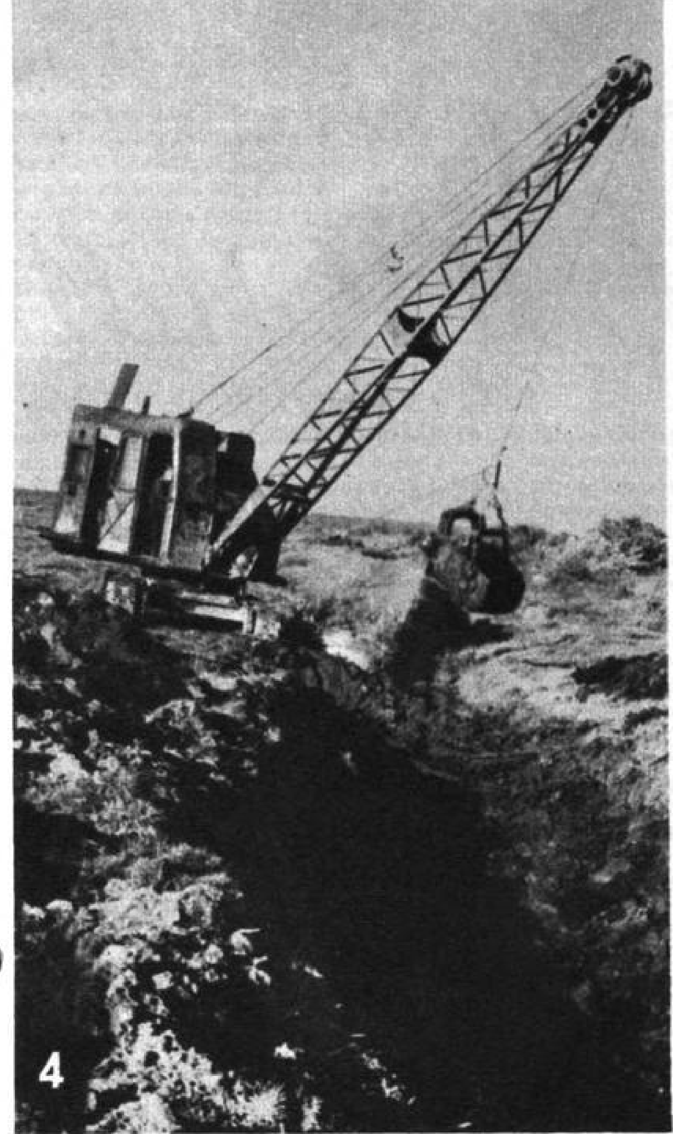
Тихо в лаборатории, и никак нельзя подумать, что именно тут начинается битва за плодородие, которая идет на карельской земле. Испокон веков земли Карелии, в том числе Олонецкой равнины, считались бедными и неудобными для тружеников сельского хозяйства. И в самом деле, всюду разбросаны валуны, а там, где их нет, болота. Редко-редко между лесистыми, покрытыми камнем холмами и болотами попадаются полоски земли, отвоеванной у суровой северной природы.

В других местах люди сооружают каналы, чтобы провести влагу на поля, а в Карелии посевы страдают от обилия влаги.

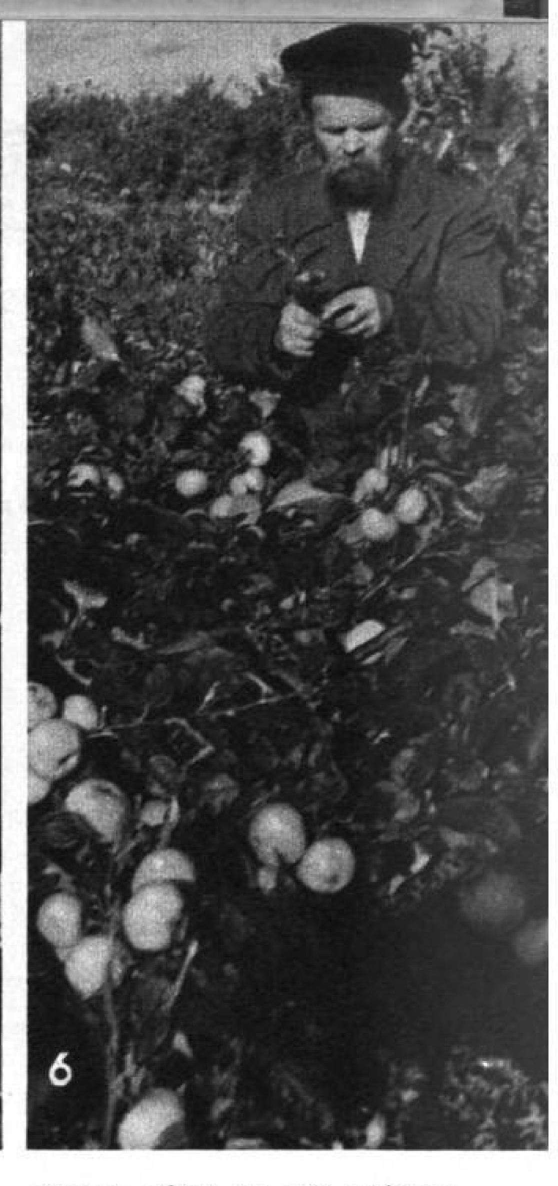
Прежде карельский крестьянин был бессилен против такого могучего врага (тут вода — враг, а не друг) и вынужден был ковыряться на клочках земли чуть побольше хорошей скатерти. С тех пор, как крестьянин стал колхозником, дела резко изменились к лучшему, а когда появились машинно-тракторные и машиномелиоративные станции, развернулась настоящая битва с валунами, болотами и кустарниковыми зарослями. Большую роль в этой битве за плодородие играют ученые. Они обследовали, изучили большие

площади. И вот результат их последних изысканий: они предложили осушить ряд заболоченных угодий.

2

Уже определили качество заболоченных почв, исследовали участки, предназначенные к осушению. Теперь в поле выходят изыскатели.

Коротко северное лето. Для топографической съемки природа отпустила мало времени. Свою работу техник-мелиоратор Николай Михайлович Миронов и инженер Варвара Афанасьевна Перова начинают ранней весной и заканчивают при заморозках.

Варвара Афанасьевна не так давно закончила институт и торопится накопить практический опыт. У Николая Михайловича богатая, долголетняя практика. Дружно идет работа двух специалистов. Они проходят участок за участком.

3

Когда с поля уходят изыскатели, на болотах появляются новые люди. Первыми после разведки и проектирования начинают наступление тракторы-кусторезы, управляемые опытными механизаторами.

В колхозах Олонецкой равнины многие знают Егора Ивановича Филатова. Его мощный трактор «С-80» очистил от кустарника, кочек и бугров не одну сотню гектаров. В этом году Егор Иванович продолжает очистку. Сейчас его дневная выработка достигает двух норм.

Могучая машина с корнем вырывает и валит большие кусты, деревья. Там, где она прошла, земля освобождается от зарослей, готовая служить людям.

4

Уже сожжен срезанный кустарник, но пахарю рано выходить в поле. Надо еще «отвести» воду, чтобы не вымокали посевы.

Вслед за трактором-кусторезом на расчищенные участки приходят экскаваторы. Комсомолец-экскаваторщик Иван Ульянов снискал себе славу лучшего механизатора Олонецкой машиномелиоративной станции. Бывают дни, когда его экскаватор выбрасывает на отвал до 600 кубометров грунта вместо 167 плановых.

5

Пока экскаваторы прокладывают главный канал, специальная машина прорывает мелкие канавы. Канавокопатель — так называется эта машина — за час прорывает 4 километра.

Вынутую землю грейдеры, идущие вслед за канавокопателями, равномерно разбрасывают по участкам.

Вот на буксире двух тракторов прошел канавокопатель. Прицепщик Василий Шиханов тщательно регулирует глубину канавы. До самого горизонта вытянулась она...

6

Здесь тоже когда-то были неудобные земли. Не только фруктовые деревья, но и овощи тут сажать было невозможно. Упорно колхозники добивались все новых побед в битве за плодородие родной земли. И вот плоды побед. Стелющийся сад колхоза имени И. В. Сталина дает хороший урожай. Посмотрите, сколько яблок на этих любовно выращенных деревьях!

7

Можно подумать, что этот снимок сделан где-нибудь на Кубани. Густо колосится пшеница. Комбайн наполовину утопает в ней. А ведь это — поле того самого колхоза имени Сталина, Олонецкого района, откуда Леон Яковлевич Лепин получил для исследования образец почвы.

Там, где проходит сейчас комбайн, когда-то были кустарники и болота, а теперь растет выведенная колхозом пшеница особого сорта, приспособленная к суровым условиям Севера.

* * *

Битва за плодородие северных земель продолжается. С каждым годом расширяются поля, огороды, сады. Не за горами время, когда край, богатый водой, будет богат злаками и плодами, в изобилии произрастающими на просторах Карело-Финской Советской Социалистической Республики.

Я. МИХАЙЛОВ

БЕССМЕРТНЫЕ ТРАДИЦИИ

(К 150-летию со дня смерти А. Н. Радищева)

Вл. ОРЛОВ

Как можно... забыть Радищева?
Кого же мы будем помнить?
А. С. Пушкин.

1

Книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», в которой освободительные идеи были высказаны с небывалой дотоле смелостью, оказала могущественное воздействие на сознание нескольких поколений передовых деятелей русского общества.

В то время, когда жил Радищев, ни в самой России, ни за рубежом не было никого, кто бы мог стать вровень с ним по глубине, решительности и последовательности революционных выводов, сделанных им применительно к условиям русской действительности и в интересах порабощенного народа.

Радищев не только воочию увидел страдания народа и отнесся к ним с величайшим сочувствием, но и осмыслил опыт стихийной освободительной борьбы крестьянства против тирании помещиков и гнета самодержавия.

А. Н. РАДИЩЕВ. Новая скульптура работы ленинградского ваятеля Я. А. Троупянского.

«Путешествие из Петербурга в Москву» было рождено атмосферой крестьянской войны 1773—1775 годов, возглавленной Емельяном Пугачевым.

Оправдывая революционное насилие над тиранами, Радищев знаменательно называл его «человеколюбивым мщением», иными словами, видел в нем торжество подлинной человечности.

Радищев выразил полную уверенность в том, что истребление даже всего «племени» крепостников не несет никакого ущерба ни русской государственности, ни русской культуре, потому что народ, завоевав свободу, сумеет выделить из своей среды новых и более достойных руководителей, «права угнетения лишенных». Высказав эту ясную и твердую веру в «зиждительную» силу народной, крестьянской революции, Радищев шел дальше, нежели дворянские революционеры следующего за ним поколения — декабристы; через их голову он протягивал руку революционным демократам.

В «Путешествии» и других произведениях Радищева выдвинут самый коренной, самый насущный вопрос того времени — вопрос о ликвидации крепостничества и самодержавия. Этим прежде всего и объясняется могучая сила и влияние идей, провозглашенных Радищевым.

Мировоззрение Радищева, конечно, было ограничено рамками, которые ставила перед ним социально-историческая действительность его времени. Он не видел и не мог увидеть всей глубины противоречий нового общественного строя, выраставшего из феодально-крепостнического. Но он уже догадывался об этих противоречиях.

Так, с замечательной прозорливостью разглядел Радищев подлинный облик современной ему, тогда еще молодой, но уже выявившей свое лицемерие и свою хищническую суть северо-американской буржуазной демократии. Полные горячего негодования страницы «Путешествия», разоблачающие американских плантаторов, открывают тот путь обличения лжедемократических «свобод», которым впоследствии шла вся русская революционно-демократическая литература.

Литературная деятельность Радищева была новаторской в подлинном и точном смысле этого слова. «Нововводителем в душе» назвал его Пушкин. Именно Радищев внес в русскую литературу такие начала, идеи и принципы, которые стали достоянием решительно всех передовых писателей XIX века, знаменовали общее устремление классической русской литературы к народности, гражданственности и реализму.

На почве революционного, в основе своей материалистического мировоззрения Радищева сформировались его художественные взгляды и сложился его творческий метод, подготовивший в русской литературе критический реализм XIX века. Воодушевленный чувствами гражданского долга и жизненной правды, Радищев, говоря его же словами, «взирал» на окружавшую его действительность и изображал ее правдиво и точно.

Первым из русских писателей он со всей ясностью сказал о необходимости подчинить литературу задачам освободительной борьбы. Писатель в его понимании — это общественный деятель, призванный к активному, руководящему участию в жизни народа, нации.

Последовательно и настойчиво боролся Радищев за национальную самобытность и независимость русской литературы. Он рассматривал литературу как могущественное средство укрепления в народе национального, патриотического самосознания.

2

Самодержавие приговорило Радищева к смерти, морило его в ссылке, в конце концов довело до самоубийства. Его замечательная книга была конфискована и истреблена. В течение целого века самодержавие пыталось задушить мысль Радищева, неукоснительно запрещая переиздание «Путешествия», запрещая упоминать имя писателя. Словом, делалось всё, чтобы русский народ не узнал об этом «бунтовщике хуже Пугачева» (как назвала Радищева Екатерина II).

Но так не случилось.

Революционные призывы Радищева встретили живейший отклик уже у его современников. Исследования советских историков и литературоведов выявили довольно обширный круг друзей — единомышленников и учеников Радищева. Материалы политических процессов, происходивших в конце XVIII и начале XIX века, свидетельствуют о том, что многие тогдашние вольнодумцы испытывали глубокое влияние идей Радищева. Из крупных писателей-современников внутренне близок к Радищеву был И. А. Крылов.

Радищевские традиции нашли прямое и непосредственное (правда, ослабленное) продолжение в деятельности целой группы демократически настроенных поэтов и публицистов, выступивших в самом конце XVIII века, в особенности у Ивана Пнина, Василия Попугаева, Ивана Борна, Александра Востокова.

В литературе начала XIX века можно обнаружить и другие отчетливые проявления этих традиций — в романах писателя-демократа В. Нарежного, в гражданской лирике Н. Гнедича.

Все подлинно прогрессивные деятели русской литературы и общественной мысли помнили о Радищеве и считали его своим предшественником. Об этом очень хорошо сказал от имени своего поколения А. И. Герцен: «его идеалы... это наши мечты, мечты декабристов... И что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в «Думах» Рылеева, и в собственном нашем сердце».

Декабристы явились в истории русского освободительного движения ближайшими преемниками Радищева. Сильное звучание радищевской «струны» явственно слышится в политических трактатах виднейших идеологов декабризма и в лучших произведениях декабристской агитационной литературы. Иные из декабристов сами удостоверили испытанное ими влияние идей Радищева.

В творчестве поэтов-декабристов В. Раевского, К. Рылеева, В. Кюхельбекера нашли разностороннее выражение и дальнейшее развитие темы, принципы и образы, внесенные в русскую поэзию Радищевым — автором революционной оды «Вольность».

Исключительно важную и плодотворную роль сыграл Радищев в идейно-творческом развитии А. С. Пушкина.

Когда Пушкин боролся за национальное достоинство и самобытность русской литературы, за ее идейность и содержательность, он продолжал прогрессивное пи-

сательское дело Радищева. Когда Пушкин обдумывал вопрос о роли народных масс в истории и говорил о «мнении народном», которому подсудны деяния правителей («Борис Годунов»), он соприкасался с кругом самых заветных мыслей Радищева. Когда Пушкин обращался к изображению борьбы рабов против рабовладельцев («Дубровский»), или рисовал картину широкого народного освободительного движения («Капитанская дочка»), или рассказывал о нищенском крестьянском быте («История села Горюхина»), он заново поднимал темы радищевского «Путешествия». Когда Пушкин выдвигал и обосновывал идею общественного назначения писателя — трибуна и пророка,— призванного «глаголом жечь сердца людей», он следовал заветам Радищева.

Вся блистательная гражданская лирика молодого Пушкина полна отзвуков творчества Радищева, представляет собою гениальное осуществление идейно-художественных принципов радищевской оды «Вольность». Пушкин продолжил обе главные темы Радищева — обличение самодержавия и протест против крепостничества. Пушкинская ода «Вольность» не только самим заглавием демонстративно напоминает свою предшественницу, она родственна ей всем своим содержанием и пафосом. В знаменитой «Деревне» Пушкина обнаруживается не менее глубокая преемственная связь с темами, мотивами и образами радищевского «Путешествия».

Хотя Пушкин и не соглашался с Радищевым по вопросу о методах преобразования русской жизни, не разделяя его идеи крестьянской революции, автор «Путешествия» и «Вольности» всегда был и оставался для Пушкина образцом революционного деятеля, смелым и неподкупным врагом рабства.

Вспомним, что, подводя итоги своего писательского пути, Пушкин писал в первоначальном варианте стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»: «И долго буду тем любезен я народу... Что вслед Радищеву восславил я свободу...»

Вопрос о преемственной связи Пушкина с Радищевым имеет в истории русской литературы значение чрезвычайное. Не от Карамзина через Жуковского (как изображали в прежнее время), а от Радищева через поэтов-декабристов к Пушкину лежит столбовая дорога, по которой шло развитие русской литературы в это решающее для ее судеб время.

Продолжателями радищевской традиции были и другие корифеи русской литературы — Грибоедов и Лермонтов.

В комедии «Горе от ума» различимы отчетливые следы близкого знакомства Грибоедова с «Путешествием из Петербурга в Москву» и некоторыми другими произведениями Радищева. Радищевским духом проникнут также и замечательный грибоедовский замысел народно-героической драмы об Отечественной войне 1812 года, в основе которого лежит мысль о самодеятельной творческой силе русского народа. Мало того, что Грибоедов сделал героем драмы крепостного крестьянина, ратника народного ополчения. Он еще — по-радищевски! — хотел показать душевное величие и благородство этого крестьянина, его моральное превосходство над представителями господствующего класса.

В творчестве Лермонтова, полном отзвуков декабристских настроений, очень заметное место занимают темы крепостного гнета и народного восстания. В трактовке этих тем в духе страстного протеста против насилия и произвола, в выдвижении на первый план идеи неотвратимости и законности народного мщения крепостникам Лермонтов сближается с Радищевым. Близость эта особенно ощутима в незаконченном юношеском романе Лермонтова «Вадим», повествующем о пугачевском восстании.

3

То, чего не сумели сделать дворянские революционеры декабристского поколения — безбоязненно встать на сторону народных масс и возглавить их освободительную борьбу,— выпало на долю великих революционных демократов середины XIX века — Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова. Ощущая свое родство с предшествовавшими поколениями революционеров, они неустанно пропагандировали в массах идею непрерывности освободительной борьбы в России, силу и влияние национальных революционных традиций, величие русского революционного прошлого. Говоря об этом, они не могли не воздать честь и славу первому русскому революционеру — Радищеву.

Конечно, эпоха, когда жили и действовали революционные демократы, сильно отличалась от эпохи Радищева. Но выдвинутая им задача борьбы с крепостничеством не была снята историей, поскольку крепостное право оставалось самым большим злом русской жизни. Именно потому, что в России все еще господствовали крепостнические порядки, Белинский, Герцен и Огарев, Чернышевский и Добролюбов в практике своей идейно-политической борьбы против царизма развивали идеи Радищева.

Наследие Радищева сыграло значительную роль в формировании мировоззрения В. Г. Белинского. Он, повидимому, еще в ранней молодости познакомился с «Путешествием»; во всяком случае, в его юношеской антикрепостнической драме «Дмитрий Калинин» обнаруживаются знаменательные и, нужно думать, не случайные переклички с запретной книгой Радищева.

Активнее других пропагандировал наследие Радищева Герцен. В 1858 году он издал «Путешествие» в своей лондонской типографии — впервые после уничтоженного издания 1790 года. Будучи свободен от гнета царской цензуры, Герцен первый в русской литературе полным голосом сказал о народности Радищева и о революционном характере его идей, подчеркнув всю глубину различия между ним и дворянскими либералами XVIII века. «Радищев не стоит Даниилом в приемной Зимнего дворца...— писал Герцен,— он **едет по большой дороге,** он сочувствует страданиям масс, он говорит с ямщиками, дворовыми, с рекрутами, и во всяком слове его мы находим с ненавистью к насилию громкий протест против крепостного состояния».

Идея крестьянской революции, составлявшая самое существо теоретических воззрений и общественной практики Чернышевского, была связана в порядке исторической преемственности с тем, что сказал в свое время Радищев. Призыв великого революционного демократа «К топору зовите Русь!» явственно перекликается с гневными страницами «Путешествия».

Не менее существенна и важна, с точки зрения закономерности развития революционной традиции в русской литературе, перекличка Чернышевского (в романе «Что делать?») с Радищевым в решении проблемы создания художественного образа положительного героя — революционера, борца за свободу.

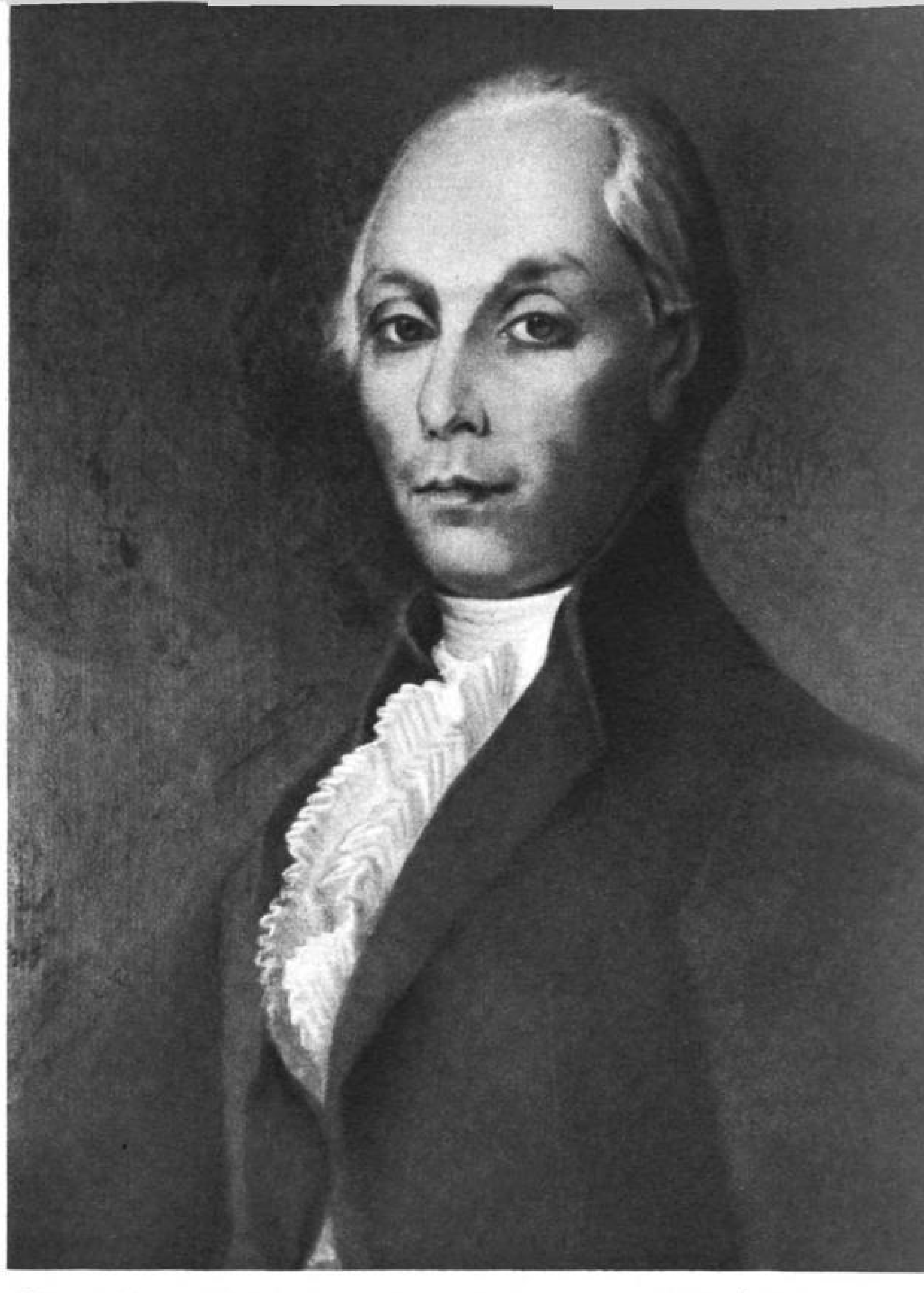
Неизвестно, как воспринял книгу Радищева гениальный народный поэт, певец русской революционной демократии Н. А. Некрасов. Но очевидна и необыкновенно выразительна объективная историческая преемственность между автором «Путешествия» и автором «Кому на Руси жить хорошо». После Радищева никто в русской художественной литературе не говорил о тяжкой крестьянской доле с такой могучей силой, печалью и гневом.

Русская социал-демократия, хранившая преемственность национальной традиции освободительной мысли, приняла Радищева как свое законное и неотъемлемое наследие. Теоретики революционного марксизма, виднейшие деятели большевистской партии неоднократно напоминали о Радищеве, отводили ему самое почетное место в истории борьбы против самодержавия и крепостничества, восстанавливали правду о Радищеве, искаженную реакционерами и либералами.

В первом же номере ленинской «Искры» (декабрь 1900 года) Радищев был назван в числе лучших сынов русского народа, подвергшихся гонениям «правды ради».

В 1914 году в статье «О национальной гордости великороссов» В. И. Ленин, говоря о том, что насилия царских палачей, дворян и капиталистов вызвали отпор у великороссов, подчеркивает, что эта среда одним из первых революционеров выдвинула Радищева.

Советский народ высоко чтит память пламенного патриота и революционера А. Н. Радищева. Имя его окружено в нашей стране величайшим почетом. И. В. Сталин, говоря о славном прошлом революционной России, знаменательно упомянул о Радищеве: «Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала ещё Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых. Всё это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса».

Последний прижизненный портрет А. Н. Радищева, находившийся в Андреевском — имении А. Р. Воронцова.

Хороши хлеба в Аблязове!

Сегодня в Аблязове

Широко раскинулись поля за тихим, мелководным Тютняром.

Качаются на ветру тяжелые колосья пшеницы. Шумит золотая струя зерна, льющаяся из бункеров комбайнов. Идет уборка богатого урожая.

Хороши хлеба в Аблязове!

Щедро вознаграждает труд крестьянина тютнярская земля: почти пять с половиной тысяч гектаров засевают аблязовские колхозники, и каждый гектар дает не меньше ста пудов высокосортного зерна.

Чудесно изменилась земля, о которой полтора века назад Александр Николаевич Радищев писал: «На Тютняре и около чернозем... пшеницы не родит».

Верхнее Аблязово — родина великого русского писателя-революционера. После возвращения из ссылки Радищев прожил здесь почти весь 1798 год и проводил многочисленные опыты по исследованию почвы.

Страстный противник самодержавия и крепостничества, Радищев видел, как пагубно отражается на политическом и экономическом положении России крепостнический уклад, и мечтал о временах, когда русское земледелие сможет «драгоценнейшие плоды возрастить...»

В наши дни, когда народ, «к величию и славе рожденный», строит под руководством великой партии Ленина — Сталина светлый мир коммунизма, мы видим претворение в жизнь многих мечтаний великого писателя-революционера.

Научные работники сельскохозяйственной опытной станции, находящейся в Верхнем Аблязове, вывели новый сорт пшеницы — «кузнечанки», которая дает обильные урожаи на полях колхоза «Родина Радищева». И не только пшеница «подружилась» с тютнярским черноземом: растут здесь и овощи, и арбузы, и яблони...

...Обсаженная молодыми деревцами широкая гравийная дорога пролегла на десятки километров. Издалека видно большое село, раскинувшееся в низине. Над кронами старых деревьев поднимается шатровая колокольня церкви, построенной в начале XVIII века прадедом писателя Григорием Облязовым. Это единственный архитектурный памятник, дошедший до нас от времен Радищева.

Спустившись к мостику через Тютняр, дорога проходит вдоль села. В центре его стоит большое здание школы, окруженное садом. Перед школой памятник Владимиру Ильичу Ленину, перед которым заботливые руки юных мичуринцев расстелили пестрый ковер цветников. На площади напротив школы тоже цветы, рассаженные у каменного обелиска с портретом А. Н. Радищева. Обелиском отмечено место, где находился дом Радищевых, разрушенный в начале нынешнего века последним владельцем аблязовского поместья.

Благоговейно чтут память своего великого земляка жители Верхнего Аблязова. С любовью создавали они существующий ныне в селе Государственный музей А. Н. Радищева. Начало ему положил местный учитель-краевед Иван Степанович Базин. Он собрал для музея много экспонатов.

Всегда многолюдно в залах дома-музея А. Н. Радищева. Здесь бывают не только жители Верхнего Аблязова: сюда приезжают из Москвы, Куйбышева, Пензы, Саратова и многих других мест нашей страны. Побывала в музее и праправнучка великого писателя — студентка Саратовского педагогического института Нина Радищева.

Среди экспонатов музея портрет Радищева, написанный неизвестным крепостным художником; копии с картин внука Радищева — известного русского художника А. П. Боголюбова, отобразившего на своих полотнах облик Верхнего Аблязова в конце прошлого столетия; иконографические материалы, посвященные семье Радищева и его ссылке в Сибирь. В зале, где сосредоточены старинные гравюры, редкие книги и журналы, изданные при жизни Радищева, посетители музея видят и фотокопии «Дела о Радищеве и книгопродавце Зотове», заканчивающегося приговором: «Казнить смертию, а показанные сочинения его книги, сколько оных отобрано будет, истребить».

Произведения Радищева представлены в музее экземплярами лондонского издания «Путешествия из Петербурга в Москву», отпечатанного в 1858 году Герценом в Вольной русской типографии, изданием той же книги 1872 года и множеством книг, выпущенных в советское время.

После мрачных видов Илимского острога — места заточения «сочинителя опасной книги» — посетители с радостным чувством рассматривают стенд, посвященный нынешнему Аблязову и его людям. В этом богатом теперь, культурном селе, насчитывающем около восьми тысяч жителей, выросло много замечательных людей. За боевые и трудовые подвиги триста шестьдесят земляков великого писателя-революционера удостоились правительственных наград.

...Много перемен произошло в советское время на родине Радищева!

Когда посетители выходят из музея, они на каждом шагу видят все то прекрасное, новое, чем могут гордиться земляки Радищева.

Праправнучка великого писателя-революционера Нина Радищева в доме-музее.

Фото Н. Павлова

В Верхнем Аблязове разместилось научно-исследовательское учреждение — опытная станция, работой которой руководит Всесоюзная сельскохозяйственная академия имени В. И. Ленина. В селе имеются две школы, два клуба, три библиотеки, насчитывающие в своих хранилищах семнадцать тысяч книг, радиоузел, большая электростанция, родильный дом, медицинский пункт, сельское отделение «Союзпечати», книжный магазин. По утрам четыреста школьников садятся в классах за парты, в полдень сельские почтальоны начинают разносить выписываемые жителями села газеты и журналы; одних только газет в Аблязово приходит около четырехсот экземпляров.

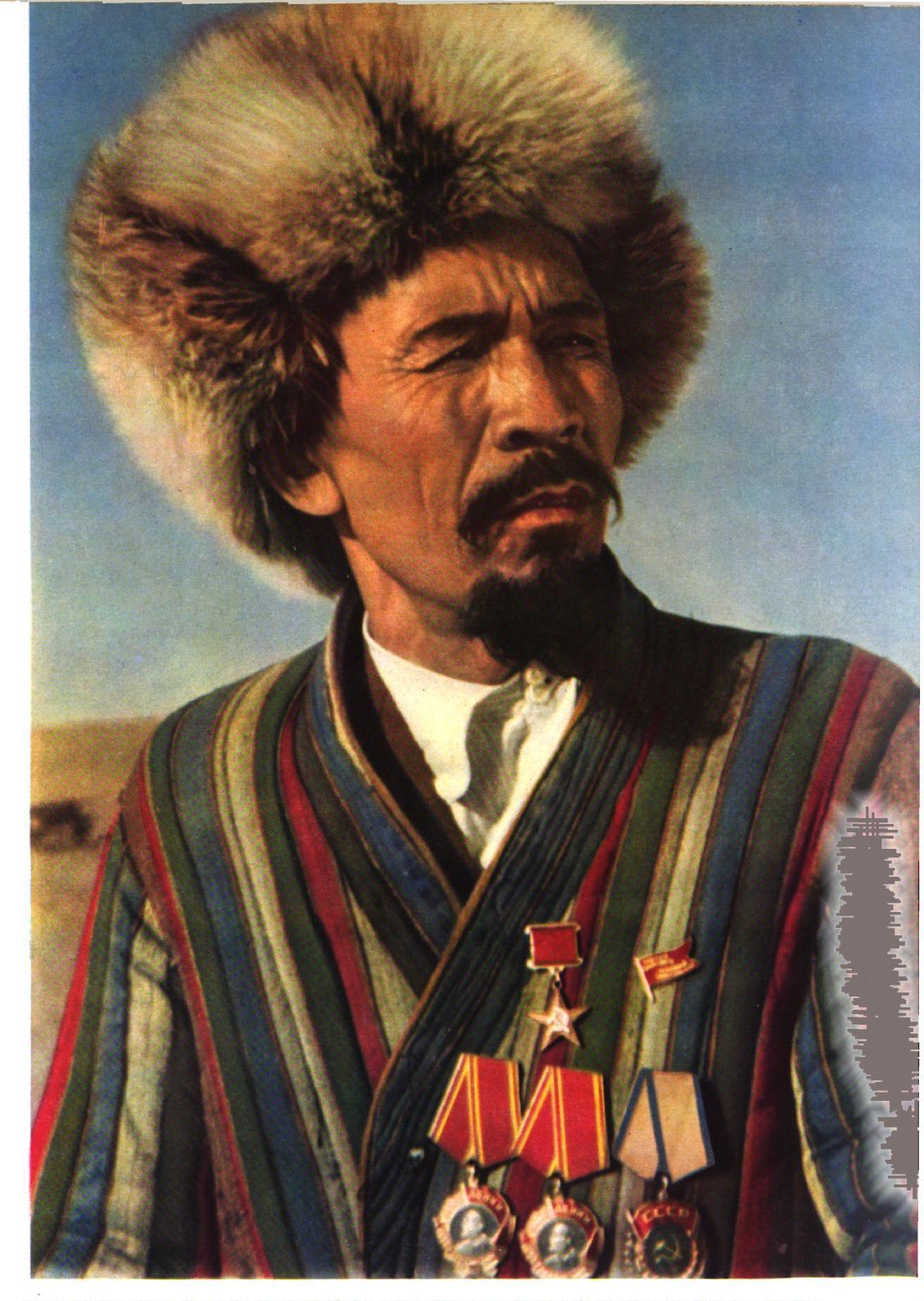
Когда смотришь на новое Аблязово, вспоминаются пророческие слова Радищева о том, что если бы рабы разбили своими оковами головы бесчеловечных своих господ и кровью их обагрили нивы, то ничего бы не потеряло от того государство. Из среды освобожденных скоро бы пришли великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены...

Эти люди пришли теперь, и они с благоговением и любовью вспоминают своего великого предка, взор которого проницал густую завесу времени, скрывающую будущее.

Г. ПЕРОВ

Дом-музей А. Н. Радищева в Верхнем Аблязове.

Старший чабан совхоза «Кенемех», Бухарской области, депутат Верховного Совета Узбекской ССР, Герой Социалистического Труда Якубай Сабиров.

Фото Б. Кудоярова

Ростов-на-Дону. Новое здание универмага (справа) и строительство жилого дома на проспекте Буденного.

Фото М. Ананьина

Книга великого гнева

(Из поэмы «Радищев»)

Вера ЗВЯГИНЦЕВА

Едет кибитка, трясется кибитка,
Села мелькают одно за другим.
Строки жестокого длинного свитка
Жизнь разворачивает перед ним.

Но не сломить и суровому веку
Чистой, взыскательной русской души.
Живы достоинство, честь человека
И в беспросветной, бесправной глуши.

Странник-певец распевает сказанье.
«Было во городе Риме» поет.
В песне наивной все то же исканье
Правды, которою грезит народ.

Слушают песню о дивных виденьях,
Плачут. Кто горестней — стар или мал!
Странник не принял от барина денег,
Хлеба ломоть у крестьянина взял.

«Чудище обло, озорно, огромно»,
Не задушить тебе чести людской —
Русская девушка гордо и скромно
Барский подарок отводит рукой.

Не милосердие нужно, а подвиг,
Не утешай их, казной не дари.
Нет, за людей этих нищих, но гордых
Жарким пожаром до пепла сгори!

Росные травы в пахучей дубраве,
Светом пронизанное деревцо...
Как же в пленительной этой оправе
Скорбно родного народа лицо!

...Поздний, с закрытыми ставнями вечер,
Мелкий, кривой типографский набор,
Тускло мерцают оплывшие свечи.
Вот он — бесправной поре приговор.

Каждая буква — слезинка людская,
Каждый значок словно кровью налит,
Чванных тиранов коря, упрекая,
Каждая строчка им гибель сулит.

Заполночь не прекращалась работа.
Может быть, думал Радищев тогда:
«Сам себе строю помост эшафота...»
Страха же в гордой душе — ни следа.

Книга великого гнева готова.
Слово живет — ни упрятать, ни сжечь.
Впрямь для тиранов страшней Пугачева
Смелого разума дерзкая речь.

Дальше — допросы. Быть может, и пытка:
Властен Шешковский — палач, нетопырь...
Едет кибитка, трясется кибитка
Снежной дорогой в глухую Сибирь.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Осенью 1917 года положение в стране стало особенно тяжелым и напряженным.

«России грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен неимоверно и расстраивается все больше. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба. Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма, Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков»,—так начинается первая глава ленинской работы «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».

23—27 сентября, когда писалась эта работа, В. И. Ленин находился в глубоком подполье. Преследуемый Временным правительством, вождь революции руководил партией через своих учеников и соратников — И. В. Сталина, Я. М. Свердлова, В. М. Молотова, Г. К. Орджоникидзе.

Партия большевиков сама готовилась и подготовляла рабочий класс к вооруженному восстанию. Владимир Ильич в это время тщательно изучает экономическую и политическую обстановку страны и разрабатывает экономическую платформу диктатуры пролетариата на первый период ее существования после социалистического переворота.

Проанализировав материалы буржуазной печати, В. И. Ленин констатирует: «Подумать только: в стране бестоварье, страна гибнет от недостатка продуктов, от недостатка рабочих рук, при достаточном количестве хлеба и сырья,— и в такой стране, в такой критический момент выросла массовая безработица!»

Причину грозящей катастрофы Ленин объясняет полной бездеятельностью образованных буржуазным Временным правительством центральных органов регулирования экономической жизни. Он видит в этой бездеятельности попытку задушить революцию, сохранить власть и прибыли крупного капитала. Во имя этого буржуазия обрекала народ на голод.

Спасение страны от гибели и строительство социализма тесно и неразрывно связаны между собою, указывал В. И. Ленин. Спасти страну можно только путем революции, только революционными мерами. И вождь революции намечает программу этого спасения: рабочий контроль за производством и распределением продуктов, национализация банков и объединение их в один государственный банк, национализация синдикатов и принудительное синдицирование промышленных предприятий, отмена коммерческой тайны, объединение населения в потребительные общества. Только такие меры спасут страну.

Это, писал Ленин, первые шаги по пути социалистического строительства. Нельзя идти вперед, боясь идти к социализму.

Тогда Ленин пришел к выводу, что вмешательство рабочего класса в экономику страны, участие его в руководстве промышленностью создадут базу массового героизма народа. А без величайшего героизма народа, смело и решительно осуществляющего великие экономические преобразования, нельзя сделать страну экономически сильной и обороноспособной.

В. И. Ленин писал в своей исторической работе: «Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему ПОЛИТИЧЕСКОМУ строю догнала передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также И ЭКОНОМИЧЕСКИ...

Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей».

Ленинская работа излагала программу спасения страны и революции от гибели. Это была программа установления диктатуры пролетариата и строительства социализма в нашей стране.

Тогда, в канун Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин выдвинул задачу покончить с экономической отсталостью России и указал пути к этому. Лучший ученик и соратник Ленина — И. В. Сталин развил дальше это ленинское положение, всесторонне разработал пути и методы строительства социализма и вывел страну на путь небывалого прогресса. На XVIII съезде партии товарищ Сталин сформулировал исходящую из ленинских положений основную экономическую задачу СССР, задачу превзойти главные капиталистические страны по уровню производства на душу населения. После победного завершения Великой Отечественной войны товарищ Сталин вновь поставил основную экономическую задачу СССР в порядок дня как программу деятельности на три или более ближайших пятилетки.

В напряженные предреволюционные дни 1917 года великий Ленин смотрел далеко вперед. Он был уверен в победе советской революции и думал о закреплении победы руководимого большевиками рабочего класса, о строительстве социалистического государства.

Вождь революции заботился об укреплении власти рабочего класса. Вслед за работой «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» В. И. Ленин пишет статью «Удержат ли большевики государственную власть?» В ней Владимир Ильич разработал план первых мероприятий диктатуры рабочего класса по строительству и укреплению Советского государства. В этой работе вдохновитель и вождь социалистического переворота разбил наголову всех врагов революции, запугивавших народ неспособностью большевиков удержаться у власти более двух недель. Ленин выразил непоколебимую уверенность в том, что «не найдется той силы на земле, которая помешала бы большевикам, ЕСЛИ ОНИ НЕ ДАДУТ СЕБЯ ЗАПУГАТЬ и сумеют взять власть, удержать ее...»

Ленинская работа «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» явилась одним из важнейших документов, на основе которых партия большевиков, товарищ Сталин разработали программу индустриализации страны, разработали программу построения коммунизма в нашей стране.

Экономические исследования В. И. Ленина 1917 года явились той основой, на которой коммунистическая партия построила и разработала свою экономическую политику, и эта политика привела СССР, весь советский народ к победе социализма в нашей стране и обеспечила условия для перехода от социализма к коммунизму.

Осень 1917 года. Разруха на транспорте.

ОГНИ НАД ДНЕПРОМ

1950—21 сентября—1952

Широко раскинулась пойма Днепра в районе, где поднимутся величественные сооружения Каховской гидроэлектростанции, водосливной плотины с шоссейными переходами и судоходного шлюза. Здесь весной этого года начались основные работы. Уже действуют сотни машин, их встречаешь на любом участке огромного фронта работ. Бульдозеры, скреперы, экскаваторы производят обвалование почвы, расчищают от древних зарослей берег, создают и утюжат перемычки.

Высоко в небо устремились башенные краны; протянул далеко вперед свою ажурную стрелу шагающий экскаватор. Серебрятся на солнце стальные тросы с укрепленными на них огромными вибромолотами — то и дело обрушиваются они на металлические шпунты. Железная стена — продольная перемычка — надежно оградит котлован от свирепых паводковых вод и ледохода, соединит земляные дамбы в полукольцо.

Целая флотилия земснарядов роет котлованы под здание гидроэлектростанции, водосливной плотины и шлюза, намывает перемычки. На бортах землесосов пламенеют яркие призывы: «Новыми трудовыми успехами встретим XIX съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», «Клянемся товарищу Сталину в срок построить Каховский гидроузел!». Этим живут сейчас все строители.

Начальник Днепростроя Сергей Николаевич Андрианов говорит:

— Строители, воодушевленные грандиозными планами XIX съезда партии, трудятся с утроенной энергией. Коллектив крупнейшего в стране земснаряда «Онега» первым начал рыть котлован под здание гидроэлектростанции. Землесосы уже переработали свыше двух с половиной миллионов кубометров грунта. Сейчас готовимся к началу больших работ, связанных с водопонижением и осушением котлованов. На опытных участках устанавливаются иглофильтры. Двести сорок глубинных насосов и около двух тысяч иглофильтров будут выкачивать подпочвенную воду.

За два минувших года подготовлены надежные тылы стройки. Сооружена железнодорожная линия в 150 километров, соединившая Федоровку с Каховкой и связавшая, таким образом, стройку с центральными магистралями страны. Протянулась высоковольтная линия электропередачи Кривой Рог — Каховка: ток Днепрогэса пришел на строительные площадки.

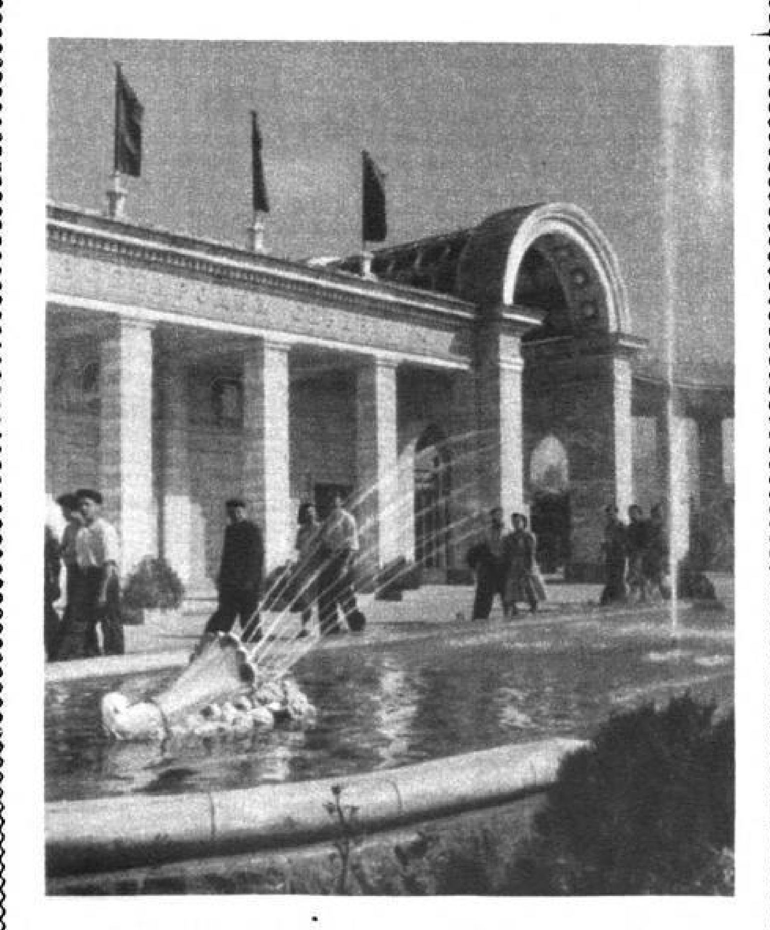
В песчаной степи за короткое время поднялся город строителей. К их услугам благоустроенные жилые дома, школы, детские сады, поликлиника, библиотека, летний театр, стадион, магазины, столовые. Город этот с каждым днем расширяет свои границы, наступая на степь.

Люди, сооружающие Каховку, не прежние сезонные рабочие. Они намерены обосноваться здесь надолго, остаться после окончания стройки. В Новой Каховке открылся филиал Одесского гидротехнического института. Здесь занимаются без отрыва от производства 150 строителей-студентов.

От Запорожья до Мелитополя, от Аскании-Нова до Сиваша и Каховки, Красно-знаменки и Снигиревки протянутся трассы каналов. И здесь на первоочередных участках начались основные работы.

Приближается то радостное время, когда засверкают над Днепром яркие огни Каховского гидроузла и живительная влага зажурчит в засушливых степях юга Украины и Крыма.

П. СТЕПАНОВ

В Новой Каховке. У входа в новый летний театр.
Фото Н. Козловского

Да здравствует нерушимая

Советско-Китайское Коммюнике

о переговорах между Советским Правительством и Правительственной Делегацией Китайской Народной Республики

В течение последнего времени в Москве имели место переговоры между Председателем Совета Министров СССР И. В. Сталиным, Министром Иностранных Дел СССР А. Я. Вышинским и Министром Внешней Торговли СССР П. Н. Кумыкиным, с одной стороны, и Правительственной Делегацией Китайской Народной Республики во главе с Премьером Государственного Административного Совета и Министром Иностранных Дел Чжоу Энь-лаем, в составе Заместителя Премьера Государственного Административного Совета Чэнь Юня, Заместителя Председателя Финансово-Экономического Комитета Ли Фу-чуня, Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в СССР Чжан Вэнь-тяня и Заместителя Начальника Генерального Штаба Су Юйя,— с другой.

Во время этих переговоров были рассмотрены важные политические и экономические вопросы отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Переговоры, протекавшие в атмосфере дружественного взаимопонимания и сердечности, подтвердили решимость обеих сторон направить свои усилия на дальнейшее укрепление и развитие дружбы и сотрудничества между ними, всемерно содействуя вместе с тем сохранению и укреплению мира и международной безопасности.

В ходе переговоров Стороны договорились приступить к проведению мероприятий по безвозмездной передаче Советским Правительством Правительству Китайской Народной Республики в конце 1952 года в полную собственность всех своих прав по совместному управлению Китайской Чанчуньской железной дорогой со всем принадлежащим дороге имуществом.

Одновременно Премьер Государственного Административного Совета и Министр Иностранных Дел КНР Чжоу Энь-лай и Министр Иностранных Дел СССР А. Я. Вышинский обменялись нотами по вопросу о продлении срока совместного использования китайской военно-морской базы Порт-Артур.

Ниже публикуются упомянутые выше ноты, а также Советско-Китайское Коммюнике о Китайской Чанчуньской железной дороге.

дружба Китайской Народной Республики и Советского Союза!

На снимке (слева направо): Чэнь Цзя-кан, Сюй И-синь, Ши Чжэ, А. С. Панюшкин, А. Я. Вышинский, Н. Т. Федоренко, В. М. Молотов, Су Юй, Чжан Вэнь-тянь, Г. И. Тункин, Ли Фу-чунь, И. В. Сталин, Чжоу Энь-лай, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, Н. А. Булганин и П. Н. Кумыкин.

Фото Ф. Кислова.

Советско-Китайское Коммюнике

о передаче Китайской Чанчуньской железной дороги Правительству Китайской Народной Республики

В соответствии с установившимися отношениями дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой 14 февраля 1950 года в Москве было подписано Соглашение о Китайской Чанчуньской железной дороге, в силу которого Советское Правительство передает безвозмездно Правительству Китайской Народной Республики в полную собственность все свои права по совместному управлению Китайской Чанчуньской железной дорогой со всем принадлежащим дороге имуществом. По этому Соглашению передача указанной Китайской Чанчуньской железной дороги должна быть осуществлена не позже как в конце 1952 года.

В настоящее время Советское Правительство и Правительство Китайской Народной Республики приступили к проведению мероприятий по осуществлению этого Соглашения и в этих целях договорились образовать смешанную Советско-Китайскую комиссию.

Смешанная Советско-Китайская комиссия должна закончить передачу Китайской Чанчуньской железной дороги Китайской Народной Республике не позднее 31 декабря 1952 года.

НОТА

Премьера Государственного Административного Совета и Министра Иностранных Дел Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лая Министру Иностранных Дел СССР А. Я. Вышинскому

Уважаемый товарищ Министр!

После отказа Японии от заключения всестороннего мирного договора и после того, как она заключила сепаратный договор с США и некоторыми другими странами, ввиду чего Япония не имеет и, видимо, не хочет иметь мирного договора с Китайской Народной Республикой и Советским Союзом, создались опасные для дела мира условия, благоприятные для повторения японской агрессии.

Ввиду этого и в целях обеспечения мира, а также основываясь на Договоре о дружбе, союзе и взаимной помощи между Китайской Народной Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик — Правительство Китайской Народной Республики предлагает и просит Советское Правительство согласиться продлить установленный во 2-й статье Китайско-Советского Соглашения о Порт-Артуре срок вывода советских войск из совместно используемой китайской военно-морской базы Порт-Артур до того времени, пока не будут заключены мирные договоры между Китайской Народной Республикой и Японией и Советским Союзом и Японией.

Если Советское Правительство согласится с вышеизложенным предложением Правительства Китайской Народной Республики, то настоящая нота и Ваша ответная нота будут считаться составной частью Соглашения от 14 февраля 1950 года между КНР и СССР в отношении военно-морской базы Порт-Артур, вступившей в силу со дня обмена нотами.

Прошу Вас, товарищ Министр, принять уверения в моем весьма высоком к Вам уважении.

ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЙ

15 сентября 1952 года

НОТА

Министра Иностранных Дел СССР А. Я. Вышинского Премьеру Государственного Административного Совета и Министру Иностранных Дел Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лаю

Уважаемый товарищ Премьер и Министр,

Подтверждаю получение Вашей ноты от 15 сентября с. г., в которой сказано:

«После отказа Японии от заключения всестороннего мирного договора и после того, как она заключила сепаратный договор с США и некоторыми другими странами, ввиду чего Япония не имеет и, видимо, не хочет иметь мирного договора с Китайской Народной Республикой и Советским Союзом, создались опасные для дела мира условия, благоприятные для повторения японской агрессии.

Ввиду этого и в целях обеспечения мира, а также основываясь на Договоре о дружбе, союзе и взаимной помощи между Китайской Народной Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик — Правительство Китайской Народной Республики предлагает и просит Советское Правительство согласиться продлить установленный во 2-й статье Китайско-Советского Соглашения о Порт-Артуре срок вывода советских войск из совместно используемой китайской военно-морской базы Порт-Артур до того времени, пока не будут заключены мирные договоры между Китайской Народной Республикой и Японией и Советским Союзом и Японией».

Советское Правительство выражает согласие с вышеизложенным предложением Правительства Китайской Народной Республики, а также с тем, чтобы Ваша нота и настоящий ответ на нее были составной частью указанного выше Соглашения от 14 февраля 1950 г. о военно-морской базе Порт-Артур со дня обмена настоящими нотами.

Прошу Вас, товарищ Премьер и Министр, принять уверения в моем весьма высоком к Вам уважении.

А. ВЫШИНСКИЙ

15 сентября 1952 года

СЛОВО КОММУНИСТОВ

Дать к 5 октября в честь XIX съезда партии сверх плана десятки мощных электровозов и породопогрузочных машин для угольных бассейнов страны — таково обязательство коллектива электровозно-сборочного цеха Торецкого машиностроительного завода имени Ворошилова (Сталинская область). На снимке: лучшие слесари-сборщики И. П. Демьяненко (справа) и Н. К. Бочаров испытывают новый электровоз. Свое задание стахановцы выполняют на 240—280 процентов.

Фото И. Бондаренко (ТАСС)

Миллионы советских тружеников в эти дни пристально следят за сообщениями печати о работе партийных конференций. Дело партии Ленина — Сталина стало в нашей стране делом всего народа. Ум, честь и совесть нашей эпохи — так называют у нас коммунистическую партию. К слову ее передовых людей, обсуждающих на партийных конференциях важнейшие вопросы жизни страны, чутко прислушиваются широкие массы трудящихся.

Деловито, с большой активностью, под знаком широко развернутой критики и самокритики прошли партийные конференции большевиков Москвы, Ленинграда, областей Украины, Белоруссии и других республик. Конференции демонстрируют, что большевики идут в авангарде строителей коммунизма, демонстрируют сплоченность коммунистов вокруг ЦК ВКП(б), великого Сталина.

И на конференциях и в низовых партийных организациях горячо обсуждаются опубликованные Центральным Комитетом проекты: директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы и текст измененного Устава партии.

Делегаты конференций, все коммунисты, единодушно одобряют исторические документы. Подлинные хозяева своей партии, они вносят много дополнений, предложений, на конкретных примерах подтверждают реальность пятой пятилетки, жизненность проекта измененного Устава.

Будь то собрание низовой партийной организации или областная партийная конференция, выступающие здесь коммунисты показывают пример государственного подхода к оценке новых грандиозных дел.

...Партийное собрание на Челябинском тракторном заводе. Речь держит рабочий тов. Щербаков. Оперируя цифрами и фактами, доказывает он: в пятой пятилетке важно особо подчеркнуть необходимость мобилизации внутренних резервов производства. И оратор тут же называет эти резервы.

...Собрание партийной организации колхоза имени Сталина, Георгиевского района, Ставропольского края. Коммуниста тов. Переходченко волнует проблема механизации сельскохозяйственного производства. И он говорит: «В директивах съезда должен быть определен не только уровень механизации пахоты и посева зерновых и технических культур, но также уровень механизации ухода за техническими культурами. И тут надо свести до минимума ручной труд».

Потом выступает колхозник тов. Кулигин. Он считает нужным создать сельские школы ремесленного ученичества.

Великой ответственностью за дальнейшее укрепление боеспособности партии, за успешное осуществление задач коммунистического строительства проникнуты речи делегатов партийных конференций. Идет большой партийный разговор о будущем нашей страны. Многообразен круг проблем, затрагиваемых в этом разговоре. С трибуны Архангельской городской партийной конференции научный работник тов. Вороницын предлагает предусмотреть в новой пятилетке более полное использование ценных отходов древесины путем строительства комбинированных заводов — лесопильных, деревообрабатывающих, целлюлозно-бумажных. А делегат Винницкой областной партийной конференции начальник Винницкой железной дороги тов. Дорофеев, приведя цифры роста урожая сахарной свеклы, считает необходимым предусмотреть в плане производство специальных вагонов для ее перевозки.

В Ленинграде на партийной конференции Сталинского района коммунисты внимательно слушают речь профессора Политехнического института тов. Кузьмина о том, сколь важно построить специализированные заводы по изготовлению металлургических печей. В Запорожье на областной партийной конференции начальник «Укрводстроя» тов. Бочкин обращает внимание на разобщенность наших сил в области ирригации; размах работ здесь уже таков, что пора создавать союзное министерство. А в это же время в Узбекистане делегат партийной конференции Сыр-Дарьинского района директор МТС тов. Житенев настаивает на дальнейшем освоении пустующих земель Голодной Степи.

С чувством гордости за партию Ленина — Сталина говорят делегаты конференций о проекте измененного Устава партии. Множество предложений вносится в ходе обсуждения проекта. И все они сводятся к главному: повысить требовательность к передовым людям страны — коммунистам.

«Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии». Много раз вспоминались на партийных конференциях эти сталинские слова. И, повторяя их, как клятву, коммунисты заявляли о своей готовности под руководством ЦК ВКП(б), под водительством товарища Сталина с честью выполнить стоящие перед нашим народом новые большие задачи.

Кохтла-Ярве — Таллин

Между илистыми берегами речек Ягала и Кунда лежат болота, поросшие тонкой, невысокой сосной и пышными шапками мхов. Долгое время ничто не нарушало здесь тишину, пока рука советского инженера не начертала на карте болот трассу газопровода Кохтла-Ярве — Таллин. Лесорубы проложили здесь широкую просеку, и на трассу вышли экскаваторы, бульдозеры, трубоукладчики, изоляционные машины и еще десятки механизмов, сводивших к минимуму труд человека на трассе.

Мы на одном из участков газопровода. На берегу траншеи лежит сваренный, готовый к спуску в траншею трубопровод. Прямой коридор просеки с желтыми песчаными берегами траншеи и черной ниткой трубопровода тянется далеко — к Кохтла-Ярве, к газо-сланцевому заводу. А впереди работает подвижной, с хорошим ходом экскаватор «ОМ-201». Ковш его легко и быстро выкорчевывает пни, выбирает камни, черпает со дна траншеи жидкую массу. Передвигаясь на новое место, он сначала перетаскивает свой «пакет» — деревянный настил, без которого экскаватор не мог бы работать на болоте.

Экскаватором управляет машинист Виктор Николаевич Язев. Экскаваторщиков можно назвать пионерами прокладки газопровода: если медленно идет рытье траншеи, задерживается и укладка труб. В том, что именно этот участок стал передовым, большая заслуга коммуниста Язева, сумевшего отлично организовать работу бригады.

Рабочие трассы переживают сейчас волнующие дни. Всем запомнились строки из проекта директив XIX съезда партии: «...закончить строительство и ввести в действие газопровод Кохтла-Ярве — Таллин».

На обочинах таллинских улиц разложены трубы газопровода: Министерство коммунального хозяйства ЭССР приступило к газификации городского хозяйства. На подходах к Таллину идет строительство газораспределительной станции.

Кохтла-ярвинский газ будет в 5 раз дешевле, чем тот, который до сих пор шел в квартиры с газового завода.

— С переходом на газ наш город получит удобное и дешевое топливо,— радуются таллинцы.

На трассе газопровода. Экскаватором управляет Виктор Николаевич Язев.

Н. ХРАБРОВА

На горьковской стройке

Там, где Волга делает небольшой изгиб на восток, широким фронтом раскинулось строительство Горьковской гидроэлектростанции. По проекту директив XIX съезда ВКП(б), в пятой пятилетке она вступит в строй действующих.

Наступление на Волгу идет с двух берегов: с правого и левого. Его ведут здесь гидромеханизаторы, вооруженные мощной строительной техникой.

На правом берегу воздвигается огромная песчаная плотина. Она будет призвана оградить прибрежные населенные пункты от поднятой воды Волги. Повсюду — на основных и вспомогательных сооружениях — кипит напряженная работа.

Сообщение о созыве XIX съезда ВКП(б) вызвало на стройке новую волну социалистического соревнования. Все строители приняли на себя дополнительные обязательства. Они решили в честь исторического съезда выполнить сентябрьский план строительно-монтажных работ на 108 процентов и осуществить земляные работы способом гидромеханизации в объеме свыше миллиона кубометров.

В дни предсъездовской вахты широкой популярностью среди гидромеханизаторов стройки пользуются комсомольско-молодежные экипажи земснарядов, возглавляемые коммунистами Мордвиновым и Лутвиновым. По их инициативе здесь внедряется так называемый безэстакадный способ намыва плотины. Новый способ значительно удешевляет стоимость работ и увеличивает производительность машин. Применяя его, экипажи земснарядов Мордвинова, Лутвинова и других решили выполнить годовые планы ко дню открытия исторического съезда.

На расстоянии нескольких километров от плотины мощные земснаряды всасывают песок и по напорным трубопроводам транспортируют его к месту намыва. Здесь, на приемке песка с водой, хорошо работают молодые стахановцы Гаврилов, Жадрин и другие.

Для намыва плотины левого берега на строительство прибыл земснаряд «1000-80», построенный Сталинградской судоверфью. Его производительность — тысяча кубометров грунта в час. Это в три с лишним раза превышает мощность земснарядов, работающих на стройке в настоящее время. Фреза земснаряда «1000-80» может добывать грунт с глубины 15 метров от горизонта воды. В ближайшие дни мощная машина вступит в забой. Работники гидромеханизации единодушно назвали прибывшее к ним судно «Пятилеткой коммунизма».

В ногу с механизаторами в предсъездовском соревновании идут экскаваторщики. Они тоже ищут и находят внутренние резервы для повышения производительности труда. По инициативе машинистов Панова, Коннова и Плетнева все экскаваторы стройки сократили без ущерба для дела сменные бригады по обслуживанию машин с пяти до трех человек. Это позволило высвободить десятки квалифицированных рабочих для других участков строительства.

Экипаж экскаватора № 51, возглавляемый машинистом Щербаковым, к концу августа выполнил две годовые нормы. Воодушевленный сообщением о созыве очередного съезда великой партии Ленина — Сталина, экипаж обязался выработать до конца года третью норму. Слово экскаваторщика Щербакова не расходится с делом. Работая на выемке грунта, он за десять дней сентября выполнил месячное задание.

Ф. ЖАДАЕВ

Навстречу Конгрессу народов в защиту мира

ГОЛОСА МИРА ЗВУЧАТ В ТОКИО

Недавно в Токио на берегу реки Эдо состоялся большой праздник мира. Японские власти несколько раз запрещали его, но под давлением народных масс были вынуждены отступить. Полиция отвела место для праздника на окраине Токио, не связанной трамваями с центром, в расчете, что найдется мало желающих идти пешком под палящими лучами летнего солнца. Но расчеты полиции не оправдались. Праздник привлек несколько десятков тысяч простых людей Японии.

С раннего утра дороги заполнились толпами людей. Шли рабочие, служащие, студенты. Многие шли с семьями. В 10 часов утра на зеленом берегу реки открылась выставка, посвященная борьбе за мир. Большое внимание собравшихся привлек раздел выставки, рассказывающий о Советском Союзе, особенно фотографии великих строек коммунизма. Рядом были расположены стенды, посвященные развитию Китайской Народной Республики и героической борьбе корейского народа.

В 11 часов начались спортивные соревнования. В самый разгар соревнований на площадь вбежал юноша с красным знаменем в руках. Это студенты университетов Токио провели эстафету мира по улицам города. Десятки тысяч людей приветствовали знамя с изображенным на нем белым голубем. Бурей аплодисментов было встречено выступление лауреата международной Сталинской премии мира Икуо Ояма, чье имя стало в Японии символом непоколебимой борьбы за мир и счастье людей.

В большом концерте приняло участие около трех тысяч человек. Уже стемнело, а на зеленом поле стадиона при свете прожекторов один за другим выступали коллективы художественной самодеятельности.

Праздник продолжался до 9 часов вечера, в нем приняло участие более 80 тысяч человек. Праздник еще раз явился свидетельством непоколебимой воли японского народа добиться победы в своей мужественной борьбе за мир, за независимость, против американской оккупации.

И. РЫЖОВ

Токио.

Говорит Икуо Ояма...

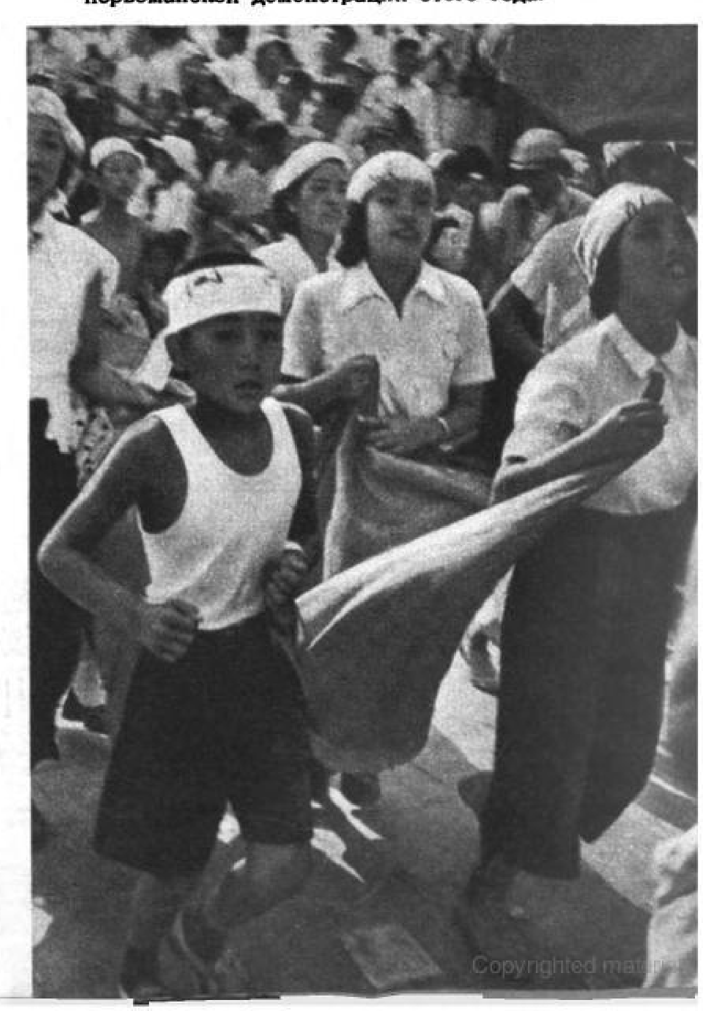

С утра к месту праздника стали собираться тысячи людей из Токио и соседних префектур.

Общий вид праздника мира.

Эстафета мира по улицам Токио. Вместе с другими эстафету несет сын японского рабочего Такахаси, убитого полицией в день грандиозной первомайской демонстрации этого года.

На улицах Харбина. Питомцы детского сада одной из текстильных фабрик вышли на детский праздник.

В ХАРБИНЕ

(Путевые заметки)

В. КОРНИЛОВ

Широкие улицы, обсаженные деревьями, громады зданий из серого, белого, розового камня — и всюду удары молота, звон пил, легкое жужжание электромоторов — шум, присущий стройкам. Таково первое впечатление о Харбине, одном из городов нового, народного Китая.

Наши китайские друзья — председатель Харбинского отделения Общества китайско-советской дружбы Чжен И-пин, начальник департамента народного просвещения Ши Вен-шин, председатель объединения работников культуры и искусства Чен Жен-тю — показывают нам свой город.

На большой площади в центре высится строгий серый монумент. Два советских воина поддерживают огромную пятиконечную звезду. Возле памятника разбиты клумбы, на гранитном пьедестале лежит букет только что принесенных, свежих цветов.

Молодая китаянка Чжу Сюн переводит нам слова старого китайца Чен Ди-фу, который сегодня со всей семьей пришел к памятнику:

— Старик говорит, что его младший сынишка еще не видел этого памятника... Он говорит, что каждый китаец должен видеть этот памятник, потому что это — святое воспоминание о советских людях, которые пришли и отдали свою жизнь, чтобы спасти своих братьев.

Пожилая китаянка — жена старика — вынимает из корзины несколько цветущих веток дикой яблони и кладет их к подножью. Потом вся семья еще раз обходит монумент и, то и дело оглядываясь на него, направляется дальше.

— Город перестраивается, через несколько лет все будет выглядеть совсем иначе,— с воодушевлением рассказывает один из наших спутников.

Вот уже скоро завершится сооружение чудесных корпусов Сельскохозяйственной академии на сквере Ванчжотун — так называется пустырь, где еще недавно не было ни одного здания. На Центральном проспекте закладывается семиэтажное здание Политехнического института. На пристани — такое название носит целый торговый район Харбина — огромные государственные магазины встают на смену частным лавчонкам.

— Харбин из торгового города превращается в город культуры, город науки,— говорит Ши Вен-шин.

Мы узнаем, что до освобождения в Харбине было всего 49 начальных школ, сейчас их 199, а средних 12, не считая техникумов. Но дело не только в количественном росте. В стенах этих учебных заведений обучаются дети рабочих, служащих, крестьян окрестных деревень. Наши спутники оживленно перечисляют названия высших учебных заведений Харбина. Их 7, в том числе Сельскохозяйственная академия, Академия искусств имени Лу Синя, институты: политехнический, медицинский, иностранных языков, педагогический, железнодорожного транспорта.

Зеленые сады окружают Харбин, большой город Харбин, который с каждым днем становится красивее, благоустроеннее.

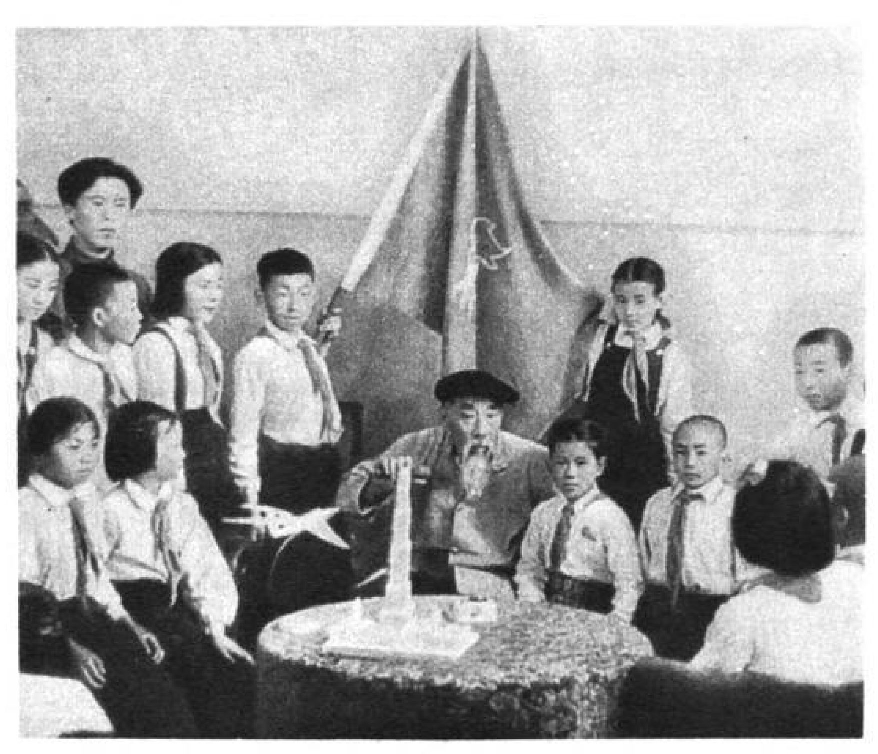
Бригада Су Чен-ю на строительстве здания Политехнического института.

Мастера новостроек

Около четырех лет назад мне довелось встретиться со знаменитым московским каменщиком Федосом Шавлюгиным. Это было в столице, на Можайском шоссе, на седьмом этаже строящегося дома. Я глядел тогда на умелые руки каменщика, стараясь понять, в чем секрет его мастерства.

И вот сейчас в Харбине я снова столкнулся с Шавлюгиным. Правда, это не был сам советский мастер, а его китайский собрат, Су Чен-ю. Работало четыре китайских каменщика. Движения каждого были размеренны, точны, экономны. Стена нового жилого дома буквально росла на глазах. Ведущий каменщик бригады делал только одно, почти неуловимое движение. Он клал тот кирпич, который будет виден с улицы, тот, что ложится первым на фасад дома. Остальные члены бригады подносили кирпич и раствор и

Заслуженный герой партизанской борьбы Ли Шин беседует с учениками харбинской школы.

укладывали внутреннюю часть стены.

Су Чен-ю сказал:

— Сейчас мы используем новые методы кладки кирпича и других советских каменщиков. Мы читали об их опыте и старались сразу применить у себя на стройках... А теперь, если хотите, мы покажем вам, как мы работали прежде.

Он сказал несколько слов, и остальные, улыбнувшись, прекратили подачу кирпича.

Три мастера встали возле стены на некотором расстоянии друг от друга. Каждый из них нагибался, брал кирпич, черпал раствор, снова нагибался. Не верилось, что работают те же люди, которые только что вели кладку с молниеносной быстротой.

С блокнотом в руке начальник строительной конторы Чжан Чан подсчитал результаты. Методом советских каменщиков китайские мастера укладывали за смену свыше 12 тысяч кирпичей, а старым способом — всего лишь 3 тысячи.

Молодой каменщик У Чан-шун поднял кверху большой палец.

— Сулян тончжу хо! — весело улыбаясь, сказал он.

Эту фразу мы поняли без переводчика: слово «сулян» означает «советский»; «тончжу» — «товарищ»; «хо» — «хорошо». Сколько раз мы слышали эти слова при встрече с китайскими друзьями, проезжая по Северо-Восточному Китаю!

В Музее героев

Тихая широкая улица названа в честь героини китайского народа, бесстрашной партизанки Иман. Когда-то в дни японского владычества в этом приземистом темносером здании находилось управление центральной полиции города Харбина. Сейчас здесь Музей героев. У входа в выставочные залы на яркокрасном бархате вытканы иероглифы. Переводчица передает их смысл: «Коммунизм — несокрушим, из маленькой искры может разгореться большой пожар». Эти слова написаны вождем китайского народа Мао Цзе-дуном в честь открытия харбинского Музея героев.

Перед нами портреты, скульптуры, документы. Сотрудники музея рассказывают о судьбе одного героя национально-освободительной борьбы, бывшего лесоруба Ван Я-чена. Много лет боролся он с врагами своей земли. Когда Ван Я-чен попался в плен, ему предложили перейти на сторону японцев, обещали крупное вознаграждение. На пытки палачей он отвечал единственным словом: «Нет». Ему вырвали ногти, выкололи глаза, жгли лицо раскаленным утюгом — он остался верным своей партии, своему народу. Палачи ничего не добились.

Многие экспонаты и документы повествуют о бесстрашном подвиге героя-партизана Ян Дин-юна, командовавшего партизанской армией в тылу японцев; о герое пограничного города Тунхуа Чен Хан-чжане; о подпольщике города Харбина Ван Сюе-жао.

В музее мы встретили фотографию вождя корейского народа Ким Ир Сена. Он снимался в 1939 году с группой китайских партизан. В те дни корейский и китайский народы боролись бок о бок против общего врага — японских поработителей. Эта старая дружба, скрепленная кровью в борьбе за свободу китайского и корейского народов, как никогда, сильна в наши дни, когда корейский народ с оружием в руках борется против американских интервентов и их сообщников.

Мы рассматривали один за другим документы, показывающие, как японские захватчики готовили бактериологическую войну. На фотографиях бараки с «подопытными» людьми, всевозможные медицинские инструменты, жертвы бактериологических опытов японского «отряда 731», который был размещен неподалеку от Харбина. Сейчас некоторые из работавших в этих лабораториях смерти служат американским империалистам...

Мы покидаем музей и проходим по светлым, утопающим в зелени улицам нового Харбина. Прекрасный город! С ним связаны многие славные страницы борьбы китайского народа за свою свободу и великое будущее.

Харбин.

ПОДГРОДЗЕ

На берегу Балтийского моря, в местности Подгродзе, Щецинского воеводства, 27 июля открылся первый в Польской Народной Республике детский городок.

«Польский Артек», как любовно прозвали Подгродзе его обитатели, одновременно вмещает свыше тысячи детей. Сорок одинаковых жилых домов расположены вдоль широких улиц. За образцовым порядком в городке следят юные «милиционеры». Подгродзе имеет собственную почту, пожарную охрану, свой парк культуры и сбывшуюся заветную мечту ребят — детскую железную дорогу. Есть здесь и отряд «моряков» — будущих покорителей морей и океанов.

В городке организованы детский народный городской совет и 4 районных совета, управляющие «городскими делами». Проводя летние месяцы в образцово организованном и оборудованном детском городке, юные граждане Польской республики приобретают трудовые навыки, привыкают уважать общественный порядок и дисциплину и одновременно хорошо отдыхают и набираются сил и здоровья.

На торжественном открытии городка тринадцатилетний председатель детского совета Престол сказал:

— Мы счастливы, что здесь, в Подгродзе, имея все условия для отдыха, мы можем участвовать в управлении жизнью городка. Мы приложим все силы, чтобы своей учебой в школе и работой в пионерской организации строить лучшее завтра и мир во всем мире.

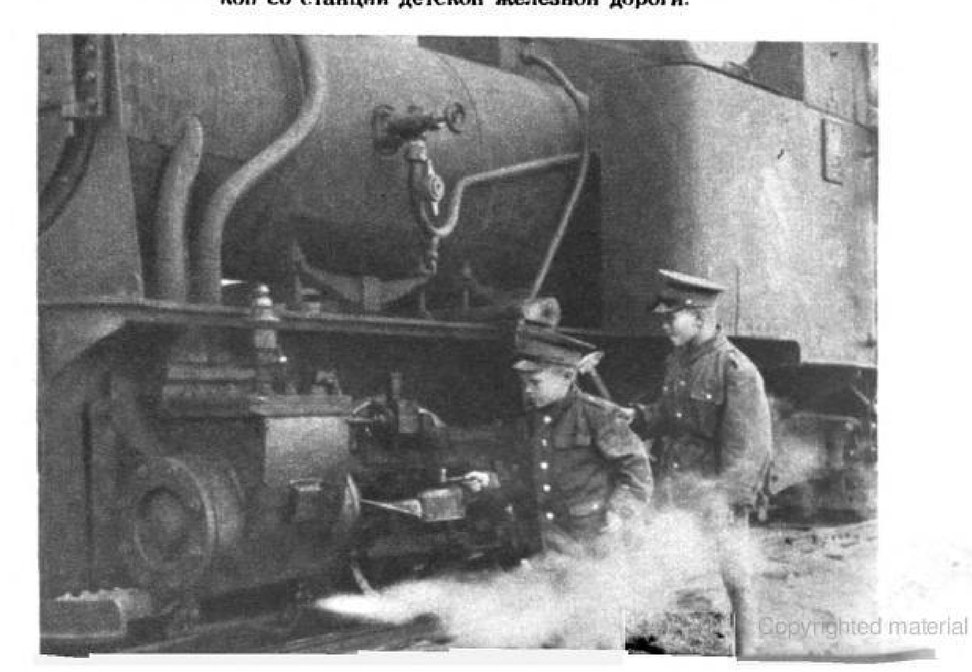

Збышек Фольструн провинился. За неправильный переход улицы его штрафуют «милиционеры», его же товарищи по лагерю — Здислав Тежинский и Марек Гонстан.

Одна из улиц в Подгродзе.

Збышек Дротовский и Януш Кристман преисполнены сознания ответственности за порученное им дело. Они осматривают паровоз перед отправкой со станции детской железной дороги.

ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

В. ЯКОВЛЕВ,
народный художник РСФСР

«Третьяковка»...

Кто из советских людей не побывал в этом великолепном собрании отечественного искусства или не слышал о нем! Есть неписаная традиция: если приехал в Москву, быть в «Третьяковке» так же необходимо, как пройти по Красной площади и проехаться в метро.

И к стыду нашему, искусствоведов, художников — проповедников изобразительного искусства, мало еще пишем мы о том необыкновенном человеке, который основал галерею.

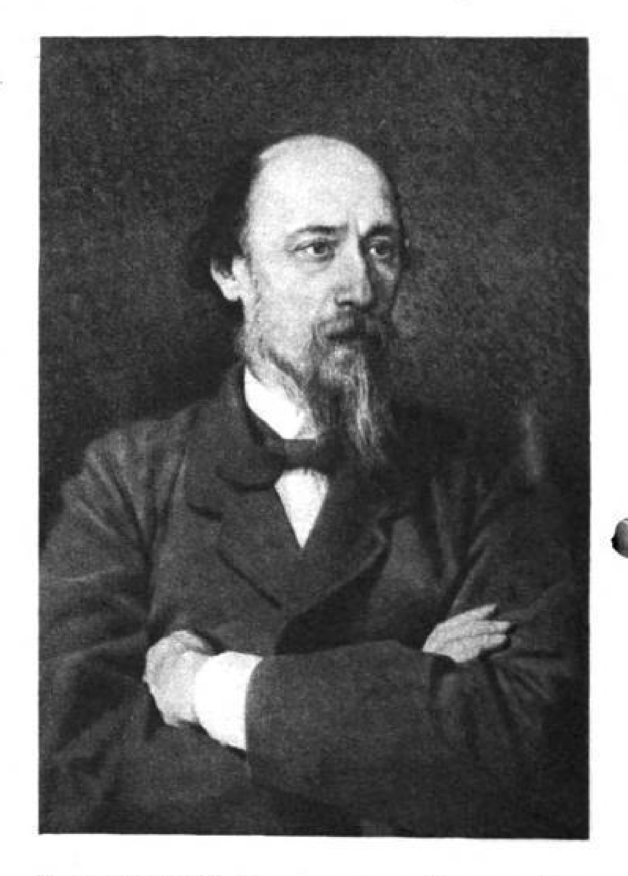
«...желая способствовать устройству в дорогом для меня городе полезных учреждений, содействовать процветанию искусства в России и вместе с тем сохранить на вечное время собранную мною коллекцию, ныне же приношу в дар Московской Городской Думе всю мою картинную галерею со всеми художественными произведениями...» — писал 31 августа 1892 года коммерции советник Павел Михайлович Третьяков.

Это было 60 лет назад. Московская городская дума на торжественном заседании огласила письмо Третьякова. Замечательному русскому патриоту было присвоено звание «Почетного гражданина города Москвы». Поныне хранится в галерее диплом, написанный витиеватым шрифтом.

Скромный Третьяков, желая избегнуть пышных торжеств, на два месяца исчез из Москвы. Но его возвращения ждали. Московское общество любителей художеств преподнесло ему приветственный адрес, на котором значилась 101 подпись. Такой же адрес за 104 подписями прибыл от художественных деятелей Петербурга. Но всего дороже было Третьякову послание передвижников. С ними он был связан всю жизнь, оказывал им огромную духовную и материальную поддержку, да и сам ощущал себя негласным членом Товарищества.

Передвижники писали: «Хотя мы все давно уж привыкли к мысли, что галерея Ваша предназначалась быть общим достоянием, но известие о том, что это осуществилось и сознание насколько избранный Вами вид служения на пользу общую необычен, вызвали в нас так много чувств и гордости и радости, что мы не можем не выразить Вам их...»

Владимир Васильевич Стасов выступил со специальной статьей, восторженно приветствуя создание национальной сокровищницы. Он обращался к Третьякову: «Ваша чудесная Галерея есть русская всенародная, государственная, народная, национальная Галерея, все равно как, например, собрание сочинений Пушкина, Льва Толстого, Грибоедова, Гоголя, Лермонтова, Островского. Все это всенародно и национально!..»

И. Н. Крамской. Портрет поэта Николая Алексеевича Некрасова. 1877 год.

И. Е. Репин. НЕ ЖДАЛИ. 1884 год.

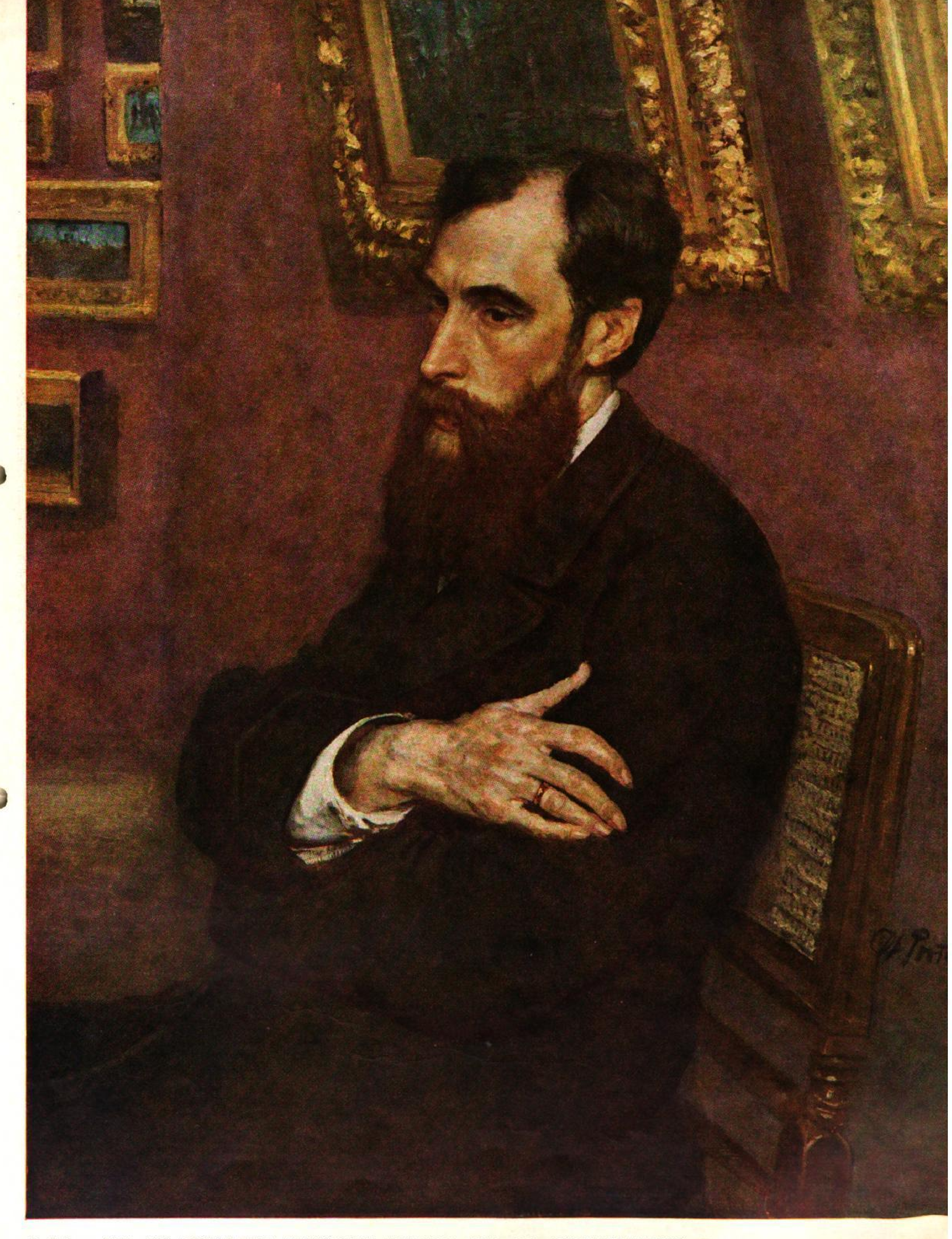
Третьяков остался верным себе: он рассердился на Стасова за это восхваление. Когда Павел Михайлович узнал, что в Москве в его честь собирается съезд художников, он опять уехал и даже семье запретил бывать на съезде.

Человек умнейший, поразительной скромности и честности — таков был основатель галереи. Образ его сохранен нам в портретах кисти Крамского и Репина. На портрете Крамского, датированном 1876 годом, Третьякову 44 года. Весь его облик напоминает о русском шестидесятнике. Высокий лоб, строгая борода, скромная одежда и, главное, глаза, проникновенные, умные, думающие.

Известный портрет работы Репина выполнен семью годами позже. Павел Михайлович изображен погруженным в раздумье. Он сидит на стуле в одном из залов своей галереи. Он постарел, стал сосредоточеннее, мудрее.

П. М. Третьяков родился в 1832 году. Картины русских художников он начал коллекционировать в середине пятидесятых годов. Изучение писем Третьякова показывает близость его воззрений к эстетическим взглядам передовых русских мыслителей. Не случайно стал он собирать картины передвижников: их творчество было близко его устремлениям. Не случайно возникла и дружба его с вдохновителем передвижников—Иваном Николаевичем Крамским.

Для своей галереи Третьяков построил специальное здание в Замоскворечье. Здесь одно за другим появлялись на стенах произведения Перова, Крамского, Верещагина, братьев Маковских, братьев Васнецовых, Корзухина, Шишкина, Ге, Репина, Ярошенко, Савицкого, Поленова, Максимова, Прянишникова, Саврасова, Мясоедова, Сурикова, Левитана, Серова и мно-

И. Е. Репин (1844—1930). ПОРТРЕТ ПАВЛА МИХАЙЛОВИЧА ТРЕТЬЯКОВА (1832—1898), ОСНОВАТЕЛЯ ГАЛЕРЕИ. **1883 год.**

Н. Г. Шильдер (1828—1898). ИСКУШЕНИЕ. 1856 год. Одна из двух первых русских картин, приобретенных П. М. Третьяковым.

На наших вкладках

Из переписки Репина и Третьякова видно, как сильно хотелось Илье Ефимовичу написать портрет Третьякова, которого он любил и к мнению которого всегда прислушивался.

Свое давнишнее желание Репин осуществил в 1883 году. Скромный Третьяков и не думал о том, чтобы поместить в галерее свой портрет, остававшийся собственностью художника. В 1901 году Репин написал по нему картину «Павел Михайлович Третьяков в своей галлерее». В портрете же, писанном с натуры, Репин переписал фон, изобразив уголок галереи, и передал его в дар Московскому обществу любителей художеств.

Картины русских художников Третьяков начал собирать в середине 50-х годов прошлого столетия. «Искушение» Шильдера, думаю 1856 г., — сообщал Третьяков Стасову, — так как это первая картина русская, которую я приобрел...»

«Искушение» Н. Г. Шильдера (1828—1898) и «Стычка с финляндскими контрабандистами» В. Г. Худякова (1826—1871) — произведения, положившие начало нынешней Третьяковской галерее. Н. Г. Шильдер учился в Академии художеств, жанрист, имел звание академика. Третьякова привлекла в картине «Искушение», очевидно, трагическая жизненная тема, близкая произведениям Островского.

«...Я так несказанно счастлив, что последняя моя работа сразу снова попадет к Вам... мне до слез больно бы было, если бы она миновала Вашего колоссального собрания... ясно говорящего о Вашем глубоком понимании искусства и о Вашей трогательной и бескорыстной любви к нему...» — писал Левитан Третьякову.

Третьяков был одним из первых, кто оценил по достоинству огромное дарование Левитана. Когда Левитан был еще учеником Московского училища живописи, ваяния и зодчества, Третьяков купил с ученической выставки картину «Осенний день. Сокольники» и поместил ее в свое собрание. С тех пор чуть ли не все лучшие произведения Левитана неизменно перекочевывали из его мастерской или с передвижных выставок в галерею Павла Михайловича.

«Золотая осень» — одно из лучших творений Левитана. Тема щедрой русской осени не раз варьировалась художником; с изумительным, неповторимым мастерством передавал он ее очарование. Роскошная золотая осень запечатлена во всем своем великолепии.

Собрание Третьяковской галереи пополняется из года в год. В него включаются лучшие произведения советского искусства, продолжающие и развивающие реалистические традиции русской живописи. К этим произведениям относится одно из крупнейших достижений советского портретного искусства — картина А. М. Герасимова, изображающая старейших художников — И. Н. Павлова, В. Н. Мешкова, В. К Бялыницкого-Бирулю и В. Н. Бакшеева. Картина написана в 1944 году и была удостоена Сталинской премии первой степени.

Художнику удалось точно, проникновенно охарактеризовать каждого из изображенных им живописцев и вместе с тем подчеркнуть общность их интересов, горячую их заинтересованность беседой. Это произведение как бы символизирует неразрывную связь советского искусства с русской классикой.

А. М. Герасимов. ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКОВ: народный художник РСФСР Иван Николаевич Павлов, народный художник РСФСР Василий Никитич Мешков, народный художник БССР, заслуженный деятель искусств РСФСР Витольд Каэтанович Бялыницкий-Бируля и заслуженный деятель искусств РСФСР Василий Николаевич Бакшеев. 1944 год.

Государственная Третьяковская галерея.

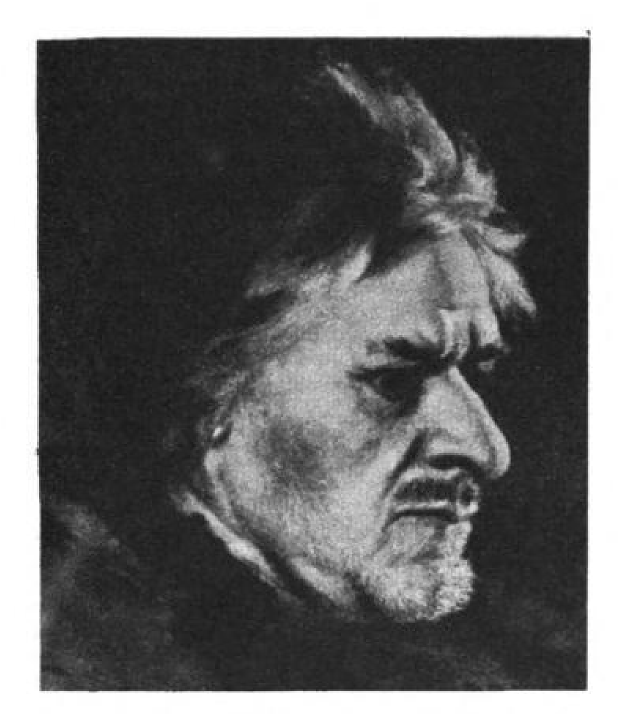
зиция составляется на основе тщательного изучения творчества данного мастера и его конкретного места в общем развитии русского искусства. Лекции в залах галереи, встречи зрителей с художниками стали настолько обычным явлением, что представить без них галерею почти немыслимо. Жизнь ее кипучая, напряженная.

В прошлом году залы галереи посетили 1 миллион 248 тысяч человек — цифра, неслыханная для любого музея мира. Надо заметить, что и при Третьякове посещаемость галереи доходила до 50 тысяч человек ежегодно — по тем временам огромное количество. Третьяков говорил об этом с нескрываемым удовольствием.

Из фондов галереи давно уже создаются передвижные выставки. Многие периферийные музеи также пополняются за счет запасов «Третьяковки». И это правильно: хорошие вещи можно и должно увидеть не только в Москве.

Алексей Максимович Горький, говоря о самом хорошем и значительном, о самом лучшем в Москве, называл Третьяковскую галерею. Вскоре после Октябрьской революции, 3 июня 1918 года, Владимир Ильич Ленин подписал декрет о национализации галереи. Этим актом подчеркивалось, что советское правительство рассматривает галерею как народное достояние.

Народное достояние, мировой художественный центр, имеющий огромное значение для развития прогрессивного искусства во всем мире,— такова Государственная Третьяковская галерея.

В. И. Суриков. ГОЛОВА МЕНШИКОВА. Деталь картины «Меншиков в Березове».

гих других русских художников, чье творчество составляет нашу гордость, нашу славу.

И при жизни Третьякова художники расценивали его деятельность как историческую. Попасть в галерею считалось честью. Недаром Крамской, Репин и многие другие назначали для покупателей картин одну цену, а для Третьякова другую, меньшую. И художники и Третьяков знали, что делают одно, общее дело, составляя для горячо любимой Родины единственную в своем роде коллекцию, которая выходит за рамки частного собирательства, становясь всероссийским художественным центром.

Не раз в галерею приобретались произведения, осужденные царским правительством или вовсе запрещенные к показу. Так было с картиной Перова «Сельский крестный ход на пасхе», с картиной Репина, изображающей Ивана Грозного с умирающим сыном, с портретом Герцена кисти художника Ге. Третьяков, по его собственным словам, всегда смотрел «далее, что будет после нас».

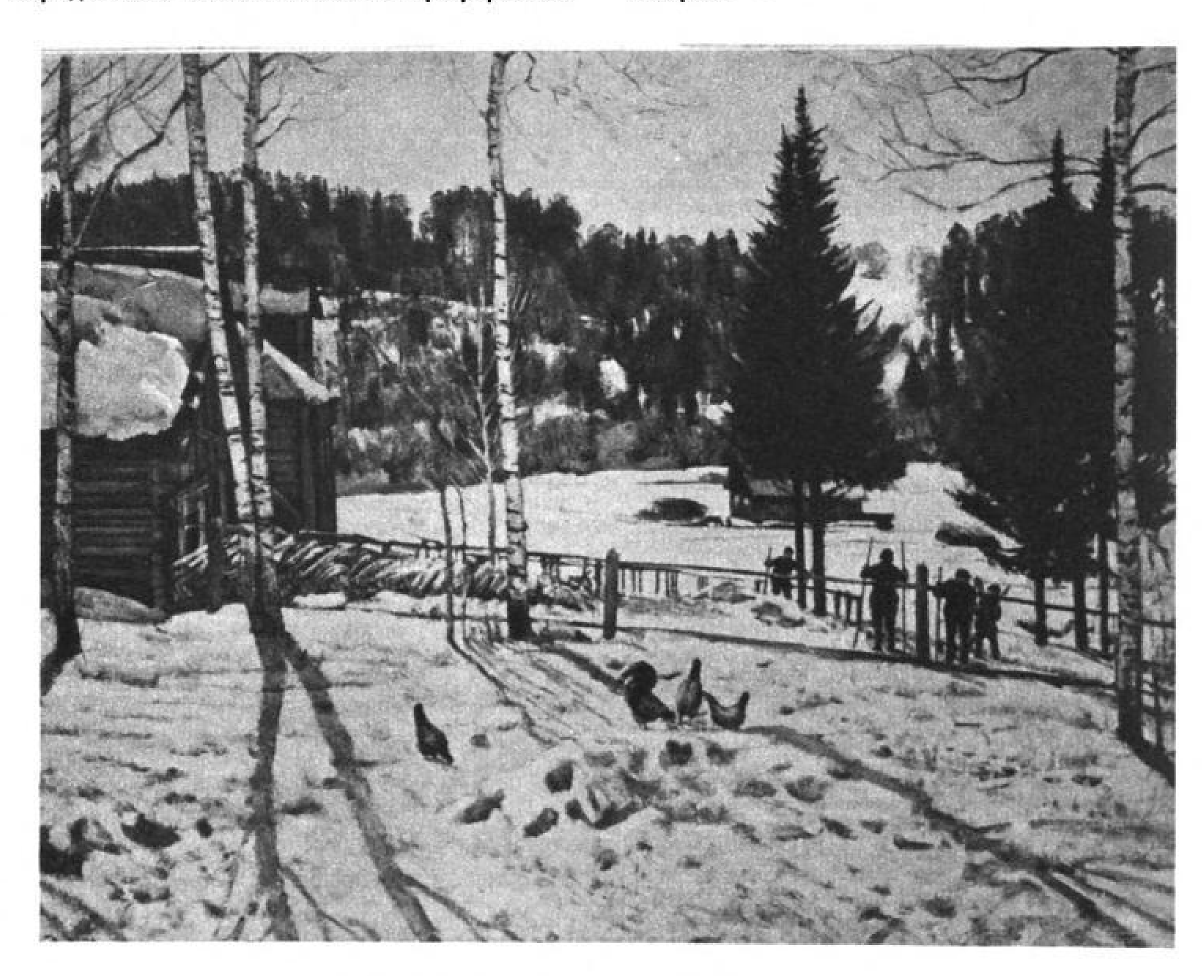
После передачи галереи городу Москве в 1892 году, была передана городу и коллекция брата Третьякова — Сергея. Павел Михайлович по день своей смерти 4(16) декабря 1898 года оставался попечителем галереи.

Купец по происхождению и по занятию своему, Третьяков силою таланта, светлостью ума, ясностью помыслов поднялся до уровня передового общественного деятеля. Друг Крамского и Репина, Сурикова и Васнецова, Чайковского и Стрепетовой, Толстого и Тургенева, Третьяков близок нашим современникам, которые преклоняются перед его подвижничеством, которым несказанно дорого детище его, навеки веков сохранившее имя Павла Михайловича,— Государственная Третьяковская галерея.

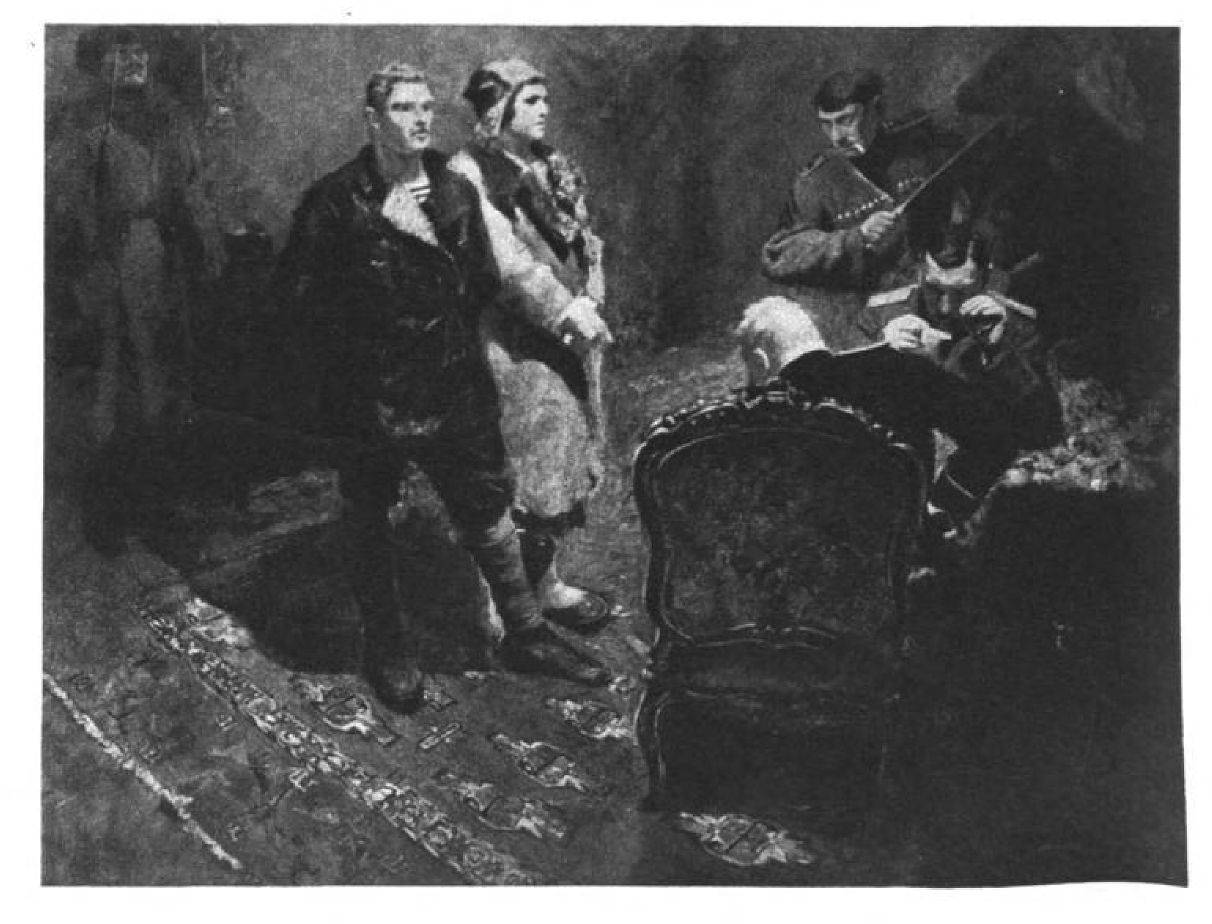
После смерти Третьякова собрание галереи продолжало пополняться, особенного размаха достигнув в советские годы. В нее влились собрание Румянцевского музея со знаменитой картиной А. Иванова, коллекции художника И. С. Остроухова, Н. Е. Цветкова и других. Государственная закупочная комиссия и до сегодня продолжает разыскивать и приобретать для галереи произведения русской классики. Широко входят в экспозицию лучшие произведения советских художников. Более пятидесяти залов, осмотреть которые за один прием не представляется возможным, раскрывают перед посетителем волнующие страницы истории нашего изобразительного искусства от XI века и до наших дней.

Давно уже стало тесно галерее. Огромное количество произведений находится в запасниках, и пора уже воплощать в жизнь давнишний разговор о строительстве нового здания.

Государственная Третьяковская галерея не только музей, но и крупнейшее научное учреждение. Здесь работают десятки научных сотрудников, пишутся книги, исследования, разрабатываются новые методы реставрации. Здесь все ведется на научной основе. Экспо-

К. Ф. Юон. КОНЕЦ ЗИМЫ. ПОЛДЕНЬ. 1929 ГОД.

Б. В. Иогансон. ДОПРОС КОММУНИСТОВ. 1933 год.

П О Л Е Н Ь К А

Рассказ

Вадим ЛУКАШЕВИЧ

Рисунки П. Караченцова

1

Мы познакомились в колхозной столовой.

Маляр выкрасил столовую прямо по бревну и пакле, а заодно и столы мрачной лиловой краской, потолок и наличники он сделал под цвет снега в сумерках, пол и лавки остались некрашеными. Со временем стены потерлись от спин, а столы — от локтей и тарелок.

Здесь работала поварихой, подавальщицей и судомойкой Аграфена Никитична, умильная маленькая толстуха в белом переднике, всегда розовая от печного жара. Ей помогала дочка Поленька, ученица девятого класса. Каждое утро Поленька приносила «золотые шары» и папоротник, ставила букеты в старые банки с надписью «Фасоль». В мрачной комнате веселые золотые цветы казались освещенными солнцем. Туфли Поленька оставляла за дверью в кухне и весь день, негромко шлепая, шмыгала босиком. На ходу она подавалась телом вперед, спешила и, казалось, всегда ожидала, что на нее вот-вот рассердятся.

В обеденные часы сюда сходились, кроме приезжих, сотрудники конторы, библиотекарша Маруся, практикантки Ксана и Нина, молодой зоотехник Павел Ухтин. Он приехал в колхоз на день раньше меня и теперь знакомился с людьми и хозяйством. Он только что окончил институт, был молод, а выглядел еще моложе, чем, видимо, очень огорчался.

Мы разговорились. Я вспомнил, что знакомый ботаник говорил, будто от донника молоко у коровы становится душистым и целебным.

— Я не согласен,— возразил Ухтин.— Мелилотус официналис неохотно поедается скотом.

Я слышал, как в кухне Аграфена Никитична тихо спросила: «Об чем они?» «Скотина не хочет есть официалис...» — торопливо обернувшись, прошептала Поленька. Она стояла в дверях, поставив одну босую ногу на другую, и с испугом смотрела на наши тарелки с супом. Аграфена Никитична вздохнула: «Наверное, горький: вот скотина и не ест...»

Ухтин говорил о последних достижениях в зоотехнии, как он выражался, и о том, как мало еще известна эта наука колхозным животноводам-практикам.

— Пришел сегодня на свиноферму; как раз привезли корма. Спрашиваю: «Что это? Кажется, гречиха?» Говорят: «Гречиха». Приказал немедленно увезти. Гречихой кормить свиней!

Он ожидал сочувствия. Мы с Поленькой недоумевали.

— А разве нельзя?

— Недопустимо! Свиньи могут погибнуть. У них бывает гречишная сыпь и может развиться шоковое состояние.

И, помедлив, добавил:

— Интересное явление: у белых лошадей от гречихи выпадают волосы, лошадь становится голой. А гнедые и вороные могут есть без последствий.

Я представил голую лошадь и засмеялся:

— Не может быть! Анекдот.

Но Ухтин глядел строго:

— Совершенная правда: нам говорил профессор на лекции.

На кухне Поленька тревожно шептала: «Он говорит, что от гречихи выпадают белые волосы...» Я забыл сказать, что у Поленьки были светлые косички, которые деревенские шутники называют седыми. И только посреди головы, у пробора, волосы уже начинали темнеть. Поленька сдержанно фыркнула: «Может, и у людей так?!» «Вот те на! — засмеялась Аграфена Никитична.— Мало нами гречневой каши съедено, что ль? Не оплешивели же...» «Я спрошу, маменька». «И спрашивать незачем!» «А мне хочется, маменька». «Ну что ж, спроси».

Через минуту, ставя перед нами яичницу, Поленька зарделась до первых слезинок и спросила сдавленным голосом:

— Скажите, Павел Николаевич, а гречневая каша вредная?

— Я говорил про зеленую массу растения, ботву,— снисходительно объяснил Ухтин.— Гречневая крупа полезна, всякий знает.

В кухне наступила тишина.

Неторопливо, время от времени взглядывая, чтоб проверить впечатление, он излагал свои планы: менять скот, по его мнению, не следовало, предстояло просто улучшить местную породу ярославской и костромской, а главное, питанием, воспитанием и уходом, «...в соответствии с учением Мичурина и Лысенко о влиянии среды на организм». Казалось, Павел был особенно доволен этой фразой.

— Учение Мичурина — Лысенко вам, конечно, известно хотя бы в общих чертах? — спросил он.

— Чугунков идет,— громко сказала Поленька.

Я поглядел в окно: там двигалась, то вытягиваясь, то расползаясь, трехрукая фигура с раздвоенной головой.

— Ну и стекла!

— Экономия...— усмехнулся Ухтин.

— Председатель у нас всегда такой,— торопливо сказала Поленька.— Сделает хорошо, а после будто бы испугается. Видели, какой у нас клуб: лучше не бывает! А стали просить, чтобы купил декорации, костюмы. «Копейки,— говорит,— не дам, заработайте сами!» Радиоузел поставил за двадцать тысяч, а там студия. Надобно ее обтянуть ситцем, чтоб заглушало. И опять ему копеек жалко. Стоит студия под замком. Вот!

Смутившись, Поленька исчезла.

В сенях загремели шаги, скрипнула дверь, огромный мужчина вошел в столовую. Он молча кивнул нам и сел к столу; заскрипела лавка. Чугунков заведовал животноводством в колхозе; был он изрыт оспой, темноволос и безмолвен. Прежде он работал пастухом, а пастухи от одиночества делаются с годами болтливыми или умолкают навек. Временами казалось, что Чугунков и не слышит.

Поленька тут же принесла дымящуюся тарелку супа. Чугунков ложкой зачерпнул перцу, размешал и стал есть; ел он быстро, глядя в тарелку. Я ждал, что он закашляется,— нет, отфыркнулся и выпил стакан воды.

— Владимир Захарович, вы будете вечером в конторе? — спросил Ухтин.— Я зайду поговорить о кормах.

— Угу.

— Трудновато придется вам с таким бирюком,— сказал я, когда Чугунков ушел.

— Я думаю, мы сработаемся,— солидно заявил Ухтин.— Он обязан понять, что не обладает необходимыми знаниями.

Поленька подала колхозный десерт: по два стакана густого кипяченого молока и по стакану крепкого чаю; в чае лежал неразмешанный мед. Ухтин отодвинул стаканы.

— У меня к молоку идиосинкразия...

Признаться, я подумал: наверное, как дети, просто не любит пенок.

— В общем, в таком колхозе у зоотехника не очень много работы,— рассуждал Ухтин.— И я придумал себе режим дня: стану спать после обеда, а ночью, когда в избе тихо, буду писать повесть.

— Повесть?

— Повесть. О студенте, который ищет профессию и находит ее в зоотехнии.

Он достал из кармана трубку и плексигласовый портсигар.

— Капитанский,— сказал он о табаке.— Закуривайте.

На кухне шептались: «...Ночью не будет спать, будет писать книгу». «О господи! — вздыхала Аграфена Никитична.— Видно, правду говорят, что городское теля мудреней деревенского пономаря».

Когда мы поднялись, Поленька подошла убрать посуду.

— Приходите еще, пожалуйста! — сказала она, как будто мы могли не придти.

...Ухтин оказался прав. Вечером Поленька скороговоркой рассказала, что двух свиней успели покормить гречихой и теперь по свиньям пошли волдыри; ветеринар и Ухтин в свинарнике с послеобеда, и, наверное, Ухтин не придет ужинать, хотя она припасла ему и суп и мясо, поставила в печь, потому что печь еще теплая.

— Одна матка, другой боровок. Хрюкают, как все одно стонут или бранятся, и все норовят почесаться, а чесаться нельзя: лопнут волдыри — и заразятся. Ухтин придумал, чтобы волдыри заклеивать пластырем, а пластырь не держится на щетине...

Поленька ужасалась и отчего-то торжествовала.

2

Через месяц я вернулся в этот колхоз.

В тот год лето переломилось сразу. В ночь на девятнадцатое августа началась осень: уже с вечера лег туман; он был густой и холодный, с крыш капало, трава обильно намокла, а луна и фонарь у сельсовета были обведены кругами. Ночью туман еще загустел, в нем слышались человеческие голоса и пение петухов, ближайший дом расплывался в неясную тень, и с крыш капало совсем по-осеннему. Утро было холодное и тихое.

В пустой столовой попрежнему стояли желтые цветы в банках из-под фасоли и негромко шлепала босыми ногами Поленька. Мне показалось, что она похудела.

— А где мама? — спросил я, заглянув на кухню.

— Маменька пошла сказать, чтобы купили перцу...

Красный, как толченый кирпич, перец стоял на столе в глубокой тарелке.

— Как живет Павел?

Поленька оживилась.

— Ой, трудно ему! — сказала она печально.— Даже с лица спал, глядеть жалко. Вы знаете, какой у нас Чугунков: как все одно каменный. Об него доказательства, что горох об стенку. Павел Николаевич — тоже мужчина самолюбивый. Он человек ученый, специалист, значит, он прав. Да хоть и прав, так Чугункова разве убедишь?

Поленька вздохнула, совсем как Аграфена Никитична.

Подавая чай, Поленька вдруг покраснела до слез.

— Что я хочу вас спросить... Можно?

— Спрашивайте, Поленька.

— Может так быть, чтобы муж и жена были одной специальности? Например, агрономы?

— Бывает, Поленька. Только работают в разных колхозах. А что?

— Так просто. Спасибо.

Поленька исчезла.

В обед пришел Ухтин. Увидав меня, он обрадовался. Он и вправду осунулся, утратил солидность, но выглядел старше.

— Ну как, спите после обеда?

— Куда там! — Ухтин слабо улыбнулся.

— Повесть пишете?

Он только махнул рукой.

Конечно, работы оказалось гораздо больше, чем он предполагал. Впрочем, работа его не пугала, работа ему нравилась; его пугал Чугунков: одно за другим он отменял нововведения молодого зоотехника.

— Я составил, как нас учили, примерные рационы для скота,— рассказывал он, волнуясь.— Например, что полагается подсвинку? Два с половиной кило комбикорма, четыре кило вареной картошки, двадцать граммов соли, обрат, сыворотка, жареный овес, костяная мука и прочее. Чугунков посмотрел, усмехнулся: «Так не пойдет!» И все! Пошел к председателю, тот руками замахал: «Если, говорит, так кормить, у нас и кормов не хватит...» Но ведь можно купить кормов: колхоз богатый. Правда? Зато резко повысится продуктивность скота! Говорю: вон в Брейтове на откорм подсвинка тратят тысячу рублей, а продают за три тысячи. Куда там: и слушать не хочет!.. Ужасается: «По тысяче рублей на подсвинка! С ума сойти...» Привыкли кормить свиней помоями.

Яичница остывала на тарелке.

— Был в райсельхозотделе... Что ж? Чугункова они знают, а меня нет. Говорят: «Конечно, с Чугунковым нелегко, но сработаться надо». И все.

Ухтин задумался.

— Приходится решать: как мне быть? Если соглашаться, то, спрашивается, зачем меня учили зоотехнии и зачем я нужен колхозу? Если не соглашаться... тогда не будет ни житья, ни работы, одна ссора. Главное, ничем я себя еще не проявил, авторитета у меня нет, а его знают. Придется, пожалуй, уехать.

На кухне всхлипнули.

— А жалко: колхоз, в общем, хороший. Многое можно было бы сделать.

И, не повышая голоса, добавил:

— Дайте, пожалуйста, еще чаю, Поленька!

— Сейчас! — ответили из кухни.

По заданию института я проверял работу новых молотилок. Перед вечером, возвращаясь с колхозного тока, я проходил мимо фермы под шиферной светлой крышей. Меня позвали. Это был Ухтин. Он стоял среди телок, которые мирно паслись у фермы на солнышке. Впервые я видел его сияющим.

— Смотрите,— говорил он, смеясь,— какую телку я выбрал для ремонта стада!

Телка была хороша: по самые уши как будто в черном шелку, с белыми чулками на задних ножках, с детской беленькой мордой. Розовые уши шевелились; казалось, она прислушивалась к разговору. Огромные и влажные карие глаза смотрели из-под черных ресниц доверчиво и робко.

— Ее зовут Сиренька! — объявил Ухтин.— А мать — Строгой. Так полагается, чтобы на одну букву.

Павел гладил Сиреньку по белой мордочке, по шелковой черной спине. Он раскраснелся, на телку он глядел влюбленными глазами:

— Умница! Красавица! Сиренька!

Телка лизнула его в лицо. Павел отстранился, утерся, захохотал:

— С нее начнется наше новое стадо!

И, оглянувшись, закричал:

— Владимир Захарович, на одну минуту!

Черная тень легла возле нас: подходил Чугунков.

— Вот какая телка! — объявил Ухтин.— Дочка Строгой...

Чугунков смотрел неодобрительно:

— Плохая телка. Сдадим в счет мясопоставок.

— Как?! — Павел изменился в лице.— Ее мать — Строгая... При хорошем уходе...

— Сдадим на мясопоставки.

— Но это же... Это чорт знает что такое! — вспыхнул Павел.— Ее мать — лучшая корова в стаде. И телка — вы только взгляните!

Он лихорадочно толкал телку, чтобы повернуть ее боком; телка жалобно замычала.

— Лучшая в стаде, вы только взгляните...

— Не тормошись,— оборвал Чугунков.— Я у скотины тридцать лет, я телку с первого взгляда знаю. Дрянь твоя телка!

Павел побагровел:

— Ни черта вы не знаете! В зоотехнии вы смыслите, как... как в апельсинах. Самонадеянный невежда, вот вы кто!

Слезы висели на ресницах Павла, и оттого он свирепел. Чугунков, казалось, не слышал.

— Я сказал: сдадим на мясопоставки! — повторил он и пошел прочь.

— Сукин ты сын! — негромко проговорил вслед Павел, сжимая кулаки.— Иди отсюда...

Он был мертвенно бледен. Я пытался его успокоить, но Павел взбесился.

— Такую телку на мясо! — кричал он.— Да он с ума сошел! К председателю пойду, в райком партии. Да мерзавец он после этого! Невежда!

Сиренька смотрела доверчивыми и робкими глазами в черных густых ресницах.

— В жизни не прощу! — сказал, стихая, Павел.— За нее я...

Он не договорил, но я понял: начиналось самое серьезное. Больше Павел не мог мириться и уступать.

...Теперь каждый день приносил новости. Иногда торопливым шепотом, оглядываясь на дверь, рассказывала Поленька; иногда усмехаясь, сообщали колхозный счетовод, секретарь сельсовета, бригадиры ферм. Председатель был занят сдачей зерна, почти не спал, целые дни проводил на токах, на складах и в городе. «Разбирайтесь сами»,— сказал председатель. В райкоме ответили, что хорошо, они, конечно, проверят работу Чугункова, но позже: слишком горячее время, чтобы из-за телки посылать людей в колхоз. Как-то я снова обедал с Чугунковым и спросил, почему он считает Сиреньку плохой телкой.

— Телка как телка,— ответил Чугунков.— Плохих у нас нету, а сдавать все одно надобно.— Он помолчал, глядя в угол.— Ты вот скажи: в каком учебнике написано, как быть, ежели кормов в обрез, помещения не все новые и скот не по ягодке собранный?

— Вы считаете, что зоотехник не нужен?

— Считаю, что обстоятельства пока не дозволяют жить по учебнику. — И вдруг, озлясь, Чугунков заговорил громче: — Поднял шум с гречихой! А я смотрел в книжке, написано: после гречихи нельзя пускать скотину на солнце, заболеет. Покормил и держи в хлеву: будет скотина сыта и здорова. Только и всего!

— Почему не пускать на солнце?

— Это ты их спроси. Видно, сами не знают... У-че-ные!

Чугунков побеждал, но я чувствовал, что он держится до первого случая; в лесных оврагах бывают такие сугробы: ни солнце не берет, ни первый дождь, кажется, снегу лежать здесь все лето, как в погребе, но проходит немного времени, и он разом обрушивается с глухим шорохом.

В разгар страды, когда под навесами гудели окутанные пылью восемь молотилок, прекратилась подача тока. Взвыв, молотилки замолкли, люди ушли, а под навесы, гомоня, слетелись воробьи. Сторож швырял в них метлой, воробьи взлетали на провода; они сидели, как нанизанные, на проволоке и возбужденно трещали; сторож бранился внизу, грозил кулаком. Потом сторож устал и пошел курить к бочке с водой.

Председатель пробежал в кабинет, отмахиваясь от ожидавших людей; он долго звонил по телефону в город, бранился с телефонисткой; в городе его плохо слышали, он кричал до хрипоты, все больше злясь. За окном председательский пес Валет прислушивался, поднимал уши, склонял голову; время от времени Валет начинал рычать: ему казалось, что председателя обижают.

Колхозные монтеры, задирая головы, побрели от столба к столбу искать повреждения: линия тянулась до города четырнадцать километров полевыми проселками и просеками в государственном лесу. Навстречу из города вышли другие монтеры.

Вечером на третий день заседало бюро колхозной партийной организации. Собрались в сельсовете, чтоб спокойнее было председателю колхоза. Просторная комната тонула в полутьме, я с трудом узнавал людей: на столе горела семилинейная керосиновая лампа. Через лампу смотреть было трудно, как через костер. Парторг встал и закинул голову, чтобы глаза были в тени.

— Мы дали, товарищи, — сказал парторг, — опубликованное в газете «Колхозный путь» обещание, что закончим хлебосдачу двадцать девятого августа. Уже три дня стоят молотилки... Надобно решить, что будем делать. Обещание не исполнить нельзя!

Усталый председатель сидел возле стола, сбоку, всем видом показывая, что здесь он не хозяин. Председатель оброс щетиной и оттого, наверное, казался себе неопрятным. Он потирал подбородок и морщился. По его мнению, обязательству пока угрозы не было: все эти дни возили намолоченное зерно; кроме того он поговорит в райкоме, чтоб разрешили больше сдать клеверных семян, они тоже зачисляются в хлебопоставки. Парторг возражал, что семена хлебу не подмена. Спорили с тревогой и сдержанным раздражением. Решили рекомендовать правлению ввести ночную молотьбу, когда будет ток, а если и завтра монтеры не сыщут повреждения, то просить в МТС тракторную молотилку.

Председатель оглянулся на парторга: «Все?» Кто-то встал.

— Одну минуту, товарищи, — сказал парторг. — Поступила жалоба зоотехника Ухтина на Чугункова. Товарищ Ухтин...

Из теней в углу поднялся Павел. Он шагнул к лампе и встал; его тень заслонила половину комнаты. Освещенное снизу лицо было решительно и бледно.

— Владимир Захарович... То есть товарищ Чугунков, — заговорил Павел, и стало ясно, что он очень волнуется, — совершенно не знаком с последними достижениями в области зоотехнии...

— Какими еще достижениями? — сварливо спросил председатель, глядя на дверь.

— Могу рассказать! — Павел заговорил об учении Мичурина — Лысенко, о влиянии воспитания и среды, вспомнил коров-рекордисток Послушницу, Золотую и других; казалось, он читает доклад.

— Это мы знаем, — прервал председатель. — Давай покороче: поздно.

— Чугунков отменил составленные мной рационы для кормления скота...

— Это я отменил! — председатель потер рыжую щетину на подбородке. — Какие там рационы: кормов в обрез.

— Корма можно купить.

— Больно все вы щедрые за колхозный счет! — рассердился председатель.

— Не прерывай! — сказал парторг. — Дай говорить человеку.

— Я считаю: Чугунков ведет вредную линию для будущего колхозного стада. — Павел говорил гневно и твердо. — Сдавать на мясо Сиреньку — преступление. И потом нельзя так вообще работать! Зачем вам зоотехник, если вы его не хотите слушаться? Все!

Он отступил к стене и, оглянувшись, сел на несгораемый ящик.

— Что скажешь, Владимир Захарович? — спросил парторг.

— В этот год придется много потратиться, — неохотно ответил Чугунков. — Купить племенного производителя, быка. Это раз. Кормов тоже придется малость прикупить. Два. И сверх этого тратиться мы не можем.

— Верно! — громко сказал председатель.

— В «послушницы» наши коровы непригодны, это мечтания. Строгая, конечно, неплоха, удойная, но дает молоко плохой жирности, и скот от нее будет мелкий, чуть поболе овцы. Нам такой скот без надобности. По мне, Резеда и Нимфа лучше, крупнее. А что не очень надойные, зато жирность в молоке большая. От них и поведем стадо.

— Ты это объяснял Ухтину?

— Я в учителя не нанимался, я коров пас. Где уж нам...

Чугунков усмехнулся.

Потом говорили бригадиры ферм, учительница Тихонова. Казалось, председатель не слушал; он думал о чем-то своем: наверное, о хлебопоставках, о молотилках, о том, что монтеры еще не нашли повреждения. Он знал каждого человека в колхозе, знал, что Чугунков не разговаривает с людьми, поступает, не советуясь, и его за это не любят, не любят, но опасаются крутого чугунковского нрава. Взял слово и колхозный счетовод; про него говорили, что принес он с войны четыре медали и усы. С тех пор усы разрослись, попышнели, а закручивал их счетовод с армейской лихостью.

— Напрасно не слушаешь, председатель, — сказал он. — Народ Чугунковым недовольный. Ты б посидел в конторе, так наслушался бы... Ему дельный совет говорят, а он повернулся спиной и пошел прочь, одно слово: Чугунков! Был пастух, пастухом и остался, а теперь у него люди. Такому в лесу с медведями жить, не в советском колхозе, среди людей...

Наконец поднялся парторг.

— Считаю, — сказал парторг, закидывая голову, чтобы заслониться от лампы, — что Ухтин хоть молодой, но все-таки, — я видел, как передернулось лицо Павла, — специалист и прошел советскую науку; с его указанием надо посчитаться. Думаю, можно решить так: бюро рекомендует правлению оставить на племя телку Сиреньку, вместо нее сдать в поставки другую. Согласен?

— Чего? — переспросил председатель. — Телку? Даром теряем время... Шут с ней, с телкой.

— Указать Чугункову, чтоб свои планы рассказал зоотехнику и уточнил совместно, а за-

тем доложил на бюро. Потому что ты, Чугунков, всего знать не можешь, образования нет, а Ухтин — все-таки специалист. И еще: по мере возможности вводить научные рационы...

— Как, как? — спросил, очнувшись, председатель. — По мере возможности? Ну, так можно...

Люди встали, зашумели, заговорили друг с другом. Я хотел подойти к Павлу и поздравить с первой победой: такой лежачий камень потеснили, и вообще лиха беда — начало! Но все испортил председатель. Я слышал, как он сказал Павлу:

— Не ко двору ты нам: не было тебя — и склоки не было.

Через неделю Ухтин уезжал. Я пришел проводить. Моросил мелкий осенний дождь, у крыльца стояла бричка, небритый возница курил, сидя на козлах, и в сыром воздухе дым не расходился: висел сизым облаком. Ухтин вышел в плаще с поднятым воротником и в кепке, надвинутой на глаза. Мы попрощались.

— Куда же вы?

— Не знаю, — мрачно ответил Ухтин. — Пока к товарищу...

— Разве у вас нет родных?

— Только мама, пенсионерка. К ней я не поеду...

Помолчали. Мне было жаль его, но я понимал, что Павел обидится, если я скажу об этом. А сказать что-то было нужно.

— Ничего, вот напишете повесть...

— Ерунда! — прервал Павел. — Буду работать по специальности. Работы здесь невпроворот. — Он помолчал. — И драки тоже... Впеpед буду умней.

— А Поленька? — вспомнил я.

— Поля — девочка, ей надо учиться, — строго ответил Павел и вдруг улыбнулся: — Она славная, добрая девушка. Прибежала утром, говорит: «Вот маменька прислала цветы!» Маменька? Если б каравай хлеба, тогда верно, маменька...

Улыбаясь, он покачал головой.

— Балуй! — грозно сказал возница, хотя лошадь стояла под дождем неподвижно, развесив уши; вероятно, ему надоело мокнуть.

Павел нахмурился и полез в бричку, где уже лежали потертый чемодан и букет последних жалких золотых шаров с папоротником.

— Трогай!

Возница зачмокал, и лошадь неохотно тронулась, чавкая копытами по грязи, бричка накренилась, колеса заскрипели по мокрому песку, с шипеньем расплескалась лужа.

Павел не оборачивался. Он сидел, ссутулившись, подняв воротник, его спина выглядела печальной.

Я смотрел вслед. В тумане осеннего дождя еще долго маячила, удаляясь, бричка среди безбрежных сжатых полей с потемневшими стогами у дороги. Потом я потерял ее из виду, понял, что темное пятно, в которое я с грустью вглядываюсь, неподвижно: это была уже не бричка, а намокший стожок.

Я стоял, а с крыши срывались большие капли, разноголосо шлепались то на доски, то в землю, то в лужи, и это было как невнятный разговор сквозь всхлипывания и поцелуи. А дальше широко шуршал в поле дождь.

Вечером в столовой подавала Аграфена Никитична.

— Поленька ушла?

— Голова болит... — с досадой сказала повариха. — Прямо до слез... — И с надеждой спросила: — Может, есть у вас лекарство от головы?

Лекарства у меня не было.

3

В марте я приехал снова: нужно было проверить ремонт и хранение сельскохозяйственных машин.

Колхозный счетовод рассказал мне, что полтора месяца назад у них прошли перевыборы, что собирались в новом, просторном и свежем, как выпеченный пряник, клубе, где в зале висели две люстры по четыре лампочки, а на сцене стоял двенадцатиногий составной стол под сукном вишневого цвета. Собрались в четыре и долго не начинали; было жарко сидеть в полушубках: председатель хоть и устроил в клубе раздевалку с прилавком, но вешалок так и не купил. Выходили на крыльцо освежиться и покурить. Роптали. А счетовод знал: в комнате за сценой парторг и члены правления советовали председателю, чтобы он сам отказался потому, что будет лучше, если выберут в председатели агронома, специалиста. А председателю была неохота отказываться, хоть и говорил, что трудно, что надоело, а все равно был семь лет командир и хозяин, попривык. (Тут припомнились мне слова секретаря райкома: «Мелко берешь, товарищ инженер, не в Чугункове корень...» Нас тогда прервал телефон, секретарь занялся другими делами, и я не понял.)

— Только понапрасну время вел и утомлял народ, — сказал о председателе, осуждая, счетовод. Когда счетовод говорит, у него шевелятся усы, будто он жует.

Наконец собрание началось. Чугунков сидел в президиуме, как памятник, только глаза ворочались. На пиджаке у него блестел орден Трудового Красного Знамени. В прениях, конечно, крепко критиковали председателя за то, что «высоко взлетает, да низко садится». Припомнили и доильные аппараты, почти год лежащие на складе, и студию, и декорации, и вешалки в клубе. Выступала даже Поленька. Счетовод глядел на Поленьку с невольным страхом: с таким лицом, наверное, бросаются под поезд — белое, а глаза большие и отчаянные. На поленькин неистовый голос отзывались оконные стекла: звякали. Я, может быть, не поверю этому, а он, счетовод, сам слышал.

— Что сказала Поленька? — переспросил счетовод. — А ты слушай дальше... «Вот и вышло, — сказала Поленька, — вот и вышло, что уехал от нас хороший специалист. А почему уехал? Я удивляюсь, как хватает у Чугункова совести спорить с профессорами...» «Нашла профессора!» — сказали в зале. Поленька живо обернулась на голос: «А его профессора обучали, не пастухи! И выходит, что Чугунков спорит с наукой. Главное что? Главное — он не спорит: он молчит...» В зале засмеялись, а Поленька летит, как с горы. «Об него, — кричит, — доказательства, что горох об стенку!»

Счетовод снова глянул на Чугункова: только глазами моргает, а так будто бы неживой.

— «Он не спорит, — кричит Поленька, — потому что спорить не может против науки, а делает все одно по-своему! Только пустое самолюбие. А он говорил в столовой, какие у него хорошие планы, чтобы улучшить скот. И если желаете знать, он спас наш колхозный скот, потому что Чугунков хотел кормить скотину гречихой, а от гречихи делается у скота состояние... такое состояние, что он может погибнуть: сыпь и все прочее, а у белого скота вылезают волосы, и скотина становится голой...» Зал хохочет, а Поленька кричит: «Мне не верите, спросите у московского инженера, который приезжал: он знает».

В этом месте своего рассказа счетовод подмигнул мне сразу глазом и усом: вот, мол, какое к тебе уважение — на собрании вспоминали!

— Поленька права, — сказал я.

— Словом, отчитала Чугункова, как поп покойника, даже про орден сказала. «А если, — говорит, — Чугунков награжденный, так, значит, надо лучше работать и учиться у специалиста, потому что Сталин говорил, что практика без знаний слепая».

Счетовод сделал большие глаза.

— Вот какая она оказалась! И не думали... — сказал он с уважением. — Ну, за ее страх, за отчаянность, за справедливость народ ей так грянул в ладоши, что обе люстры затенькали и закачались, плакат сорвался со стены, а Поленька от смущения как сквозь пол провалилась, как сгорела без дыму. Уж потом сторожиха рассказала, что выскочила Поленька в заднюю дверь за сцену, ткнулась в узел с театральными костюмами и разревелась от переживаний. Тут ее и нашла случайно сторожиха, нашла и стала утешать, хотя утешать вроде было не в чем.

Счетовод замолчал, стал скручивать цыгарку, я подал ему папиросы.

— Ну, ну? — нетерпеливо спросил я. — Что дальше-то?

— Не понукай, пока не запряг! — засмеялся счетовод. — Когда начались выборы, кто-то выкрикнул фамилию председателя. Председатель нехотя поднялся, хмурый, что осенняя ночь, сказал, глядя в графин, что он отказывается: годы поздние, трудно, хвори стали одолевать, надобно отдохнуть и полечиться... «Просим, просим!» — закричали в зале. Тогда взял слово парторг, за ним бригадиры, члены правления, стали говорить, что просить не надобно, что председатель, конечно, поднял колхоз на хорошую высоту, но дальше ему не выдюжить, а когда хотят перестроить дом просторнее и светлее, все-таки зовут плотника, хоть сами и помогают. Говорили, что морковка хороша, когда яблочка нет, что привычка знаниям не замена, что председатель к новому недоверчив и настоящего направления не знает: бредет ощупью да еще спотыкается о мелочи. Выступали и в защиту, но почему-то у защитников получалось, что председатель — та самая синица, которая в руках, а журавль еще в небе и каким окажется, неведомо! В горячке спора, как водится, то ругали председателя без меры, то не по заслугам хвалили.

— Сижу это я, слушаю, — сказал счетовод, — вдруг слышу: плачет кто-то за спиной. Всполохнулся, гляжу: у печки подперлась рукой Аграфена Никитична, стоит и ревет, лицо у нее красное, и по лицу льется, как в дождь... «Ты чего, — спрашиваю, — Аграфена Никитична?» «Председателя, — отвечает, — жалко...»

Счетовод снова моргнул глазом и усом сразу:

— Жалостливая у нас повариха: жалеет галчат, котят; раз косари принесли зайчонка, она и зайчонка пожалела.

Выбрали все-таки агронома.

...После собрания прошло всего полтора месяца, но многое изменилось. Новый председатель сказал на правлении: «Чтобы поднять хозяйство, надо кормить растения и животных досыта. На это денег не жалко. Конечно, лучше бы корма не покупать, а выращивать. Но кормовую базу быстро не улучшить: не ближе будущего года. А пока не будем скупиться, такие расходы окупятся».

На фермах ставили доильные аппараты, машины возвращались из города, нагруженные комбикормом и минеральными удобрениями; в конторе Чугунков, невнятно ворча, искал в столах составленные Ухтиным рационы и не мог найти. Целый день возили на поля торф, за окнами протяжно скрипели полозья и слышались понукания. Огромный, бурый с проседью бык костромской породы пыхтел и вздыхал на ферме; люди его сторонились, как паровоза.

...Я задерживаюсь в клубе: просматриваю техническую литературу в библиотеке, карточки читателей.

— Здравствуйте! — говорит звонкий голос.

Оглядываюсь:

— Поленька?

— Она самая...

За эти месяцы Поленька повзрослела и расцвела. С холода она разрумянилась, синие глаза сияют. Мы разговорились, в ней больше нет робости.

— А я вступила в комсомол, — говорит Поленька. — Спасибо, спасибо. Это верно, что давно было пора. Тогда догадалась, когда воевать стала. С кем воевать? С Чугунковым, с кем же еще?..

Поленька смеется:

— Вам обедать пора, не опоздайте. Теперь мама одна работает: мне некогда... Можно, я вас провожу? Нам по дороге... Правда, можно?

Мы выходим. Стоят солненные морозные дни. Возле клуба катаются на лыжах ребятишки. Они мчатся с горы и вскрикивают, как ласточки, подскакивают на береговом обрыве и въезжают в солнечную белизну озера, окруженную темными ветлами. Под ногами звонко скрипит снег.

Поленька опускает голову в сером пуховом платке, который здесь называют вязёнкой.

— Что я вас хочу спросить... Может быть, чтобы Павел Николаевич вернулся? — И торопливо добавляет: — Чугунков теперь нестрашный, при новом-то председателе.

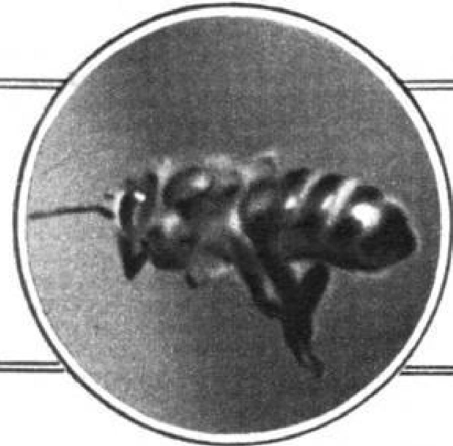
— Вот и не знаю, Поля, что вам сказать на это! Мне даже неведомо, где сейчас Павел.

— Я знаю, — тихо говорит Поленька. — Он не так далеко отсюда: в двадцати километрах, в другом колхозе. Только ему там не очень нравится: хозяйство послабее.

— Но в том колхозе, Поля, тоже нужны специалисты.

— Правда, — еле слышно отзывается Поленька.

...Утром я уехал.

ТРАССЫ ПЧЕЛИНЫХ ПОЛЕТОВ

И. ХАЛИФМАН

Фото А. Стефанова

В романе «Тихий Дон» Михаил Шолохов рассказывает, что, когда Листницкий остановился возле березок, «к нему на медную головку шашки села, расправляя крылышки, пчела». Ее обманул яркожелтый цвет начищенной меди.

Писатель показал еще одну осеннюю примету, дополняющую пейзаж: «Розовели травы, все яркоцветные, наливные в предосеннем, кричащем о скорой смерти цвету».

Поздние цветы, как правило, лишены аромата, и поэтому пчелы чаще ошибаются. Зато летом сборщицы нектара и пыльцы точно прилетают к душистым цветкам медоносов, словно знают к ним дорогу.

Как ориентируется пчела в полете, радиус которого порой превышает пять километров?

Обнаружив запас нектара и вернувшись в улей, она кружится на сотах, фигурами своего «танца» сообщает сестрам, в каком направлении и далеко ли находится корм. Если он душист, то сигнал разведчицы дополняется цветочным ароматом, принесенным с нектаром и на волосках ее тельца. Сборщицы, восприняв указание о маршруте, бросаются к летку и, выйдя из улья, поднимаются в воздух и по солнечному «компасу» летят к невидимой цели.

Все это теперь можно прочитать в детских книгах. Однако и в книгах для взрослых нет еще ни слова о том, что «путевка» разведчицы приводит к корму не всех сборщиц. Примерно половина вылетевших не находит медоноса и возвращается в свой улей. Здесь пчелы, вовлеченные в новый «танец», отправляются по другому адресу. Слетавшие же удачно сами кружатся на сотах, вербуя сестер, и отныне не обращают внимания на небесный «компас» и ориентируются лишь по земным приметам.

Это доказано простым экспериментом. В спокойной, ровной местности поодаль от пасеки поставили блюдце с сиропом, а кратчайший путь к нему отметили хорошо заметными вехами. Вскоре разведчица нашла блюдце и «танцем» сообщила об этом в улье. Пять дней с утра до сумерек сборщицы с примерным усердием выбирали сладкую пищу. На шестой день вечером, когда все пчелы были на сотах, линию вех отвели в сторону от кормушки.

Куда утром должны были направиться пчелы?

Они потянулись вдоль путевых указателей и, прилетев к последнему, долго кружили, разыскивая блюдце с сиропом. А оно стояло на прежнем месте...

Так пчелы ориентируются. Эта сторона их летных повадок тесно связана с другой, до сих пор мало известной, хотя и давно открытой советскими исследователями. Уже лет двадцать назад на Тульской опытной станции засеяли эспарцетом несколько грядок, разделенных полуметровыми междурядиями. Растения зацвели; наблюдатели подкарауливали прилетевших сборщиц и, пока они копошились в цветках, наносили им на спинки метки. На первой грядке насекомых помечали белой краской, на второй — красной, на третьей — желтой.

Меченные белой краской возвращались на первую грядку, красной — на вторую, желтой — на третью. Лишь через несколько дней после того, как большая часть растений отцвела, невидимые границы грядок как бы стерлись: пчелы стали собирать нектар по всей площадке.

Опыт был повторен на делянках с другими растениями, и результаты получились сходные.

Наблюдения на поле гречихи площадью около шестнадцати гектаров, на поляне, заросшей большими куртинами розового клевера, одуванчика и других растений, тоже подтвердили, что пчела, однажды прилетевшая на участок, где она нашла медоносы, не изменяет ему и в дальнейшем стремится только сюда, к облюбованным цветкам.

На поле гречихи пчела, отнесенная ветром в сторону, не опускалась на «чужие» цветки, а добиралась к «своей» делянке. Казалось, эта делянка приобрела для пчелы особую притягательную силу. И пчела, как челнок, сновала вперед и назад между ульем и цветками, перекачивая нектар в соты.

Но как поступает пчела, если на «принадлежащем» ей участке истощился корм?

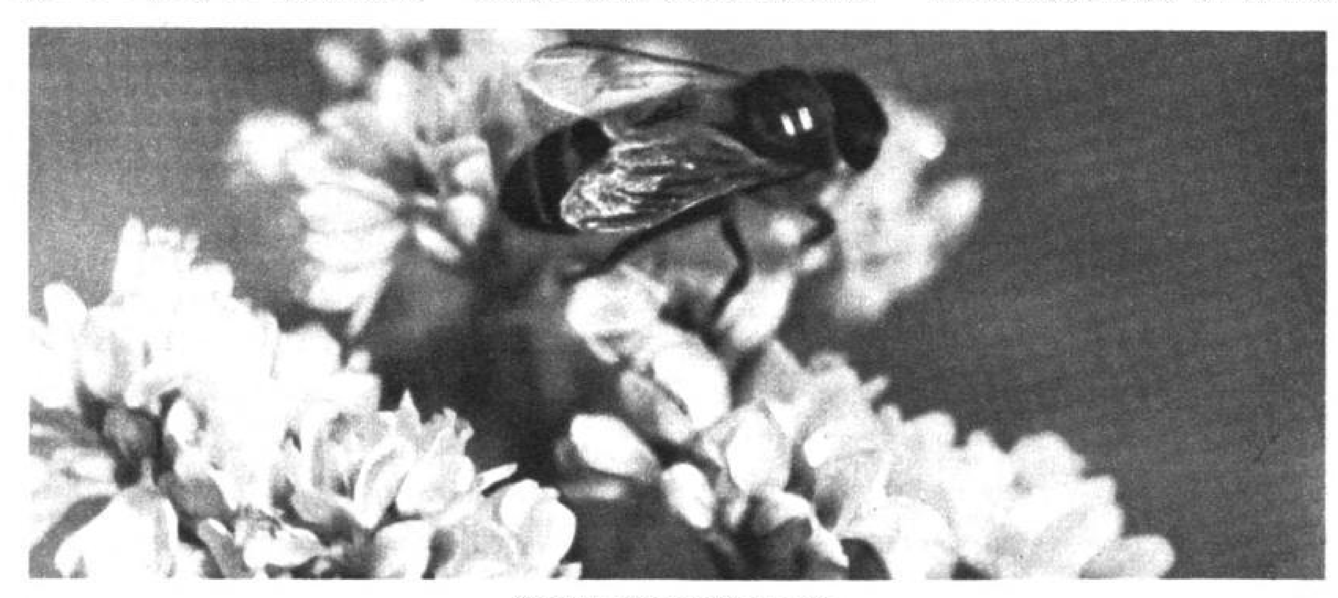
На обширной поляне в шахматном порядке расставили около ста столиков с плошками, полными сахарного сиропа. Таким образом, поляна превратилась в подобие поля, сплошь покрытого одним медоносом. Каждый дежуривший у столика наблюдатель помечал прилетавших за кормом сборщиц определенной краской. Вскоре выяснилось, что пчела безупречно находит именно «свою» плошку среди десятков точно таких же.

На одном столике полную плошку заменили пустой. Тогда летавшие сборщицы начали посещать соседние; так было и на делянках с доцветающим эспарцетом.

Вот к чему приводят на практике эти особенности. В одном из совхозов Пензенской области посеяли фацелию. Во второй половине июня растения зацвели, и, так как в ту пору другого взятка не было, к ним устремились все пчелы. Однако привесы меда были очень скромными — всего двести — триста граммов на семью.

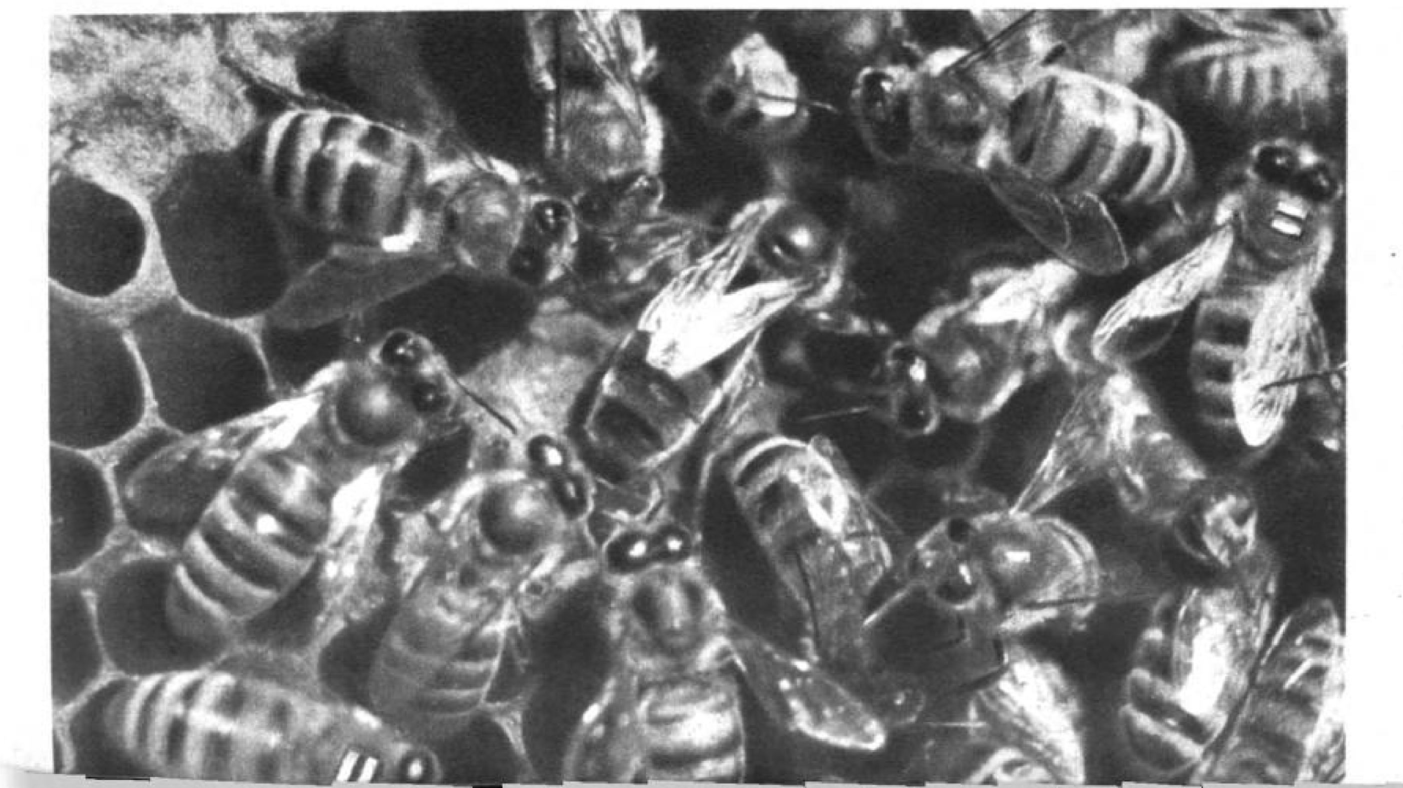
В конце июня невдалеке от пасеки в липовой роще зацвели первые деревья. Вот где было много меда! Тем не менее пчелы не собирали его: они продолжали летать на постную фацелию.

Так прошло три дня. Чтобы бо-

Пчела на цветущей гречихе.

Меченые пчелы на сотах.

Цветущая липа.

гатый медосбор не упустить окончательно, пасечники вечером скосили фацелию, надеясь, что это вынудит пчел посещать липу.

Не тут-то было!

Уже с утра над оголенным участком носились пчелы. Они поднимались с привядшей за ночь скошенной фацелии и с злым жужжанием набрасывались на прохожих не только в поле, но и возле пасеки. Долго еще продолжали сборщицы летать на знакомое им жнивье, тогда как чуть ли не рядом липовая роща разливала пряный аромат своих полных нектара цветков.

Эту природную силу — инстинкт, привязывающий сборщиц к однажды посещенному ими месту, где они нашли корм,— агрономы давно пытаются использовать: ведь пчелы опыляют цветок, неопыленные же остаются бесплодными. Многие сельскохозяйственные культуры — полевые, огородные, садовые — совсем не дают урожая, если на их цветах не бывает насекомых-опылителей.

Профессор А. Ф. Губин предложил направлять пчел на определенные участки поля, которые надо опылить. Если в улей поставить кормушку с сиропом, пахнущим каким-нибудь цветком, то это побуждает сборщиц к поискам этого цветка. На пасеке они находят такие же плошки с тем же сиропом. Когда на кормушках собирается много пчел, их покрывают сеткой и переносят на поле, которое требует опыления. Здесь сетку снимают; пчелы, очутившись на воле, летят к улью и, сдав принесенный корм, не только сами возвращаются в поле, но приводят за собой и новых сборщиц, которые в поисках корма проверяют цветок за цветком.

Колхозница артели имени Чапаева, Мало-Девицкого района, Черниговской области, Герой Социалистического Труда А. В. Плющ прославилась высокими урожаями семян красного клевера. Она несколько изменила способ профессора А. Ф. Губина, скармливая пчелам сироп не в кормушке, а на обрызганных сахарным раствором цветках клевера.

Очень остроумно усовершенствовала прием дрессировки пчел украинский биолог А. Н. Невкрыта. В сумерки поставив в улей плошку с душистым сиропом, она рано утром вынимает ее уже почти пустую, но с еще копошащимися на дне пчелами. Прикрыв плошку сеткой, А. Н. Невкрыта относит ее на участок, к которому требуется привлечь пчел, и здесь выпускает своих пленниц на волю.

Пчелы, прилетев с кормом в улей, «танцуют», и на участок отправляются новые сборщицы.

Возможности управления полетом пчел-опылителей с каждым годом раскрываются все шире и многостороннее. На бахчах Южной Украины, где пчел подкармливали дынным и арбузным сиропами, был получен гораздо больший урожай, чем в обычных условиях. Благодаря пчелам, послушным команде агронома, в отдельных хозяйствах Алуштинского района в Крыму было собрано в полтора раза больше винограда. В этом году во многих местах проведены новые успешные опыты направленного опыления плодовых деревьев, хлопчатника, льна-долгунца...

Советские биологи заставляют пчел собирать больше меда и, что самое важное, повышать урожайность наших полей, лугов, садов.

Пчела на цветке огурца.

ПАМЯТНИК НАРОДНОМУ ГЕРОЮ

19 сентября исполняется 150 лет со дня рождения Лайоша Кошута, национального героя Венгрии, вождя освободительной борьбы в 1848—1849 годах.

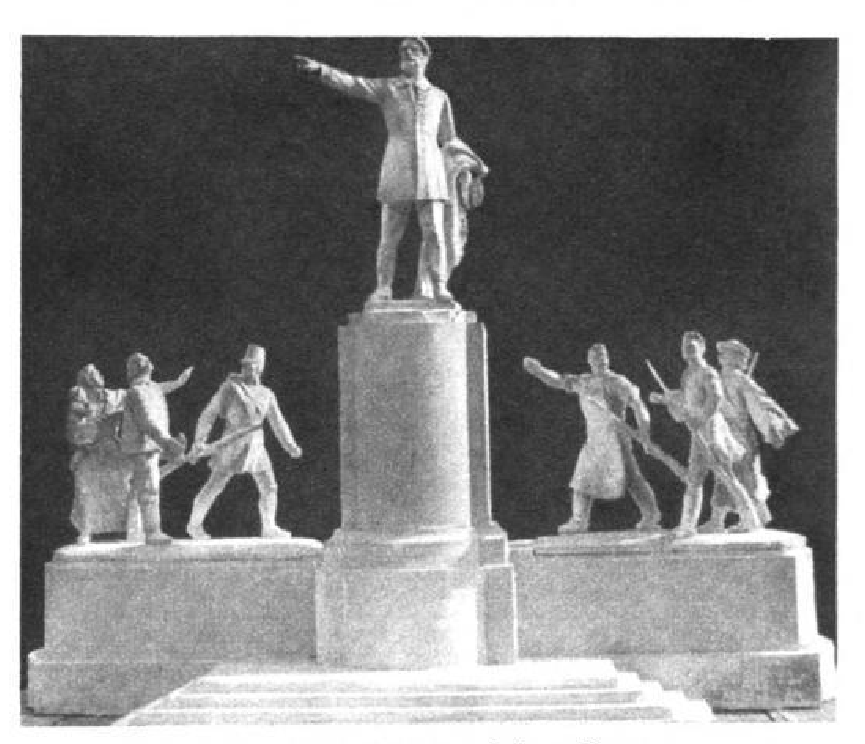
«Впервые после долгого времени,— писал о Кошуте Маркс,— мы видим истинно-революционный характер, человека, который осмеливается поднять во имя своего народа перчатку отчаянной борьбы...»

Венгерский народ, освобожденный в результате исторической победы Советского Союза, осуществил цель, за которую боролся Лайош Кошут: создал сильную, независимую народно-демократическую Венгрию. Премией имени Кошута Венгерская Народная Республика награждает лучших своих сынов, показавших пример самоотверженного, творческого труда на благо родины.

В честь славного 150-летия на площади перед зданием венгерского парламента в Будапеште воздвигнут памятник Лайошу Кошуту. В дневнике создателей памятника, скульпторов Кишфалуди-Штробль, Андраша Кочиш и Лайоша Унгвари, много записей, сделанных трудящимися венгерской столицы и провинциальных городов и сел. Одна из записей ярко выражает уважение венгерского народа, строящего социализм, к своему славному историческому прошлому:

«Напротив нового памятника Кошуту мы строим станцию будапештского метрополитена. С радостью мы думаем о том, что первый взгляд выходящих из метро тысяч пассажиров будет обращаться на памятник, который достойно выражает любовь всех нас к Лайошу Кошуту!

Строители будапештского метрополитена».

Общий вид нового памятника Лайошу Кошуту.

Одна из деталей памятника.

Кто печатал «Путешествие из Петербурга в Москву»

Дошедшие до нас экземпляры первопечатного издания книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» — замечательные памятники истории русской нелегальной печати. Книга эта нанесла сокрушительный удар по самодержавно-крепостническому строю. Ее смертельно боялось царское правительство.

Кто же печатал эту первую революционную книгу?

Известно, что Радищев был вынужден печатать ее в своей домашней типографии. Для этого он приобрел в кредит типографский станок. Помощниками писателя были доверенные лица из мелких служащих Петербургской портовой таможни, а также некоторые из его слуг. История сохранила для нас их имена — имена наборщиков, печатников и хранителей готового тиража замечательной книги.

«Путешествие из Петербурга в Москву». Титульный лист первого издания. 1790 год.

Самую значительную роль в подготовке радищевского произведения к выходу в свет сыграл молодой интеллигент из разночинцев Александр Алексеевич Царевский, окончивший семинарию в Казани и Петербургскую учительскую гимназию. Царевский служил в таможне под начальством Радищева с 1787 года, занимая должность разъездного надсмотрщика на судах, прибывавших в Петербургскую гавань. Радищев хорошо знал Царевского: Александр Алексеевич с 1785 года бывал в доме писателя, обучая его детей.

Близко зная молодого разночинца, Радищев доверил ему самую ответственную роль при подготовке своей книги к печати: Царевский переписывал набело черновую авторскую рукопись, и не случайно именно у него хранился корректурный экземпляр рукописи, который позже был изъят и приобщен к делу Радищева в Тайной экспедиции. У Царевского же при обыске было обнаружено два экземпляра «Путешествия». Повидимому, Радищев поручил ему распространить эти экземпляры.

Набирали книгу служащие таможни, среди них Ефим Богомолов, бывший наборный ученик в типографии Академии наук, и некто Пугин, служащий таможни, который также и печатал книгу. Печатали книгу в основном слуги писателя. Доверенный слуга из крепостных отца писателя Давид Фролов печатал, брошировал и хранил в своей комнате готовые экземпляры книги.

Книга Радищева очень сильно обеспокоила императрицу и правительство. А помощники писателя сохраняли в строжайшей тайне историю создания книги. И весь царский административный аппарат и его судебно-следственные органы были поставлены на ноги, чтобы установить, кто автор «Путешествия», есть ли у него сообщники и куда разошлись экземпляры книги.

По распоряжению Екатерины II началась охота за каждым экземпляром книги Радищева. К допросу были привлечены все, кто имел хотя бы самое отдаленное отношение к книге: переписчик рукописи, наборщики, печатники и хранители готовых книг, владелец типографии, у которого был приобретен типографский станок, книгопродавец. В домах читателей производили обыски, чтобы изъять раскупленные экземпляры.

Царское правительство стремилось уничтожить всякие следы «крамольной» книги. Особенное беспокойство вызвали слухи о проникновении ее за пределы столицы и империи. Допрос об экземпляре, проданном в Орел, и экземпляре, предназначенном для посылки другу автора в Берлин, вызвал наибольшее беспокойство у Екатерины и у всей придворной камарильи. Насколько велик был страх у царского правительства и у всего административного аппарата перед книгой Радищева, свидетельствует следующий факт: согласно указу свыше, все служители суда Уголовной палаты, где слушалось дело Радищева, были удалены из зала судебных заседаний, на которых читался текст «Путешествия из Петербурга в Москву». Но книгу продолжали передавать из рук в руки. В процессе следствия, повидимому, появилось подозрение, что кто-то продолжает распространять в публике дополнительные экземпляры. И 20 июля 1790 года, спустя двадцать дней после того, как Радищева заключили в каземат Петропавловской крепости, в дом его явился пристав из Петербургского губернского полицейского управления, чтобы проверить, не остались ли в этом доме экземпляры книги. Перед приставом предстал слуга Радищева Давид Фролов. Фролов с достоинством ответил явившемуся из Губернской управы благочиния секунд-майору приставу Кобылякову, что он получил от своего господина распоряжение уничтожить книгу (чем полностью подтвердил показания Радищева на допросе у Шешковского). Поэтому он и «сжег связанный в одном месте не малую стопу не в переплете книжек в кухне». В ответ на вопрос пристава «А какие оные были?» Давид Фролов, печатавший и хранивший весь напечатанный тираж книги и, следовательно, видевший каждый экземпляр, ответил, что «по неумению грамоте рассмотреть не мог».

Трудно предположить, что помощники Радищева не знали и не сознавали значения той книги, которую они переписывали, набирали, печатали, распространяли. Это подчеркивает атмосферу беззаветной преданности делу,— начатому смелым и мужественным писателем-революционером,— царившую в доме Радищева, в этой первой в России революционной подпольной типографии.

П. ВОЛЬСКАЯ

Петербургский Гостиный двор, где в доме по Суконной линии, № 15—16, находилась книжная лавка Г. К. Зотова. В этой лавке с мая по 26 июня 1790 года продавалась книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».
С раскрашенной гравюры Б. Патерсена 1806 года.

Последний портрет

До наших дней уцелели очень немногие портреты А. Н. Радищева. В условиях строжайшего цензурного запрета, тяготевшего над его именем, прижизненные изображения Радищева не выходили из узкого круга близких писателю людей. Хранившиеся у частных лиц портреты подвергались всем опасностям утери, и, возможно, некоторые из них погибли безвозвратно...

Любопытна история портрета, впервые публикуемого в этом номере «Огонька».

В «Русском Архиве» за 1869 год среди мелких сообщений на одной из последних страниц журнала появилась заметка об Андреевском — имении А. Р. Воронцова близ Владимира.

Огромный барский дом, по сообщению автора заметки, «вполне сохранился в том виде, как он был при графе А. Р. Воронцове, со всем убранством, гобеленовыми обоями, бюстами, театром, обширною портретною галлереею и пр.».

«В одном из кабинетов графа А. Р. Воронцова,— говорится далее в заметке,— на видном месте поясной портрет А. Н. Радищева».

Широко образованный, А. Р. Воронцов сумел оценить Радищева еще по совместной работе в Коммерц-коллегии и имел мужество не отвернуться от него после ареста и ссылки.

В связи с радищевским делом А. Р. Воронцов вынужден был выйти в отставку и провел последние годы своей жизни в Андреевском.

Возвращаясь из ссылки, Радищев посетил своего покровителя.

После Великой Октябрьской социалистической революции в Андреевском был открыт санаторий. В 1921 году часть имущества, в том числе и портретная галерея, была передана во Владимирский краеведческий музей, где и хранился портрет Радищева до его передачи в Государственный литературный музей.

Портрет (см. стр. 7) выполнен маслом по холсту. Холст домотканный, употреблявшийся в XVIII веке. Изображение поясное, ¾ влево. Прекрасные темные глаза смотрят на зрителя. Высокий лоб мыслителя открыт, волосы зачесаны назад и ложатся на затылке прямыми отдельными прядями. Некоторая небрежность в прическе, обострившееся лицо, обтянутые скулы, твердо сжатый рот — весь облик Радищева носит печать большой усталости.

Сравнение этого портрета с другими показывает, что наиболее близким ему по времени является портрет, хранящийся в Саратовском музее имени Радищева. Внешняя композиция обоих портретов довольно сходна. Однако при сравнении явно выступает разница в возрасте. На саратовском портрете Радищев запечатлен в ранние годы.

На воронцовском портрете Радищев выглядит гораздо старше. Попытаемся установить, когда и где мог быть написан этот портрет. Трудно представить, чтобы это произошло в Сибири или в сельце Немцове, Калужской губернии, где проживал Радищев после возвращения из ссылки.

При обследовании портрета обнаружилось одно обстоятельство, которое до некоторой степени может помочь в установлении датировки.

Рентгеновский снимок, сделанный с портрета, обнаружил под верхним слоем живописи второй мужской портрет XVIII века. Поворот лица в портрете нижнего слоя обратный радищевскому: вправо, довольно ясно просматривается широкоскулое мужское лицо в парике с одной буклей.

Итак, живописец работал не только над портретом писателя, но и над каким-то другим. В условиях ссылки или Немцова это было невозможно. Поэтому наиболее вероятным временем написания портрета представляется последний петербургский период жизни писателя: 1801—1802 годы.

Существует предание, что портрет был подарен А. Р. Воронцову самим Радищевым.

Этот портрет оказался последним изображением автора «Путешествия из Петербурга в Москву».

Л. ТРЕГУБОВА

ВТОРАЯ ССЫЛКА

Царское самодержавие жестоко расправилось с Радищевым. Он был приговорен к смертной казни, замененной затем ссылкой на 10 лет в Сибирь, в отдаленный и глухой Илимский острог. В ноябре 1796 года Павел I по ходатайству влиятельного вельможи А. Р. Воронцова приказал вернуть Радищева из Сибири.

Радищев без промедления, несмотря на жестокие морозы, в феврале 1797 года покинул Илимск.

Однако «высочайшая милость» Павла I была не чем иным, как новой ссылкой Радищева. Свой обратный путь из Сибири «помилованный» Радищев должен был совершить под бдительным присмотром конвойного офицера. Это должно было напоминать писателю, что он попрежнему государственный преступник и ссыльный.

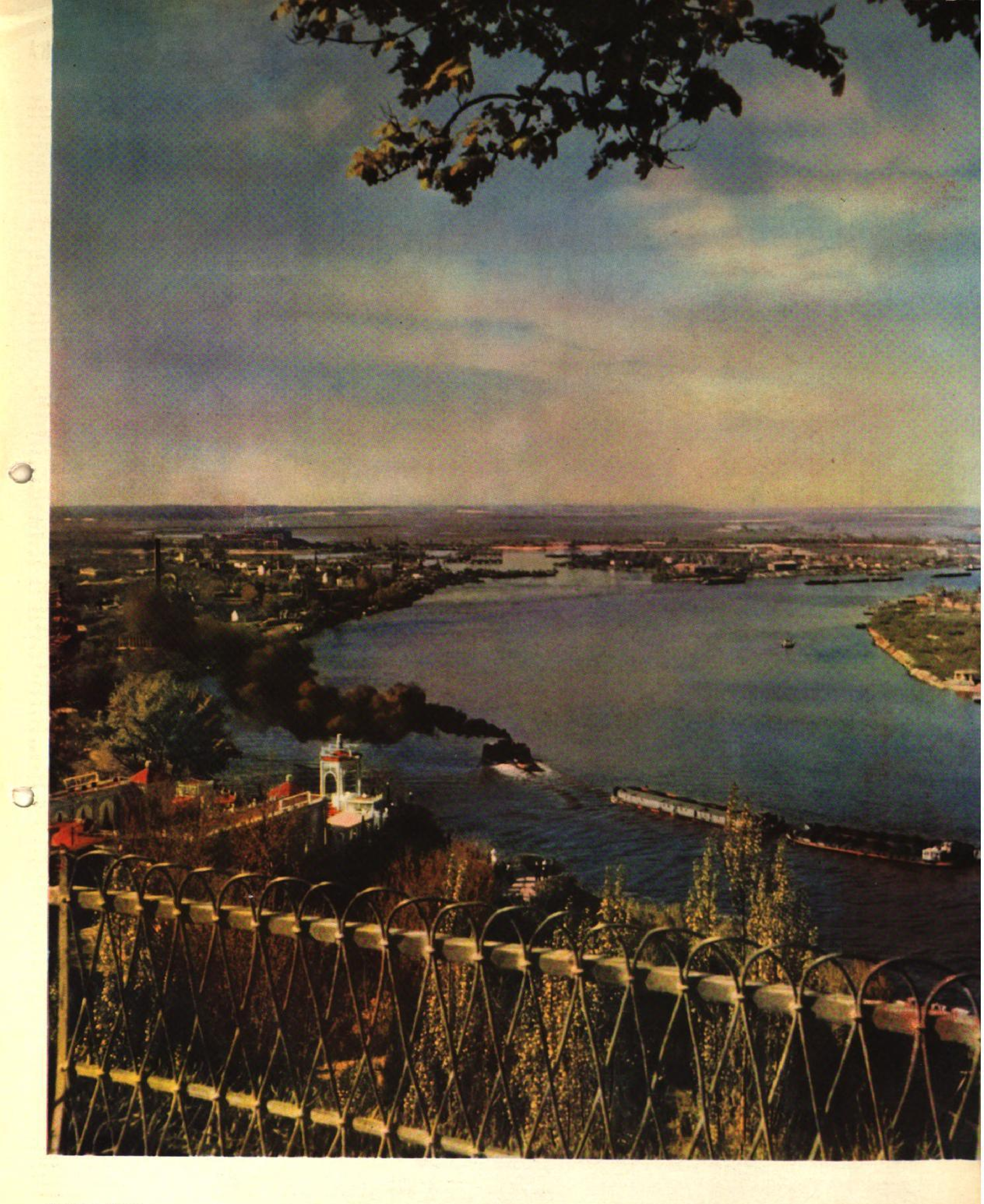
Радищеву было разрешено поселиться в доставшемся по наследству сельце Немцове близ города Малоярославца. Местная администрация, по указаниям царя, подвергла здесь Радищева унизительной полицейской слежке. Ему был строго запрещен въезд в Москву и Петербург, он не имел права без ведома полиции выезжать из своей деревни, его переписка бесцеремонно вскрывалась. Документы, сохранившиеся в архиве Тайной экспедиции — царской охранке того времени,— свидетельствуют о том, что император Павел I лично следил за перепиской Радищева.

Павел I выработал даже специальную инструкцию, как обращаться с письмами Радищева и его корреспондентов. Сохранилось такое распоряжение: «Государь император высочайше повелеть соизволил предписать губернатору Митусову (в Калуге.— Л. С.), чтоб он письма Радищева не распечатывал, но собирая их, препровождал в конверте на имя московского почт-директора Пестеля, которому дать знать, чтоб он все те письма открывал и доставлял по надписям, а копии с них доставлял ко мне; в случае же, что в числе оных найдутся подозрительные, тогда и самые оригиналы ко мне бы доставлял. 28 марта 1797 года».

Из записей в журнале делопроизводства Тайной экспедиции за 1797 год видно, что Павлу I обязательно сообщалось содержание каждого письма, пересылаемого Радищеву через почтовое ведомство. Приведем, к примеру, запись от 13 октября 1797 года: «Его императорскому величеству докладывано по присланным от Московского почт-директора Пестеля в копиях письмам, посланным к Радищеву в деревню: 1-ое, от книгопродавцов Риса и Сосе в Москве; 2-ое, от Александра Ушакова (родственника друга Радищева Федора Васильевича Ушакова.— Л. С.) из Пскова; 3-ье, от Мойсея Радищева (родного брата Радищева.— Л. С.) из Петербурга».

В результате такой «милостивой опеки» царя Радищев, крайне нуждавшийся в покое и отдыхе, очутился в Немцове, по существу, под домашним арестом, в условиях полицейского ссылочного режима, во многом худшего, нежели в Илимском остроге. Не случайно в своих письмах той поры (сохранившихся только в копиях, снятых полицией при перлюстрации) Радищев начинает вспоминать илимскую ссылку как нечто более благоприятное, нежели эта жизнь «помилованного преступника».

Л. СВЕТЛОВ

Днепр у Киева.

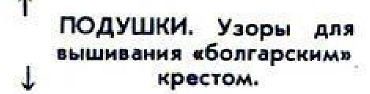
Фото В. Чупрынина

УЗОРЫ ДЛЯ ВЫШИВАНИЯ

С. Самойловой и Э. Ефимовой

↑ ПОДУШКИ. Узоры для вышивания «болгарским» крестом. ↓

СКАТЕРТЬ ↑
И САЛФЕТКА. ↓

Узоры по мотивам украинского народного творчества для вышивания гладью и русскими швами.

ДАНЬ

Альфред Эдгар КОППАРД

Рисунки Г. Филипповского

В июле 1952 года Советский Союз посетила делегация английских литераторов — членов организации «Писатели в защиту мира». Эту делегацию возглавлял Альфред Эдгар Коппард. Имя Коппарда широко известно в Англии.

Альфред Эдгар Коппард — сын плотника. Родился 4 января 1878 года в Фолкстоне. Вынужденный с юных лет пойти на заработки, он одновременно занимался спортом и стал даже профессиональным спринтером — бегуном на короткие дистанции. Долгое время Коппард был клерком на фабрике. Всю свою жизнь он упорно занимается самообразованием и изучает жизнь трудового народа.

Лишь в сорокалетнем возрасте Коппард принял окончательное решение стать писателем. Он оставил службу в конторе и уехал в провинцию.

Первый сборник новелл Коппарда вышел в апреле 1921 года. После этого издано еще полтора десятка его книг. В основе новелл Коппарда лежат рассказы «бывалых людей» из народа, а также народные сказки.

Два молодых человека жили в городе Брэддле. Оба работали на местной прядильной фабрике, оба ухаживали за одной и той же девушкой. Девушку звали Пэйшнс[1]. Она была хороша собой и бедна. Один из этих молодых людей — Натаниил Риджент[2] — в праздники надевал гетры, был всегда уравновешен, молчалив, благопристоен. Другой — Антони Вэссэл[3] — слыл веселым, беспечным парнем. Девушка была быстро покорена его добрым сердцем, открытым лицом; ей нравилось в нем все, вплоть до последнего звенышка цепочки его никелированных часов,— явный признак того, что счастливого влюбленного ожидает ответное чувство. Что же касается уравновешенности Натаниила, то это достоинство ценится, как известно, в более позднем возрасте, а Антони вселил бурное беспокойство в нежное сердце Пэйшнс; молчание, конечно,— золото, но эта валюта не имеет хождения в стране влюбленных; благопристойность же намного слабее той веры, которая движет горами, и поэтому может пленить сердце разве только банковского чиновника или епископа. И девушка вышла замуж за Антони, а Натаниил устремил свое внимание на другую девушку, имевшую изрядное приданое. На ней Натаниил и женился.

Город Брэддль — это вытянутый длинный холм, усеянный скучными маленькими домишками. Холм огибает речка, она снабжает водой большую доходную фабрику. Каждый житель Брэддля знает: если фабрика перестанет работать, перестанет биться сердце города.

Антони продолжал работать на фабрике. Вначале тем же занялся и Натаниил. Но у него была хваткая и честолюбивая жена. Благодаря деньгам жены и ее связям Натаниил вскоре стал начальником одного из цехов фабрики. А Антони все продолжал работать у станка. Уравновешенность Натаниила и деньги жены благоприятствовали его карьере. Он стал помощником управляющего всей фабрикой. Когда его шеф умер, Натаниил занял пост управляющего. К этому времени богатство его возросло настолько, что в конце концов Натаниил и его жена приобрели все предприятие в собственность. А Антони попрежнему оставался простым рабочим. Теперь у него было два сына, дочь Нэнси и жена Пэйшнс, так что и Антони, можно сказать, имел теперь больше, чем раньше. Однако положение его было такое же, как и двадцать лет тому назад.

[1] По-английски «терпение».
[2] «Управитель».
[3] «Данник».

Риджenты жили теперь за городом. У них была единственная дочь, одних лет с Нэнси. Звали ее Оливией. Она была хороша собой и училась в школе, куда ездила на велосипеде. Училась Оливия до восемнадцати лет.

К этому времени страна ввязалась в опустошительную войну. Война была тяжелой и требовала от города Брэддля все больших жертв. Машины на фабриках износились до предела — день и ночь они работали, чтобы доставлять то, что именуется военными ресурсами. А война с каждым днем требовала от них все больше и больше. Рабочие были доведены до изнурения постоянным нечеловеческим напряжением. Почти все жители города Брэддля ходили бледные, исхудалые, угрюмые. Разумеется, были исключения: Риджентам, например, война принесла такое обогащение, что у них разбегались глаза, и они не знали даже, куда девать такую уйму денег. И лица Риджентов не были ни бледными, ни угрюмыми.

— В такое время,— заявила натаниилова жена,— мы должны больше помогать государству... Я говорю: еще больше обязаны мы помогать, чем до сих пор... Так отдадим же наши деньги государству взаймы.

— Правильно,— сказал Натаниил.

И они отдали свои деньги взаймы казне. За это казна выплачивала Риджентам проценты за счет налогов, взыскиваемых с народа. Богатство Риджентов росло не по дням, а по часам. И они ссужали казне все больше и больше и все больше получали с государства. Потом они собрали все полученные проценты, внесли их в казну, а казна стала платить им еще новые проценты за эти проценты.

— В такое время, какое мы переживаем теперь,— сказало государство,— нам требуются солдаты, как можно больше солдат!

Тогда Натаниил стал заседать в главном трибунале и решать, кого из рабочих отдавать в солдаты. Разумеется, именно там ему было место: ведь каждому было ясно, что если фабрика Риджентов остановится, сердце города Брэддля перестанет биться.

— Что могу сделать я, чтобы помочь нашей родине? — спросил рабочий Антони своего хозяина.— Ведь денег, чтобы дать взаймы, у меня нет.

— Нет денег? — последовал ответ.— Тогда ты можешь отдать родине своего здорового сына Дэна.

И рабочий Антони отдал государству своего сына Дэна.

— Прощай, дорогой сын, — сказал Дэну Антони.

— Прощай, брат,— сказали Дэну его младший брат и сестра Нэнси.

А мать поцеловала Дэна.

Дэн был убит в бою. Сестра Нэнси заняла его место у станка на фабрике.

Вскоре Антони сказали:

— Какой славный и здоровый парень — ваш младший сын Альберт-Эдвард!

И рабочий Антони отдал своего сына Альберта-Эдварда.

— Прощай, дорогой сын,— сказал ему Антони.

Сестра поцеловала Альберта-Эдварда, а мать заплакала, склонившись к нему на грудь.

Альберт-Эдвард был убит в бою. Мать заняла его место на фабрике.

А война все не кончалась. И союзники и враги захлебывались в крови. Война, казалось, будет продолжаться вечно. Пришло время, когда и Антони пошел на войну и был убит.

Пэйшнс получила от казны вдовье пособие и трогательное пожелание выйти снова замуж. Но Пэйшнс умерла от горя. В то время умирали многие, в этом не было ничего особенного. Натаниил и его жена тоже умерли: разбогатев от войны, они вскоре после ее окончания умерли от обжорства. Все громадное их богатство получила по наследству единственная дочь Оливия.

Наследством управляли опекуны. Они продолжали давать деньги казне взаймы. Казна платила Оливии большие проценты — это была дань со всех подданных в пользу Оливии за незабываемые заслуги, которые оказали родине ее незабвенные родители. А рабочие города Брэддля своим трудом помогали казне делать это.

Когда война кончилась, высшая власть объявила:

— Каждый, кто не отдал свою жизнь на войне, должен теперь отдать себя работе. Работать надо больше, чем до войны, много-много больше, иначе нельзя будет платить проценты Оливии и сердце города Брэддля перестанет биться.

Рабочие Брэддля считали, что все это чистая правда, и делали то, что от них требовали.

Дочь покойного Антони Вэссэла — Нэнси — вышла замуж за рабочего, который отличился на войне. Она была прядильщицей, как и ее отец. У нее родились сыновья — Дэн и Альберт-Эдвард.

Оливия вышла замуж за большого сановника. По правде сказать, на вид это был человек совсем не крупный. Имел он маленький носик клювиком, но это ведь не так уж важно. Носик можно было и не заметить, если смотреть на мужа Оливии в профиль: носик прятался в пухлых багровых щечках, как какой-нибудь маленький сарайчик в ущелье между двух холмов.

Оливия жила в большом дворце, окруженная многочисленной прислугой. Слуги обхаживали Оливию и ее единственную дочку Мерси. У Мерси, как и у ее папаши, были маленький носик клювиком и пухленькие багровые щечки.

С того времени, когда оставшиеся в живых солдаты вернулись с войны, Оливия ежегодно, в один и тот же день, устраивала праздник с угощением для рабочих и их семей, — их было много сотен. Пиршество, игры, музыка и танцы продолжались несколько часов.

И каждый год на таком торжестве Оливия выступала с короткой речью. Каждый год Оливия напоминала рабочим об их долге перед Брэддлем и об обязанностях Брэддля перед страной. Но, разумеется, она ни разу не упомянула о той изрядной доле дани, которую государство отдавало ей, Оливии. Видно, эту тему было неуместно затрагивать, это было бы неприличным хвастовством.

И так, год за годом, Оливия твердила рабочим:

— Тяжелые времена пришли для нашей страны... Она несет огромную ответственность. И мы все должны подставить свои плечи под этот тяжелый груз...

Каждый раз один из рабочих должен был выступать с ответным словом, благодарить Оливию за то, что она помогает сердцу Брэддля биться, и призывать благословение небес и золотой дождь на голову Оливии.

Однажды честь возносить хвалу хозяйке выпала на долю мужа Нэнси. Он говорил с особым красноречием, потому что как раз в тот день оба его сына стали к станкам на фабрике, где хозяйкой была Оливия.

И никто так усердно не аплодировал, как маленькие сыновья Нэнси — Дэн и Альберт-Эдвард — и сама Нэнси.

Оливия была очень растрогана. Она подумала, что не знает этих людей и никогда не узнает их как следует. И ей показалось, что надо пойти в народ, быть с этим народом, окунуться с восторгом в его повседневную трудовую жизнь. Разумеется, она никогда этого не сделала.

— Как прекрасно все это! — сказала она со вздохом своей клювоносой дочери Мерси.— Я так счастлива! Ведь все эти простые люди сотворены ради нас, именно для нас! Таким создал мир всемогущий господь, а мы только служители его на земле. И мы всегда должны помнить об этом. Так оно было, так оно и будет, год за годом, постоянно, всегда. Сердце города Брэддля не перестанет биться. Старые рабочие умирают, молодые стареют, их дети становятся взрослыми, женятся, и все время они приводят в движение колеса наших машин. И вот, когда я умру...

— О, мама, мама!..

— Ну да, деточка, конечно, когда-нибудь... Тогда ты, Мерси, будешь присматривать за всем этим, и ты будешь говорить с этими людьми так, как я сегодня. Да, да! Владеть фабриками — серьезное и трудное дело. Только тот, кто владеет ими, может это понять. Это дело требует от человека самых лучших и самых редкостных качеств. Собственность — это божий дар, и миссия владельца божественна. И за это меня так любит народ, не правда ли?

Перевел с английского С. ВОЛК

Из цикла «Созидатели»

Иван РЯДЧЕНКО

ШАГАЮЩИЙ ЭКСКАВАТОР

Хоть вес его
исчислен в сотнях тонн,
послушен людям,
как ребенок,
он.

Дивимся мы
его стальной стреле —
малы пред нею
люди на земле.

Но великана
в считанные дни
ходить учили
именно они!

БИОГРАФИЯ МОРЯ

Чтоб пополнить нашу географию,
я сказал бы морю средь степей:
— Расскажите автобиографию,
это очень нужно
для детей!

Для меня она не будет
новостью —
появился я на белый свет,
море милое, сказать по совести,
раньше вас
на двадцать восемь лет...

Но, чтоб детям не казаться
сказкою,
расскажите: стало, дескать,
в строй,
мол, моя фамилия — Цимлянское,
год рожденья — 52-й.

Расскажите все, что вас касается,
я степное, дескать, так и так,
мать моя, мол,— русская
красавица,
а отец мой — труженик-казак.
Налицо есть родственники
близкие,
знает их вся Родина не зря:
Каспий-дед,
Московское, Балтийское,
Белое и Черное моря.

Восхищенья не тая законного,
вас изучат школьники в стране,
хоть вы, море, возраста
дошкольного
с белобрысым чубом
на волне.

ПЕРВЫЙ ТЕПЛОХОД

Неспроста пошли уже на убыль
тронутые ржавчиною лет
слава дерзновенного Колумба,
путешествий
океанский след.

Смотрит вся планета изумленно,
как, замедля в новом шлюзе ход,
движется наверх
от Волги к Дону
из Москвы пришедший теплоход.

Люди ожидают с нетерпеньем,
собственным уменьем горды,
чтобы он
поднялся по ступеням,
сделанным навеки из воды.

Все материки открыты ныне,
но, волнуясь, может быть, до слез,
с мостика
простор увидя синий,
«Море!» —
крикнет вахтенный матрос.

Вот оно, частица нашей были.
Что же, море, принимай гостей...
Нет, мы не Америку открыли,—
мы открыли
счастье для людей!

ТРИ ИНДИЙСКИХ ТЕАТРА

Кадр из кинофильма «По Индии», изображающий представление народного театра.

Борис ЧИРКОВ

СТАРИННЫЙ ТЕАТР

Гостеприимные хозяева в Тривандруме обещали показать нам танец «Катакали». Это танец юго-восточного побережья Индии. Он исполняется в масках, и танцуют его только мужчины.

Зрители расположились под открытым небом, а на простом помосте сидел небольшой оркестр, состоявший почти из одних ударных инструментов. Двое музыкантов были по совместительству и певцами. Певец в этом представлении объясняет зрителям содержание танцев.

У героя сегодняшнего спектакля яркозеленое лицо. Краска положена ровным, густым слоем, и на ее фоне четко выделяется большой красный рисованный рот, густо оттененные черной краской глаза и резко очерченные крылья носа. Грим на лбу соединяется с краем блестящего металлического головного убора вроде шлема. К щекам актера приклеены бумажные бакенбарды, тоже окрашенные в зеленый цвет. Все это составляет маску, выражение которой остается неизменным на протяжении всего спектакля.

Техника накладывания такого грима очень сложна, каждый актер затрачивает на него до 5 часов, самое же представление тянется без перерыва 4 часа. Таким образом, труд актера, кроме творческого напряжения, требует еще и большой затраты физических сил.

Другой виденный нами спектакль — это история Наля и Дамаянти, эпизод из книги древнеиндийского эпоса Махабхарата. Представление именуется танцами, но в нашем понимании это скорее пантомима. Выступая перед зрителями, актер передает переживания действующего лица движениями, мимикой, жестами. Актер изображает охоту: защищая рукой глаза от солнца, он высматривает дичь, крадется к ней, натягивает лук, стреляет. В таких случаях жестикуляция актера вполне реалистична и не нуждается в объяснениях. Но когда актеры разыгрывают между собой какой-нибудь диалог, тут их жесты становятся условными.

Судя по тому, как воспринимают спектакль зрители, им не нужен комментатор, они сами прекрасно разбираются во всем происходящем на сцене. Правда, предание о Нале и Дамаянти широко известно в народе, как и все содержание книг Махабхарата и Рамаяна, представляющих не только свод религиозных легенд, но и своего рода энциклопедию прошлой жизни и быта индийского народа.

Мы пришли в театр к началу второй сцены. Вот выходит на подмостки Наль, которого изображает знаменитый на юге Индии актер Вишну Намбодилин. Крепко пристукивая босыми ногами, которые он ставит по-особому, чуть-чуть вкось, и позванивая бубенцами, одетыми на щиколотки, он танцует и в танце рассказывает о том, как грустит о возлюбленной. Выразительны все жесты актера. Наклон головы означает печаль; движение рук говорит о влюбленности; резкие движения бровей выражают сильное волнение. Стоя на авансцене и обращаясь прямо к зрителям, актер делится с ними своими горестями и радостями.

К концу рассказа Наля появляется лебедь. Его изображает 70-летний актер Кунджа Паникап. Двигая нижней челюстью, к которой прикреплена маска лебединого клюва, актер открывает и закрывает клюв, щелкая при этом деревянными половинками...

ТРУППА БГАДУРИ

Нам довелось побывать на спектакле театра, который пользуется в Индии издавна большой и заслуженной известностью. Это Бенгальский драматический театр в Калькутте, основанный 150 лет назад выходцем из России Г. Лебедевым. Директор, режиссер и главный актер этого театра — семидесятилетний Сисир Кумар Бгадури. Приверженец и пропагандист реалистического театра, Бгадури был учителем большинства выдающихся актеров Бенгалии. В своем личном творчестве этот высокоодаренный человек добивается правдивого и естественного поведения на сцене.

Правда, спектакль, поставленный самим Бгадури, рассчитан обычно на одного главного исполнителя. Все мизансцены сделаны так, чтобы лучше оттенить игру этого персонажа. Вероятно, поэтому режиссера не волнует то, что все остальные актеры значительно уступают по таланту и исполнению.

Мы смотрели пьесу «Тахте-Таух-Трок» драматурга Премаркур Ахатхатти. В беседе с нами Бгадури выражал сожаление, что из-за болезни одного актера не мог выступить перед нами в современной пьесе — постановка ее изображает жизнь Индии в двадцатых или тридцатых годах этого века. Представление, на котором мы присутствовали, историческое и рассказывает об одном из последних великих моголов — Бгадур-Шахе,— о распаде империи и конце династии. Все действие построено на интригах различных дворцовых групп.

Из диалога между персонажами мы узнаем, что брат Бгадура поднял восстание и собирается захватить его престол. Император посылает одного из придворных арестовать своего брата. В это время появляется супруга Бгадура, на которой он женился совсем недавно. Эту роль правдиво играет несомненно даровитая актриса. Между мужем и женой происходит лирическая сцена, во время которой остальные персонажи ведут себя настолько естественно, что можно говорить о сложившемся едином художественном ансамбле.

В ходе диалога императором

Артистка Чандралека Патель исполняет танец.

овладевает гнев против лиц, высмеивающих его личные недостатки. Жена мягко и ласково убеждает его. Император не может противиться уговорам любимой супруги.

Всю эту гамму чувств Бгадури изобразил тонко и убедительно. Мы увидели подлинно реалистическое искусство, дружный, спаянный коллектив.

Затем на сцене появляются танцовщицы, все смотрят их танцы, но император ведет себя несколько странно,— оказывается, он нетрезв! Этот вольный и необычный штрих не пропадает, он дорисовывает образ. Незаурядное мастерство актера объясняет успех спектакля. Поставленный 6 месяцев тому назад, он сегодня идет уже в 50-й раз.

Хочется упомянуть об актере, игравшем сына Бгадура, придурковатого юношу. И в этом случае мы увидели очень талантливую игру, правдивую и выразительную.

Мы долго аплодировали Бгадури и его труппе. Радовала мысль о том, что реалистическое направление искусства в индийском театре имеет талантливых представителей. Это направление не может заглохнуть; наоборот, оно найдет последователей и приверженцев в среде молодых актеров и режиссеров, поставивших себе целью служить народу своим искусством.

СПЕКТАКЛЬ В ДЕЛИ

Вечером в небольшом клубе мы присутствовали на спектакле самодеятельного театра, состоящего из студентов, служащих и рабочих.

Играет театр пока только одну пьесу — «Зов долины». Автор ее — поэтесса Шейла Бхатия. В ее пьесе рассказывается о невыносимом положении крестьян в Кашмире, об англо-американской колониальной политике, основанной на эксплуатации населения страны, о предательской роли магараджи и его прихлебателей. В острых сатирических тонах изображено в пьесе «заседание секретариата ООН» — сборище марионеток, послушно действующих под дирижерскую палочку США.

Для нас это представление было необычайно интересным как попытка молодого театра создать острый политический спектакль на современную международную тему. Нам думалось, что виденное нами представление — ростки будущего индийского театра, которому суждено стать одним из средств строительства новой Индии.

Оформление спектакля сделано самими актерами, и оно не блистало богатством. Перед нами пустая сцена, на задней стене которой куски ваты и кисеи, налепленные на черную материю, должны изображать Гималаи. Но этого намека оказывается достаточно, чтобы фантазия зрителей нарисовала себе типичный пейзаж Кашмира.

Пьеса имеет подзаголовок «Песенная драма» и, как гласит программа, является сочетанием пантомимы, танца и драмы. Эта форма спектакля здесь законна, ибо танцы и пантомимы до сих пор были единственным видом театральных зрелищ, которые знали зрители в Индии.

В этом спектакле проступает уже нечто принципиально новое, что несет с собой драма. И это новое можно заметить прежде всего в игре актеров, в их стремлении передать на сцене подлинную жизнь своих персонажей. Конечно, это не всегда и не во всем еще удалось, но путь этого коллектива одаренной молодежи, несомненно, ведет к реалистическому театру.

Спектакль начинается с живой сценки — столкновения полицейского с группой крестьян на дороге в Кашмирской долине. Полицейский не пропускает крестьянина, едущего за лекарством для больной жены, поскольку по дороге должен проехать поезд магараджи. Магараджа въезжает на сцену верхом на воображаемом коне. Это уже элемент танца, пантомимический, условная сцена.

Затем крестьянка поет песню о трудном положении земледельцев. Это элемент оперы. Снова танцы: мужчина и женщина изображают тяжелый труд крестьян. Но вот, приплясывая, изображая гарцевание на лошадях, выносятся на сцену англичанин и его союзник — местный помещик. Последний начинает петь о том, что Индия принадлежит ему. В следующем за этим дуэте крестьянина и крестьянки мы впервые слышим национальную песню, исполняемую не в унисон, а в два голоса.

Сцена между магараджей и крестьянином начинается диалогом, а в наиболее сильных, драматических местах диалог переходит в пение. После этого следует дуэт англичанина и помещика, в нем идет речь о разделе Индии на Пакистан и Индустан.

Перед началом второго акта на сцене вывешивается плакат: «Секретариат ООН». Действие развертывается в манере кукольного театра: актеры и изображают кукол, с точным деревянным шагом и деревянными жестами.

Четверо марионеток выходят и рассаживаются на воображаемых стульях, то есть просто останавливаются, согнув ноги в коленях. На сцену вызваны Индия и Пакистан, между которыми происходит объяснение. В это время за спинами марионеток появляется американец в цилиндре и начинает показывать куклам, как им себя держать во время обсуждения вопроса. Тут уже говорит и поет только американец, марионетки же молча двигаются по его указке. Затем нам показывают, как в Кашмир приезжает комиссия из двух кукол и американца, который чванливо заявляет, что «доллар правит миром». Но появляется восставший народ и изгоняет и американца и марионеток со своей земли.

Спектакль заканчивается апофеозом — танцами и песнями о мире.

Несмотря на довольно пеструю аудиторию, представление неоднократно прерывалось аплодисментами. Долго аплодировали и по окончании спектакля.

Когда после представления на эстраде появился один из членов нашей делегации, весь зал поднялся. Громко звучали возгласы:

— Да здравствует СССР! СССР — мир!

Здесь, далеко от Родины, мы увидели, что дружественный индийский народ горячо приветствует нашу страну — признанную защитницу мира.

СПЕКТАКЛЬ О ЗЕМЛЯКЕ-ГЕРОЕ

Занавес опустился. Спектакль окончен. Зрительный зал застыл в мертвой тишине. Но вот на авансцену вышли артисты, и аплодисменты разразились с силой настоящей бури. Так повторялось несколько раз: спектакль удался. Театр воссоздал на сцене страницы жизни героя — уральца Николая Ивановича Кузнецова.

Н. И. Кузнецов знаком многим советским людям по книге Д. Медведева «Это было под Ровно», инсценированной затем для театра. Уроженец Свердловской области, Кузнецов работал инженером-конструктором на Уралмашзаводе. С первых дней Отечественной войны он пошел добровольцем на фронт, выполнял важные задания командования в глубоком тылу врага. Хорошее знание немецкого языка, личная отвага, огромная сила воли и незаурядный талант разведчика помогали ему пробираться в немецкие штабы, организовывать дерзновенно смелые диверсии, вплоть до похищения гитлеровского генерала. Кузнецов знал, что его ежеминутно подстерегает смерть, но он не боялся этого. «Я совершенно спокойно и сознательно иду на это,— писал он брату на Урал, — так как глубоко сознаю, что отдаю жизнь за светлое, правое дело...»

«Сильные духом» Д. Медведева и А. Гребнева в Нижне-Тагильском драматическом театре. Партизан-разведчик Кузнецов в костюме фашистского офицера (артист Ю. В. Юровский).

За подвиги на фронтах Отечественной войны Н. И. Кузнецову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Славный советский разведчик погиб смертью храбрых, но память о нем живет и поныне. Именем Кузнецова названы на Урале колхоз в деревне Зырянке, где он родился, и улица в городе Талице, где он жил. В Свердловском областном музее собраны документы и фотографии, рисующие облик воина-героя. И вот теперь свердловчане смотрят пьесу Д. Медведева и А. Гребнева «Сильные духом», посвященную их прославленному земляку. Этот спектакль привез в Свердловск коллектив самого молодого в области Нижне-Тагильского драматического театра.

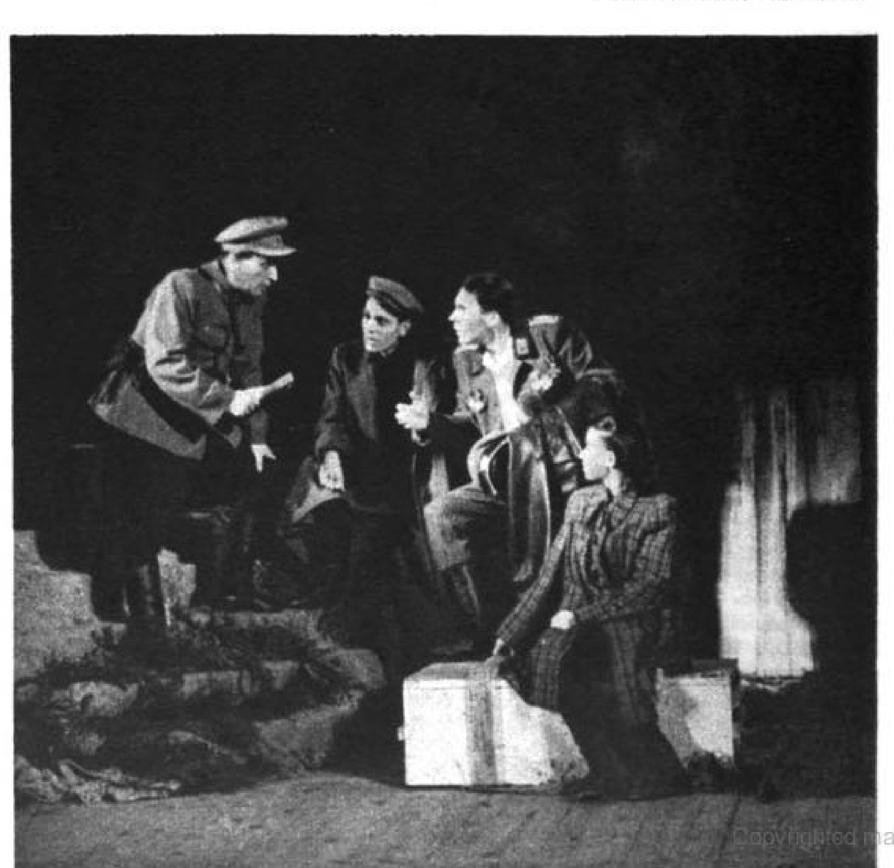
Театр в целом и исполнитель главной роли Ю. В. Юровский отнюдь не стремились к точному портретному сходству с обликом героя. В лице Николая Кузнецова дан обобщенный образ советского патриота, человека высоких моральных качеств. О том, как удался этот замысел, лучше всего говорит неизменно теплый прием спектакля зрителями.

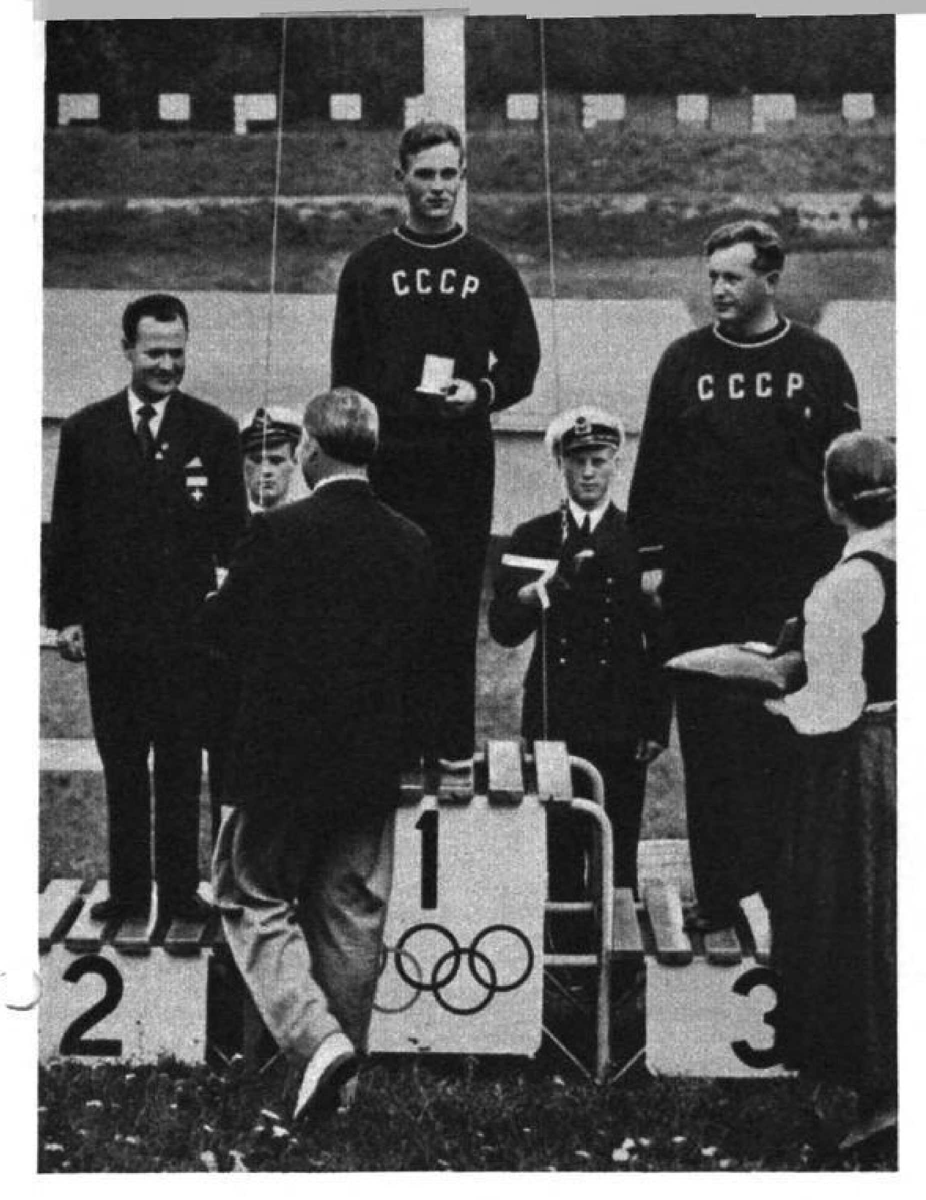
О. МАРКОВА

г. Свердловск.

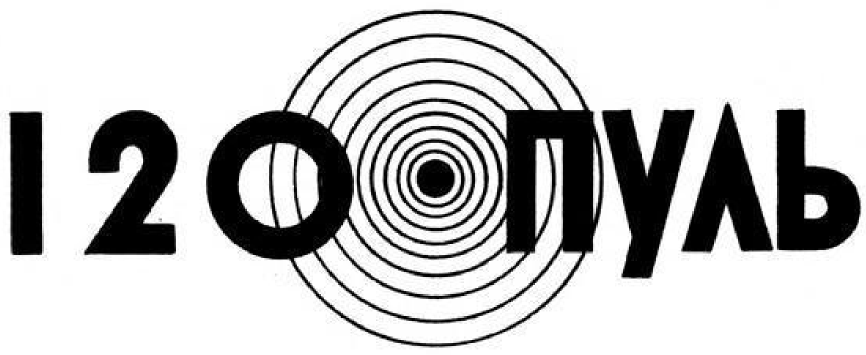
Партизаны перед боевым заданием. Слева направо: командир (В. В. Путилин), Ян Каминский (М. Н. Дорохин), Кузнецов (Ю. В. Юровский), Валя Довгер (В. Я. Володина).

Фото Ю. Добронравова

На пьедестале почета. В центре — олимпийский чемпион А. Богданов.

120 ПУЛЬ

В. ВИКТОРОВ

Анатолий Богданов впервые встретился со швейцарцем Бюрхлером на стрельбище Мальми во время тренировки. Олимпийские игры уже были в разгаре, каждое утро товарищи Богданова по команде — легкоатлеты, гребцы, гимнасты — отправлялись на соревнования, газеты и радио сообщали об их успехах, а Богданов сидел в городке Отаниеми или тренировался рядом со своим главным противником Бюрхлером.

В первые дни известный швейцарский стрелок относился свысока к двадцатилетнему советскому спортсмену. Имя Богданова не было известно за рубежом. Всего два года он принимал участие в больших соревнованиях, а крупных успехов добился только в последнее лето, уже перед отъездом в Хельсинки.

Но на четвертой тренировке к корректировщику Богданова Борису Переберину подошли несколько стрелков и попросили показать им винтовку Богданова. Оружие, сделанное на Тульском заводе, пошло по рукам. Особенно внимательно винтовку Богданова разглядывал Бюрхлер.

— Замечательное оружие для сильных мужских рук,— сказал швейцарец.— Но не слишком ли молод его хозяин? Боевой стандарт — упражнение для людей среднего возраста, для тех, кто умеет держать в руках не только винтовку, но и самого себя.

Когда Богданову перевели эти слова, он только улыбнулся и пожал своими не очень широкими, еще юношескими плечами. Он уже слышал: его будущие противники считают, что у него — двадцатилетнего мастера — нервы не выдержат многочасовой упорной борьбы. Если бы знали все эти иностранцы его жизнь, путь, который он успел пройти в свои двадцать лет, они бы не торопились с предсказаниями...

Толя Богданов трех лет потерял своих родителей и вырос в детском доме. К началу войны ему исполнилось девять лет. Всю трудную, блокадную зиму ребята прожили в Ленинграде, продолжая учиться. Их снабжали всем необходимым: продуктами, топливом,— а потом в детском доме появились моряки с торпедных катеров, зимующих на Неве у Летнего сада. Моряки взяли шефство над детским домом, носили туда свои пайки. И ребята ходили в гости на торпедные катера, где им всегда были рады.

Толя Богданов мечтал об одном: ходить с моряками в опасные рейды к вражеским берегам, держать в руках винтовку. И вот через год мечта мальчика сбылась. Командиру отряда Герою Советского Союза Осипову разрешили зачислить Толю Богданова юнгою в отряд. Но вместо винтовки Толе вручили... тромбон. Он стал музыкантом краснофлотского оркестра. Долго добивался маленький моряк права ходить на боевые задания и летом 1943 года впервые ушел с катерами в море. Это была смелая и опасная десантная операция в тыл финской обороны. С борта флагманского катера юнга видел, как его друзья-моряки под вражеским огнем бросились в воду, как они штурмовали берег, отвоевывая пятачок плацдарма, и бортовый леер, который он изо всех сил сжимал руками, казался ему не обычным стальным тросом, а стволом боевой винтовки.

С тех пор не раз ходил Толя Богданов в море. Он участвовал в морском бою под Таллином, у Пилау, на Эльбе, а когда окончилась война, Анатолий Богданов снова вернулся в Ленинград и стал учеником ремесленного училища.

Там-то он и переступил впервые порог стрелкового тира. Результат первой стрельбы был плачевен: ни одна пуля не попала в мишень. Вторая тренировка окончилась с таким же результатом, а когда и третья дала ноль очков, Толя рассердился: «Почему у меня ничего не получается? Другие же ребята бьют в десятку!» А тут еще товарищи смеются: «Ну и моряк, фронтовик!..»

В 1949 году Анатолий Богданов, окончив ремесленное училище, был уже не только первоклассным электросварщиком, но и первоклассным стрелком. Он решил во что бы то ни стало стать мастером спорта. Эта цель и привела его в Москву, в Московский техникум физкультуры. Почти четыре года занимался он с тренером Иохельсоном, который разработал новый, оригинальный метод беспулевой тренировки. Это была большая школа. В ней учитывалась каждая пуля, а право на выстрел надо было заслужить ежедневной тренировкой вне тира.

...Был момент, когда Богданов еще за два дня до выхода на линию огня олимпийских соревнований почувствовал, что нервы его напряжены до предела. Его товарищ по команде Константин Мартазов в стрельбе из матчевого пистолета занял лишь четвертое место. Имея все шансы на победу, Мартазов затянул стрельбу, остался один, окруженный многотысячной толпой зрителей, растерялся и две последние пули уложил в семерку.

Богданов тоже очень часто последним кончал стрельбу. У него хватало выдержки и воли, чтобы, не торопясь, взвешивать каждый выстрел, используя до конца предоставленное время. Но ведь здесь, в Хельсинки, с ним может повториться такая же история, как с Мартазовым. Значит, надо учесть эту опасность. И Богданов засел за составление нового плана стрельбы.

Этот план, по условию олимпийского первенства, каждый участник мог устанавливать самостоятельно. Соревнования по боевому стандарту включали стрельбу из трех положений по сорок пуль в каждом.

Богданов решил лежа выпустить только двадцать пуль, потом сразу полностью отстреляться стоя, чтобы иметь возможность не торопясь до конца использовать имеющееся в его распоряжении время, затем стрелять с колена и заканчивать состязание снова лежа.

Тридцать два стрелка вышли на линию огня для того, чтобы принять участие в центральном номере стрелковых соревнований — боевом стандарте. Когда Богданов занял свое место в кабинке, предназначенной для двух человек, его соседа еще не было. Но Богданов уже знал, что этот сосед — швейцарец Бюрхлер, тот, кому пророчат победу. Своего главного противника он будет видеть, чувствовать рядом с собой в течение всех шести с половиной часов стрельбы.

Богданов осмотрелся: как будто бы все на месте — твердая камышовая подстилка, резиновая подушечка для локтя, два финских солдата позади кабинки... Пока Борис Переберин устанавливал

Анатолий Богданов на стрельбище.

свою оптическую трубу, чтобы корректировать каждый выстрел, Богданов раскрыл чемоданчик и разложил заранее проверенные пачки патронов. Затем также не торопясь он вынул из чехла свою винтовку. И в этот момент в кабину вошел Бюрхлер.

Богданов краем глаза наблюдал за швейцарцем. Как неторопливы, как уверенны его движения! Вот два пальца — большой и указательный — ухватились за кожаный хвостик, мягко прошуршала молния — и из раскрытого чехла показалась винтовка, такая же холеная, как и ее хозяин. Вот Бюрхлер улегся на подстилке, поерзал на ней и снова присел на колени, раскладывая перед собой патроны в нарядной разноцветной упаковке. А потом Борис Переберин, сидящий позади Богданова, негромко и как-то мимоходом сказал:

— Пора, Толя!

Богданов поудобнее улегся, изготовился и в тот момент, когда глухо бухнула пушка, извещая начало борьбы, плавно нажал спусковой крючок.

Каждый стрелок имел право на десять пробных выстрелов. Богданов использовал только пять. Услышав от Переберина, что пули ложатся кучно, он оглянулся и сказал финскому солдату:

— Зачет!

Солдат нажал кнопку. Там, впереди, за триста метров, поднялась зачетная мишень, и Богданов уже больше ничего не видел и не слышал вокруг. Только на мгновение между двумя выстрелами он быстро посмотрел влево: там с колена вел стрельбу швейцарец, спокойный, сосредоточенный.

Богданов видел впереди только бело-черный квадрат мишени, разноцветные флажки, указывающие направление ветра, и чувствовал у своей щеки тепло винтовочного приклада. Он вел стрельбу из положения, которое давалось ему труднее всего и где особенно силен был Бюрхлер. Значит, не может быть ни одного промаха! Методически всаживая пулю за пулей в центр мишени, Богданов первые десять пуль уложил в десятку. Сто очков из ста! Вторые десять выстрелов принесли ему 97 очков. Когда Богданов поднимался с подстилки, чтобы вести стрельбу стоя, он увидел, что Бюрхлер поднимается вместе с ним. Они одновременно вели стрельбу из положения стоя, самого решающего...

Три часа Анатолий Богданов будет стоять на одном месте, то поднимая, то опуская винтовку — восемь с половиной килограммов металла и дерева. Он будет целиться, все приближаясь и приближая тот момент, когда его палец плавно нажмет спусковой крючок. Все его существо будет стремиться к одному — слиться с винтовкой, с прорезью прицела, с черным пятнышком яблочка, как можно лучше «обработать выстрел». Трижды, четырежды, сколько угодно раз он будет поднимать и снова опускать тяжелую винтовку, прежде чем нажмет спусковой крючок. От такой работы может выбиться из сил и тяжелоатлет. Разве можно сосчитать, сколько килограммов будет поднято за три часа стрельбы? А рука все равно не должна устать, глаз не должен потерять ясности, сердце обязано оставаться совершенно спокойным.

Первые десять выстрелов в положении стоя дали Богданову 88 очков, вторые — 91 очко, третьи — столько же. Пока все хорошо, но впереди последняя, четвертая серия. Успеет ли он отстреляться до перерыва?

«Спокойней, Богданов, спокойней!» Кто это говорит: он сам или это Борис Переберин успокаивает своего стрелка? Неужели он волнуется? Нет, конечно, нет!

И тут же ударила пушка, извещая о перерыве. Шесть пуль остались в обойме невыпущенными. Теперь полтора часа надо ждать той минуты, когда можно будет всадить их в мишень...

Трудными были эти долгие 90 минут вынужденного безделья. Чего только не передумал, чего только не вспомнил Богданов за это время! Но вот в кабине появился Бюрхлер, сказал ему что-то, улыбаясь, и стал готовиться к стрельбе. Снова зашумели за спиной зрители, а потом Борис Переберин положил руку на плечо Богданова. Можно начинать! И шесть пуль, которые так долго жгли ему душу, посланы наконец в мишень. В стрельбе стоя выбито 359 очков. У Бюрхлера в сумме двух упражнений на девять очков меньше...

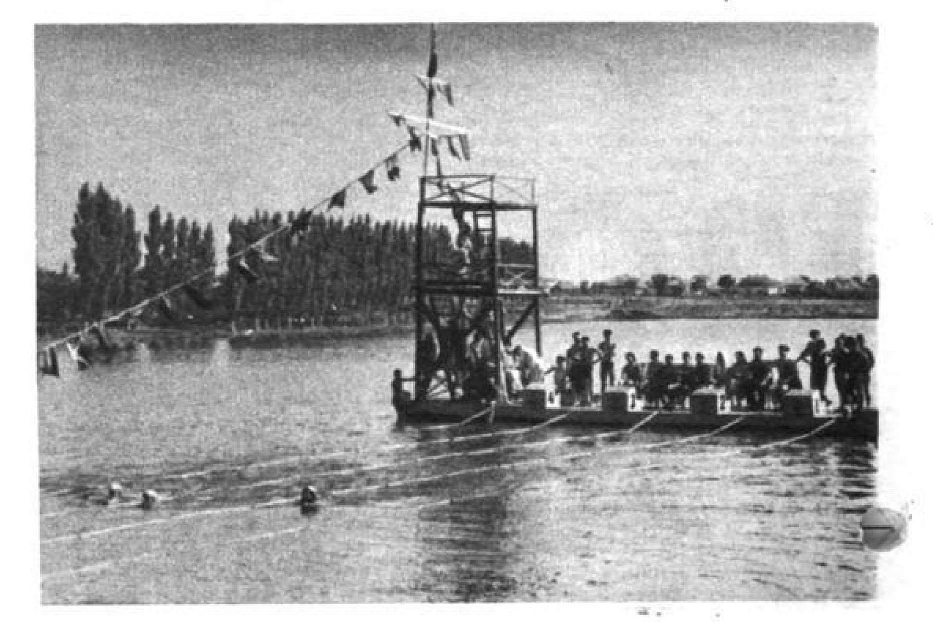
Закончив стрельбу с колена, швейцарец сократил разрыв. Теперь только четыре очка отделяли его от Богданова, а когда Богданов, завершая боевой стандарт, приготовился к стрельбе лежа, где ему надо было выпустить еще двадцать пуль, Бюрхлер отставал всего на три очка.

И это было все, чего смог добиться знаменитый швейцарский стрелок. Пулю за пулей он укладывал в десятку, но и Богданов с каждым выстрелом поражал центр мишени. Прозвучали последние выстрелы, и в оглушительном шуме толпы Переберин, нагнувшийся к самому уху Богданова, крикнул ему: «1 123 очка. Первое место! Новый олимпийский рекорд! Поздравляю!» И тут же Бюрхлер, отложив в сторону винтовку, усталый и растерянный, подошел пожать руку молодому победителю.

На старте — колхозные пловцы.

Фото М. Робертса

Водная станция колхоза «Червоный прапор».

Фото Г. Пазенко

Водная станция в колхозе

В колхозе «Червоный прапор», Магдалиновского района, на Днепропетровщине, работают секции легкой атлетики, футбольная, волейбольная, тяжелой атлетики, шахматно-шашечная. Колхозные спортсмены являются неоднократными участниками областных соревнований, дважды они выступали на первенстве республики. Футбольная команда артели «Червоный прапор» занимает второе место в области среди сельской молодежи.

Физкультура и спорт вошли в быт колхозников. Даже 80-летний Аксентий Анисимович Гром является членом спортивного общества «Колгоспник». Он завзятый шашист.

В установленные дни недели проходят занятия секций, регулярно устраиваются состязания легкоатлетов, колхозных силачей, волейболистов. В обиде лишь оставались любители водного спорта — пловцы, гребцы.

Возникла идея строительства колхозной водной станции. Эта замечательная инициатива была поддержана районными партийными и советскими организациями.

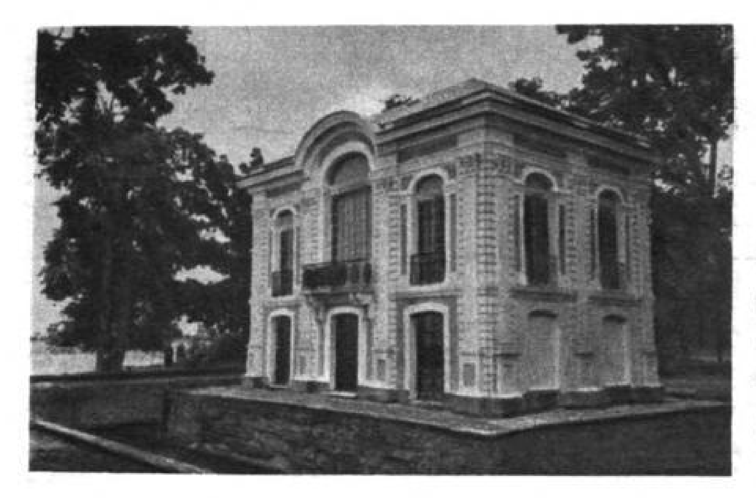
За короткое время первая в Днепропетровской области колхозная водная станция построена. Она немногим отличается от подобных спортивных сооружений: оборудованы четыре водные дорожки, вышка для прыжков в воду, приобретены лодки.

В день открытия станции в селе Магдалиновке был проведен водный спортивный праздник. На живописных берегах колхозного озера собралось свыше 10 тысяч человек, прибыли гости из районов области — Котовского, Павлоградского, Перещепинского, а также из Днепропетровска.

На колхозной водной станции впервые были проведены массовые соревнования по плаванию и народной гребле, по прыжкам в воду с вышки и трамплина. На озере состоялись показательные гонки скутеров, выступления спортсменов Днепропетровска.

Начинается строительство водных станций в колхозах имени Молотова, имени Хрущева, имени Кирова, имени Буденного и других.

Н. КЕМЕНОВ

Восстановленное здание Эрмитажа в Нижнем парке Петродворца.

ВОССТАНОВЛЕННЫЙ ПЕТЕРГОФСКИЙ ЭРМИТАЖ

В Нижнем парке Петродворца восстановлен один из редчайших памятников архитектуры петровского времени — первый русский Эрмитаж. Он был построен на берегу Финского залива в 1721—1727 годах. Строгое по формам, красивое здание покоится на фундаменте, окруженном со всех сторон глубоким рвом. В XVIII веке ров наполнялся водой, и через него был перекинут подъемный мост. Название «Эрмитаж» (от греческого «эремис» — уединение) характеризует назначение павильона.

Петр Первый принимал деятельное участие в декоративной отделке здания. В своем указе от 8 января 1724 года он писал: «В Петергофе в Армитаже сделать два балкона дубовых как на корабле «Ингерманландия», а у окон решетки чистою работою».

Эрмитаж построен и художественно отделан русскими мастерами. Среди его строителей, как свидетельствуют архивные документы, встречаются фамилии столяра Н. Яковлева, резчиков В. Кадникова и Н. Севрюкова, талантливых живописцев-декораторов С. Бушуева и М. Негрубова.

В 1759 году стены Столового зала, занимающего весь второй этаж, были украшены 119 картинами. Самая большая из них — «Полтавская баталия» — была выполнена еще по заказу Петра Первого выдающимся живописцем первой половины XVIII века Иваном Никитиным.

Петергофский Эрмитаж послужил образцом для других подобных сооружений. В XVIII веке такие же павильоны появились в Царском селе (ныне г. Пушкин), в Кускове (под Москвой), на Каменном острове в Петербурге. Эрмитаж Зимнего дворца стал впоследствии одним из самых крупных музеев мира.

В начале Великой Отечественной войны картины, часть мебели и художественный сервиз Петергофского Эрмитажа вывезли в глубь страны. Картины, находившиеся в центральном хранилище музейных фондов, реставрированы и сейчас установлены на прежние места. В возрожденном здании Эрмитажа недавно открылся историко-художественный музей.

Мих. СКВОРЦОВ

В верхнем зале Эрмитажа. На столе — сервиз первой половины XVIII века.

Фото И. Баранова

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

ИНТЕРЕСНОЕ ОКОНЧАНИЕ

В чемпионате СССР 1952 года среди колхозников, закончившемся, как известно, победой бригадира колхоза имени 7-го ноября, Баландинского района, Саратовской области, А. И. Дементьева, успешно выступал один из самых молодых участников соревнования — агротехник колхоза имени Жданова (Узбекская ССР) Усман Абдуллаев (он разделил IV и V места с 10½ очками из 15 возможных). Весь турнир Абдуллаев провел без поражения и продемонстрировал зрелую, продуманную игру. Интересно сложилась его партия с А. П. Хивренко (колхоз имени Чапаева, УССР). В этой партии, которую Абдуллаев играл белыми, после 22-го хода белых создалась позиция, показанная на доске.

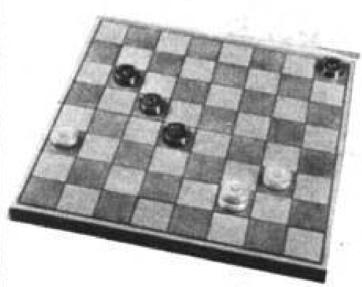

Хивренко сыграл 22... c7—d6! Теперь выясняется, что естественный, казалось бы, ход 23. c3—b4 немедленно проигрывает из-за 23... f4—e3! 24. d4 : f2 d6—c5! 25. b4 : d6 f6—e5 26. d6 : f4 g5 : c1 и т. д.

Абдуллаев не попался на эту ловушку и ответил 23. d4—c5!, на что последовало 23... d6 : b4 24. c3—d4 b4—a3 25. d2—c3, g5—h4. 26. d4—c5 f4—e3 27. c5—d6 e3—d2 28. d6—c7 d2 : b4 29. a5 : c3 a7—b6 30. c7 : a5 f6—e5 31. a5—b6 e5—d4 32. c3 : e5 a3—b2 33. e5—d6 b2—g3!, и в итоге партия окончилась вничью.

ЭТЮД

А. Рокитницкий (Минск)

Белые начинают и выигрывают.

СИЛА ПРИВЫЧКИ

(Случай с маршаллизованным дипломатом)

— Руки вверх!
— О, сэр, я охотно голосую за ваше предложение!

Рисунок Л. Самойлова

Юмор за рубежом

ВОЗМУТИТЕЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ

Один американец подъехал к банку на автомобиле. Он оставил свою машину у подъезда и вошел в здание. Пока он, обезоружив кассира, грабил кассу, украли его автомобиль.

— Год-дэм! — выругался он.— Ну и порядочки у нас!

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ЛЕКЦИЯ

В Чикаго рекламировалась лекция «Разоблачим ложь коммунистической пропаганды о мнимом росте гангстерского движения в США!»

За час до начала лекции было вывешено объявление:

«Лекция по не зависящим от организаторов обстоятельствам не состоится».

Как оказалось, лектор был убит бандой гангстеров.

(Журнал «Шпильки»)

Из блокнота натуралиста

Лесная сластена

— Повадился какой-то зверь через печную трубу лазить ко мне в кладовку на пасеке за медом,— рассказывал мне приятель-пчеловод.— Надо изловить вора и узнать, что за зверь. Иду домой и все думаю: как бы живьем поймать лакомку? Много способов испробовал — ничего не выходило. Наконец надумал!

Утром сел на велосипед — и в район, в аптеку. Купил двадцать листов липушек для мух. Вечером, как уходить домой с пасеки, весь пол и стол в кладовой я устлал липкой бумагой. Теперь, голубчик сластена, очередь за мной посмеяться над тобой!

Дома никак не засну. Все хочется, чтобы поскорее утро пришло. Выйду на улицу — темно, про утро на небе и помину нет. Опять лег спать и заснул. Просыпаюсь. Солнце уже из-за леса выбирается и на траве в каплях росы играет зелеными, белыми и красными искорками. Почти бегом спешу к кладовке. Подхожу к двери кладовой и от волнения не могу замка отпереть. Попался вор или нет? Кто кого перехитрил?

Тихо открыл дверь в комнату, где рамки висят. Почти все липушки разбросаны по полу и разорваны на клочки. Дверцу у печки закрыл. Стал искать вора. Смотрю, в углу лежит какой-то комок, облепленный липушками. Взял палочкой потрогал... а он пополз по полу. Что за зверь, думаю, попался? Кошка?.. Не должно быть... Взял телогрейку, накрыл вора. Потом положил его в пустой ящик и там рассмотрел лесного лакомку. Э! Да это куница! Вот тебе, куничка, новая квартира. С новосельем, голубушка!..

Долго жила злополучная сластена у меня в ящике, а потом я подарил ее Зоологическому саду.

Н. НИКОЛЬСКИЙ

Первый русский ребус

Ребусом, как известно, называется загадка, состоящая в том, что слова и фразы, которые нужно отгадать, изображены в виде разных фигур, букв, цифр и знаков. Первые сборники ребусов, сначала рукописные, а затем печатные, появились в XVI веке во Франции. Из Франции мода на эти нарисованные загадки распространилась и в другие европейские страны.

Первый русский ребус под названием «Загадка» был напечатан в 1845 году в журнале «Иллюстрация».

Рисунки этого ребуса расшифровываются так: идол, чудовище — ДИВ ПЕРЕД ПРЯМОЙ ДОРОГОЙ; собака, лающая на кошку, — ВРАГИ; ПОЛА (одежды); кормовая часть верхней палубы корабля — ЮТ; лагерь — СТАН; нотный знак — «УТ» (старинное название ноты «до»). В целом в сочетании с буквами это составляет:

И див перед прямой дорогой,
Враги пола-ют и от стан-ут,

то есть:

ИДИ ВПЕРЕД ПРЯМОЙ ДОРОГОЙ
ВРАГИ ПОЛАЮТ И ОТСТАНУТ.

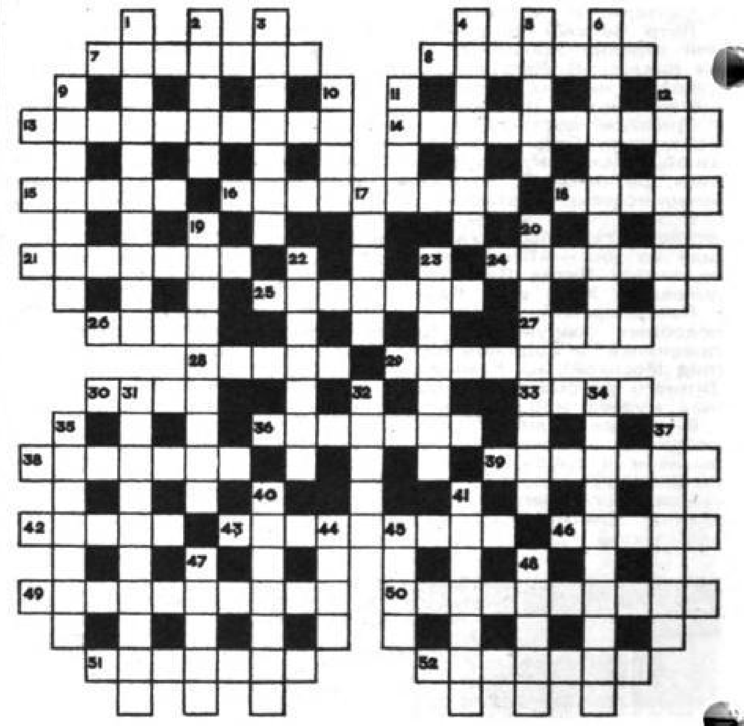
КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Преобразование. 8. Стихотворение в прозе И. С. Тургенева. 13. Повесть, входящая в трилогию Л. Н. Толстого. 14. Денежный документ. 15. Автор романа «Даурия». 16. Русский писатель. 18. Детский писатель. 21. Ожерелье. 24. Отдел механики. 25. Созвездие. 26. Единица оценки степени, силы явления. 27. Часть суток. 28. Наиболее деятельная часть коллектива. 29. Город в Красноярском крае. 30. Спортивная площадка. 33. Главная мысль, содержание произведения. 36. Часть слова между корнем и окончанием. 38. Взрывчатое вещество. 39. Разбор, оценка. 42. Газ. 43. Театральное представление. 46. Стиль в искусстве. 49. Наука о строении тканей. 50. Часть оптики. 51. Прямоугольник. 52. Местное наречие, говор.

По вертикали:

1. Рыба из семейства лососевых. 2. Спортсмен. 3. Драгоценный камень. 4. Народный артист СССР. 5. Государство в Азии. 6. Летательный аппарат. 9. Ограниченная часть чего-нибудь. 10. Одно из помещений в театре. 11. Хищное животное. 12. Знойный ветер, дующий в средиземноморских странах. 17. Водоплавающая птица. 19. Известковое образование в пещере. 20. Строение, устройство. 22. Тригонометрическая функция. 23. Иносказательное выражение. 31. Почин. 32. Гравюра на меди или цинке. 34. Наука. 35. Одно из главных действующих лиц трилогии А. Толстого «Хождение по мукам». 37. Лекарственный препарат. 40. Краткая цитата перед литературным произведением. 41. Профессия. 44. Невысокая горная цепь. 45. Музыкальный инструмент. 47. Прозрачный, слоистый минерал. 48. Сок хвойных растений.

Вязанье

ЛЕГКАЯ КОФТОЧКА С АЖУРНЫМИ ЛИСТОЧКАМИ

Материал: 160 граммов зеленой шерсти.
Спицы № 2,5 и № 2.
Образец вязки: на 23 петли, включая по 1 петле на кромку с каждой стороны.

1-й РЯД: ✱ 9 изнаночных, 1 лицевая, 1 накид, 1 изнаночная, 1 накид, 1 лицевая. Повторять от ✱ до конца ряда.

2-й РЯД И ВСЕ ЧЕТНЫЕ РЯДЫ: как лежат петли, а накиды наизнанку.

3-й РЯД: ✱ 9 изнаночных, 2 лицевых, 1 накид, 1 изнаночная, 2 лицевых. Повторять от ✱ до конца ряда.

5-й РЯД: ✱ 9 изнаночных, 3 лицевых, 1 изнаночная, 3 лицевых. Повторять от ✱ до конца ряда.

7-й РЯД: ✱ 9 изнаночных, 1 лицевую петлю снять непровязанной, 2 лицевых провязать вместе и протянуть через снятую петлю, 1 изнаночная, 1 лицевую петлю снять непровязанной, 2 лицевых провязать вместе и протянуть через снятую петлю. Повторять от ✱ до конца ряда.

8, 10, 12 и 14-й РЯДЫ: лицевыми петлями.

9, 11 и 13-й РЯДЫ: изнаночными петлями.

С 15-го ряда повторять рисунок с 1-го ряда, переставляя ажурный листок в шахматном порядке.

Вся кофточка связана на спицах № 2,5. Воротник вяжется на спицах № 2 вязкой «веревочка». Резинки к рукавам связаны также на спицах № 2.

Э. ЛАЗЕБНИКОВА

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали:

4. Штурман. 7. Владивосток. 10. Диагноз. 12. Замысел. 14. Наказ. 16. Газон. 19. Треть. 20. Молодость. 21. Отрог. 22. Удаль. 23. Поговорка. 24. Пласт. 25. Окунь. 27. Досье. 30. «Свисток». 31. Европий. 33. Разоружение. 34. Боровик.

По вертикали:

1. Стадион. 2. Право. 3. Рассказ. 5. Фляга. 6. Порыв. 8. Рисоводство. 9. Репродукция. 11. Заголовок. 12. Запорожье. 13. Пастель. 15. Штольня. 17. Рогов. 18. Этика. 26. Устав. 27. Долохов. 28. Евгений. 29. Болид. 32. Сурок.

Ответ на задачу «В путь-дорогу»

1 и 2. А. А. Фет «Опять осенний блеск...» и из цикла «Осень».
3. В. А. Жуковский «Ивиковы журавли».
4. Н. А. Некрасов «Несжатая полоса».
5. А. С. Пушкин «Евгений Онегин».

В этом номере помещены репродукции картин: И. Е. Репина — портрет Павла Михайловича Третьякова, Н. Г. Шильдера «Искушение», И. И. Левитана «Золотая осень», А. М. Герасимова — групповой портрет художников, три страницы цветных фотографий и страница узоров для вышивания.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 05836. Подп. к печ. 16/IX 1952 г. Формат бум., 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 744. Заказ № 2116. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

В саду колхоза имени Ворошилова, Ташкентской области, Узбекской ССР.

Фото Н. Максимова

Цена номера 3 руб.